

**Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации**

Амурский государственный университет

**Сборник посвящен 50-летию
Амурского государственного университета**

**ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ
ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР
НАРОДОВ РОССИИ И КИТАЯ
(СЕВЕРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ)**

**Благовещенск
Издательство АмГУ
2025**

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Амурский государственный университет»

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР НАРОДОВ РОССИИ И КИТАЯ (СЕВЕРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ)

*сборник материалов XII Международной
научно-практической конференции,
посвященной 50-летию
Амурского государственного университета
в рамках проведения
совместных Годов культуры России и Китая (2024-2025),
международного Десятилетия языков коренных
малочисленных народов (2022-2032),
Международной олимпиады по языку и культуре
тунгусских народов России и Китая «ТУРЭН» (2025)*

Благовещенск
2025

УДК 811.5

ББК 81.2

П78

*Рекомендовано
учебно-методическим советом университета*

Рецензенты:

Аниховская Т. В., кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой английской филологии и методики преподавания английского языка, ФГБОУ ВО «Благовещенский государственный педагогический университет»

Деркач С. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, ФГБОУ ВО «Амурский государственный университет»

Проблемы сохранения языков и культур народов России и Китая (Северная конференция): материалы XII Международной научно-практической конференции 17 января 2025 г. – Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2025.

В сборнике XII Международной научно-практической конференции, состоявшейся 17 января 2025 г., содержатся статьи, посвященные широкому кругу вопросов, связанных с сохранением и ревитализацией языков и культур народов России и Китая, находящихся на грани исчезновения.

Сборник адресован научным работникам, преподавателям, аспирантам, магистрантам, студентам с целью использования его материалов в научной работе и учебной деятельности. Материалы издаются в авторской редакции. Авторы докладов несут полную ответственность за их содержание, а также соблюдение законодательства в области интеллектуальной собственности.

Редакционная коллегия:
О. Н. Морозова (отв. ред.), О. Г. Смирнова

ISBN 978-5-93493-449-2

© Амурский государственный университет, 2025

Абрамова Дарья Эдуардовна

Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова

г. Улан-Удэ, Республика Бурятия

E-mail: abramovad038@gmail.com

НАЗВАНИЯ СПОСОБОВ И ОРУДИЙ ОХОТЫ В ДЖЕЛТУЛАКСКОМ ГОВОРЕ ЭВЕНКИЙСКОГО ЯЗЫКА

Darya E. Abramova

Institute of History and Philology, Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Republic of Buryatia

E-mail: abramovad038@gmail.com

NAMES OF HUNTING METHODS AND TOOLS IN THE DZHELTULAK COLLOQUIALISM OF THE EVENKI LANGUAGE

Аннотация. Охотничий промысел издревле является основной отраслью хозяйства эвенков. Именно охота составляет экономическую основу хозяйства эвенков, которая практически в течение всего года обеспечивает коллектив необходимыми запасами мяса и сырья для домашнего ремесла. Она была основным занятием эвенков до недавнего времени, к сожалению, в настоящее время ситуация несколько изменилась.

Abstract. Hunting has been the main branch of Evenk economy since ancient times. It is hunting that forms the economic basis of the Evenk economy, which practically throughout the year provides the collective with the necessary reserves of meat and raw materials for domestic crafts. It was the main occupation of Evenks until recently; unfortunately, the situation has changed somewhat nowadays.

Ключевые слова: эвенки, охота, джелтулакский говор, названия способов и орудий охоты.

Keywords: Evenki, hunting, Dzheltulak language, names of hunting methods and tools.

Джелтулакский говор современного эвенкийского языка, по мнению Н. Я. Булатовой, относится к верхнеалданскому диалекту восточного наречия, наряду с алданским, верхнеамурским, амгунским, тимптонским, томмотским, хинганским, чульманским и гилюйским говорами [2]. На джелтулакском говорят жители нескольких населенных пунктов в Амурской области – это с. Первомайское, пос. Уркима, с. Усть-Нюкжа (Тындинский р-н), пос. Бомнак (Зейский р-н), с. Ивановское (Селемджинский р-н) [1].

В конце XIX- начале XX вв. из-за интенсивного промышленного освоения территории расселения эвенков охотничий промысел, который издревле являлся основной отраслью хозяйства, начал вытесняться оленеводством. Развитие товарно-денежных отношений и торговли, в которых обменным товаром были меха, коренным образом трансформировало охотничий промысел, определив его пушную специализацию.

Охота ранее составляла экономическую основу хозяйства эвенков, которая практически в течение всего года обеспечивала коллектив необходимыми запасами мяса и сырья для домашнего ремесла и была основным занятием эвенков. Обширная территория расселения эвенков, различные географические условия их обитания и распространение различных видов животных обуславливали орудия и способы охоты на зверей [4].

Охота на крупных копытных (дикий олень *бэюн* и лось *моты*) была характерна для всей таежной зоны расселения эвенков. На диких оленей эвенки охотились с помощью домашнего оленя-манщика *ондогдо*, обученного для охоты. Данное слово образовано от глагола *ондо*- спрятаться за оленя во время охоты с ним.

Промысловым зверем является и медведь *амака*, но на него эвенки специально не охотились. Животное убивали при случайной встрече весной и летом, зимой – обнаружив его берлогу, но это было редким счастливым случаем. Во время охоты эвенки вставляли бревнышки, которые называли *монтын* – от *мо*, дерево. Внутри ловушки клали приманку, перед которой устанавливали шнуровую насторожку, сообщающуюся с дверкой. Когда медведь попадал внутрь и сбивал насторожку, пасть захлопывалась, зверь оказывался в западне.

Основным видом охотничьего оружия в старину были луки со стрелами разных размеров, форм и назначения. Названием лука в желтулакском говоре *бэркэн*. Простой лук *бэркэн* – это изогнутая пластина, обклеенная берестой. В некоторых случаях из-за труднодоступности и дефицитности сложных луков изготавливали простые луки, с наставными концами из рога. При стрельбе из луков эвенки пользовались напальниками *ургэптун*, которые надевались на большой палец [4].

Стрелы *нюр* имели разнообразные наконечники в зависимости от того, для какого зверя они были предназначены. Для охоты на белку *улуки* используют стрелу *нюр* с деревянными булавовидными и парообразными тупыми наконечниками. Хранили и носили их в специальных колчанах *тэпку*. В желтулакском говоре есть слово *тэпэ* – вонзиться (о стреле). Было специальное ружье для охоты на белку *улуки*, которое называется *улумугду* [4].

Тесак *уткэн* – асимметричный, односторонний заточенный клинок, с одной стороны плоский, с другой заоваленный к жалу. Тесак служит эвенку уни-

версальным оружием, топором для проложения пути через чащу и для рубки леса на топливо. *Уткэн* использовался также для изготовления самострелов, служил верховой палкой, пешней для испытания и проламывания льда и др.

Был и другой инструмент – нож *кото*, который по своей форме напоминает тесак, только с изогнутым влево клинком.

Самострел в джелтулакском говоре обозначается словом *чаркан* «ловушка на мелкого зверя». Глагол «выстрелить (о самостреле), взорваться (о порохе)» обозначается словами *тылкэми*, *тылбэнмуми*. Само слово ловушка, насторожка называется словом *тылбэмукэн* – от глагола *тылкэми* «насторожить ловушку» и суффиксом *-мукэн* в значении «прикрепления, установки предмета» [5].

В охоте амурские эвенки также применяли копье *гида*.

Охоту с помощью давящих ловушек эвенки заимствовали от русских, хотя «в XVII–XVIII вв. не только жаловались на русских, пользующихся такими орудиями охоты, но и разрушали их» [3].

Одним из древнейших способов охоты была охота петлей *хурка* на зайца *туксаки*, лису *сулаки*, рысь *нонно*, кабаргу *муку*, лося *моты* и медведя *амака* [5]. Петлю *хурка* на мелких зверей делают из сыромятных полосок, срезанных с краем кожи оленя, позже для этого использовали гибкую проволоку. На крупных зверей ставят петлю из широкого толстого лосинового ремня, позже – из толстого троса. На мясных животных петли устанавливали в проходах изгородей и на тропах, на пушного зверя – в местах тропления. Боровую птицу, особенно глухарей *хорокил* во время токования, ловили петлями *хурка* [4].

Также одним из древних видов охоты является охота с помощью яда. В джелтулакском говоре яд обозначается словами *букэвун~бупкэвун* от глагола *букэнми* – отравить, убить с помощью яда [5].

Огнестрельным оружием *пэктырэвун* [5] эвенки начали пользоваться с XVII века, наряду с такими видами оружия как луки, самострелы, но последние со временем стали применяться реже. В джелтулакском говоре также есть определение чехла для ружья *моһик*. Пуля в джелтулакском говоре – *һэкэ*. Специальный мешок для пуль *уһэрук* изготавливается из кожи [4]. Необходимым снаряжением для пешего охотника, кроме оружия, была заспинная дощечка-поняга (от эвенк. *панагэ*) с парой лямок, надеваемых на плечи. К дощечке прикреплялись шесть-восемь пар ровдужных ремешков, которыми привязывались та или иная часть снаряжения и добыча. В джелтулакском говоре эта дощечка называется *эмһэкэн* [4].

Охота на пушных зверей в жизни эвенков занимала второе место, после охоты на копытных. Пушнина *бэйнуэксэ* шла в основном на обмен других товаров, жизненно необходимых эвенкам, и отчасти – на одежду.

Таким образом, в традиционной охотничьей культуре эвенкийского народа накапливался и сохранялся веками бесценный опыт взаимодействия человека и сурового мира тайги. Охотничьи традиции являются важным и древним элементом культуры эвенков. Вера в духов-хозяев местности, уважительное отношение к ним, по представлениям охотников, непосредственно влияющим на удачу в охоте, – часть их мировоззрения *иты, одё*.

Библиографический список

1. Абрамова Д. Э. Названия диких животных в джелтулакском говоре эвенкийского языка // Азиатско-Тихоокеанский регион: история и современность – XVII: материалы науч.-практ. (заочной) конф. молодых ученых (Улан-Удэ, 17 мая 2024 г.). – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета им. Д. Банзарова, 2024. – С. 73–76.
2. Булатова Н. Я. Классификация говоров эвенкийского языка // Просвещение на Крайнем Севере. – Ленинград, 1984. – Вып. 21. – 168 с.
3. Василевич Г. М. Историко-этнографические очерки. – Л. : Наука. – 1969. – 305 с.
4. Мыреева А. Н. Лексика эвенкийского языка: Традиционное хозяйство. – Новосибирск : Наука. – 2005. – 112 с.
5. Словарь джелтулакского говора эвенков Амурской области / В. Б. Болдырев, Г. В. Быкова, Г. И. Варламова [и др.]. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2009. – Ч. 1. – 608 с.; – 2010. – Ч. 2. – 232 с.

Научный руководитель: Афанасьева Елизавета Федоровна, кандидат филологических наук, доцент, Институт истории и филологии, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Республика Бурятия, e-mail: elizaveta_fedor@mail.ru
Scientific Supervisor: Elizaveta F. Afanasyeva, PhD in Philology, Associate Professor, Institute of History and Philology, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, e-mail: elizaveta_fedor@mail.ru

Бадртдинова Алсу Анисовна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан
г. Казань, Российская Федерация
E-mail: badrtdino-alsu@rambler.ru

СМЯГЧЕНИЕ ГЛАСНЫХ В СРЕДНЕМ ДИАЛЕКТЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Alsu A. Badrtdinova
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
Tatarstan Academy of Sciences
G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art
Kazan, Russian Federation
E-mail: badrtdino-alsu@rambler.ru

SOFTENING OF VOWELS IN THE CENTRAL DIALECT OF THE TATAR LANGUAGE

Аннотация. В статье представлен анализ гласных, которые в представлении носителей мензелинского говора среднего диалекта татарского языка считаются гласными переднего ряда и обозначаются графемой переднего ряда «ү» [1]. Но при фонологическом анализе, который также состоит и из этапа лингвистической интерпретации звуковой стороны речевого сообщения, первичного слухового анализа, установлено, что это гласные заднего ряда, но «смягченные».

Abstract. The article presents an analysis of vowels, which, according to speakers of the Menzelian subdialect of the Central dialect of the Tatar language, are considered front-row vowels and are indicated by the front-row grapheme "ү" [1]. But in the phonological analysis, which also consists of the stage of linguistic interpretation of the sound side of the speech message, the primary auditory analysis, the results showed that these are the vowels of the back row, but "softened".

Ключевые слова: татарский язык, средний диалект, смягчение, гласные.

Keywords: Tatar language, Central dialect, softening, vowels.

В фонетике термины «мягкость», «смягчение» относятся к согласным звукам, а синонимами данным терминам являются «палатальность» и «палатализация», тем самым делается указание на образование акустического эффекта «мягкости» в ротовой полости. Н. С. Уртегешеев в своей работе убедительно показал, что «палатализация» и «палатальность», с одной стороны, и «мягкость» и «смягчение», с другой, – это разные артикуляционные процессы [2]. Первые связаны с полостью рта, а вторые с голосовыми связками и гортанью в целом. В некоторых языках (например, в русском языке) между «палатализацией» и «мягкостью» есть корреляция, но в других (например, в тюркских языках Сибири) ее может и не быть.

При исследовании мензелинского говора среднего диалекта татарского было обнаружено «необычное» произнесение вокальных настроек: так называемые традиционно гласные заднего ряда «а» и «и» [3] звучат «мягко». Что очень сильно их выделяет в акустическом плане, на фоне подобных гласных русского языка. Смягчение гласных ранее не было описано ни на материале татарского языка, ни на другом. Нет методики определения «мягкости» по данным осцилографирования и спектрографирования, поэтому мы определяли на слух, проставляя границу между «мягкой» и «твердой» частями вокальной настройки.

Материалом нашего исследования послужили отдельные словоформы, записанные от носителей мензелинского говора среднего диалекта татарского языка. В данном идиоме встречается смягчение у гласных [а], [и], [е].

Как уже говорилось ранее, в работе применен перцептивный метод исследования. Кроме того, звуковые файлы нарезались в компьютерной программе Audacity, сегментировались и анализировались в SpeechAnalyzer 3.0.1.

В нашей статье детально рассмотрим звукотип «и» в мягкорядных словах.

В мягкорядных словах гласный звукотип «и» в начале слова и во втором слоге в словах *үбү* [(u'u)b(u'и)] 'поцеловать (поцелуй!)' (рис. 1) и *үтүк* [(ии'u)d(u'и)k] 'утюг' (рис. 2) обозначается графемой *ү*, символом, который служит для передачи звучания гласного переднего ряда типа «ү».

Анализ формантной картины показал, что гласные типа «и» заднего ряда или веляризованные, так как форматный разброс F2 от 684 Гц до 1221 Гц, что соответствует подъему задней части языка к мягкому нёбу.

Высокие показатели второй форманты фиксируются только на приглушенном компоненте гласного: от 1313 Гц до 1417 Гц. Некоторые акустические характеристики можно посмотреть в таблице.

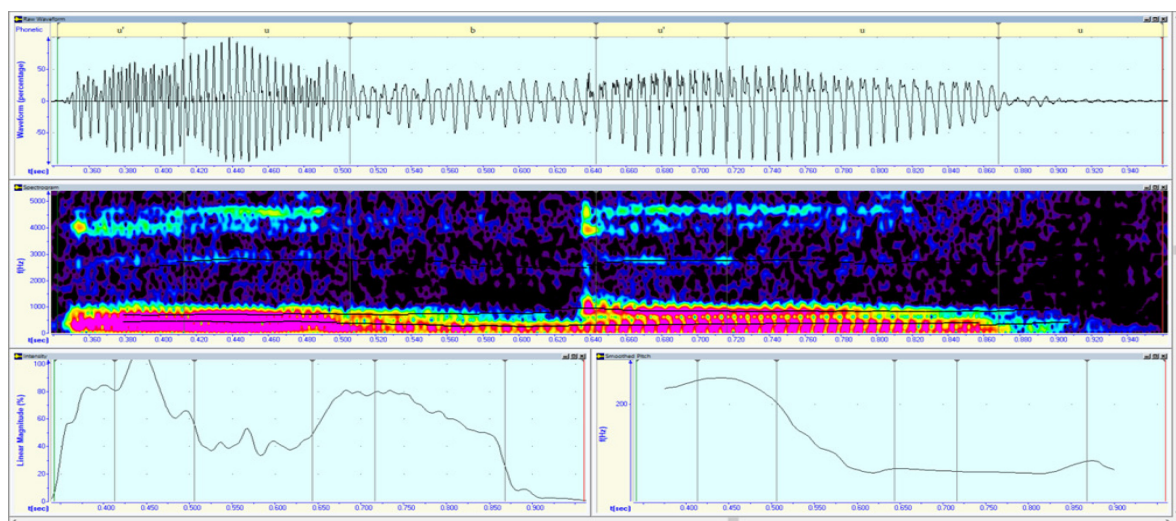

Рис. 1. үбү [(u'u)b(u'ux)] 'поцеловать (поцелуй!)'.

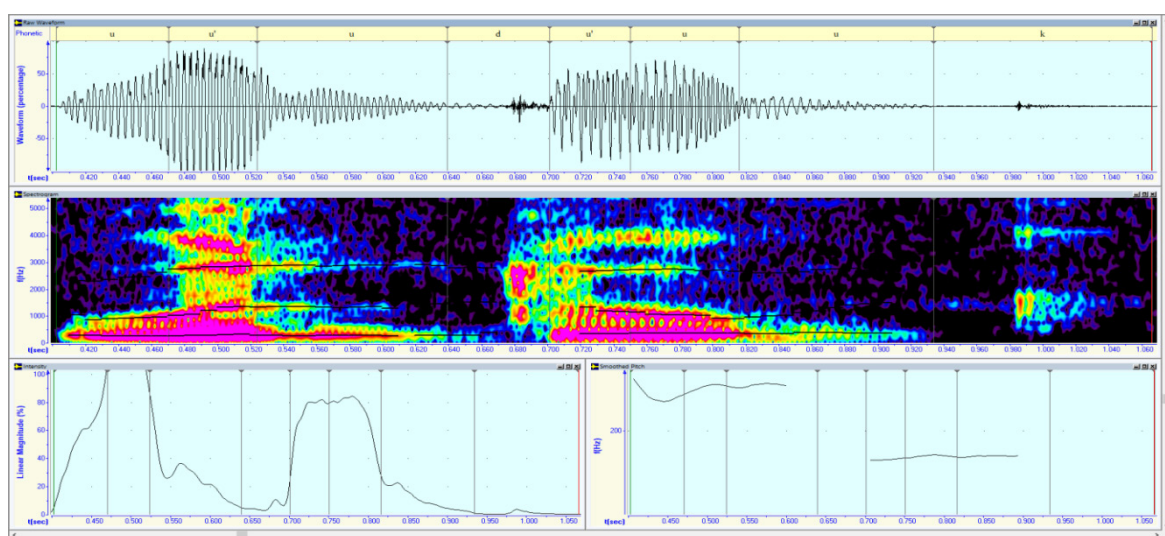

Рис. 2. үтүк [(uu'u)d(u'ux)k] 'утюг'.

Акустические характеристики исследуемых гласных

Слово, перевод	Позиция в слове	1 компонент	2 компонент	3 компонент
үбү [(u'u)b(u'ux)] 'поцеловать (поцелуй!)	[V]C-	u' АДК = 71мс, F1 = 446Гц, F2 = 684Гц, I = 82%, ЧОТ = 57,1st = 221Гц	u АДК = 93мс, F1 = 437Гц, F2 = 708Гц, I = 111%, ЧОТ = 57,9st = 232Гц	ux АДК = 92мс, F1 = 417Гц, F2 = 1070Гц, I = 9%, ЧОТ = 49,4st = 142Гц
	-C[V]	АДК = 73мс, F1 = 332Гц, F2 = 840Гц, I = 81%, ЧОТ = 48,9st = 138Гц	АДК = 152мс, F1 = 376Гц, F2 = 838Гц, I = 81%, ЧОТ = 48,7st = 136Гц	
үтүк [(uu'u)d(u'ux)k] 'утюг'	[V]C-	u АДК = 68мс, F1 = 262Гц, F2 = 901Гц, I = 61%, ЧОТ = 58,3st = 237Гц	u' АДК = 54мс, F1 = 295Гц, F2 = 1221Гц, I = 133%, ЧОТ = 59,7st = 257Гц	ux АДК = 115мс, F1 = 280Гц, F2 = 1313Гц, I = 36%, ЧОТ = 59,9st = 260Гц
	-C[V]C-	u' АДК = 49мс, F1 = 359Гц, F2 = 1189Гц, I = 80%, ЧОТ = 52st = 170Гц	u АДК = 66мс, F1 = 371Гц, F2 = 1045Гц, I = 84%, ЧОТ = 52,9st = 174Гц	ux АДК = 118мс, F1 = 380Гц, F2 = 1417Гц, I = 23%, ЧОТ = 52,8st = 173Гц

Исходя из данных, представленных в таблице, каких-либо существенных отличий смягченного компонента от твердого не наблюдается. На осциллограмме глоттальная волна смягченного компонента в верхней части немного отличается (рис. 3–10).

1. Гласный первого слога типа «и» в мягкорядном слове $\text{убу} [(u'u)b(u'u\text{ц})]$ ‘поцеловать (поцелуй!)’ (рис. 3, 4).

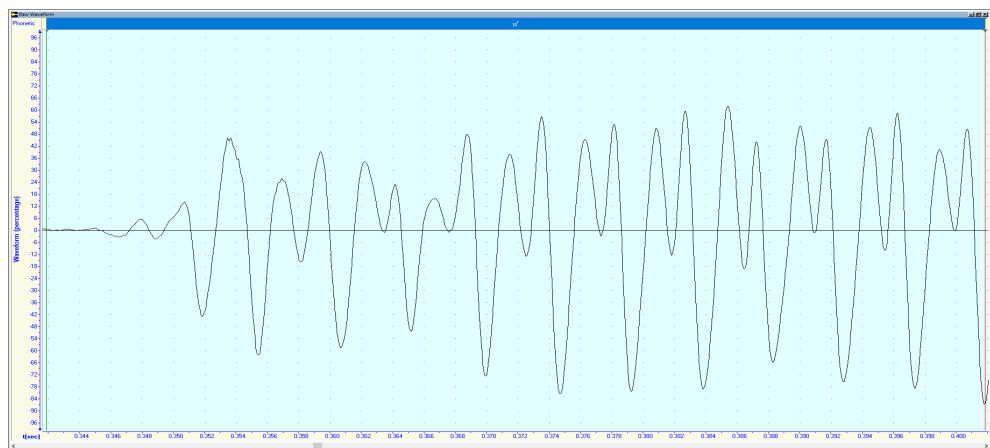

Рис. 3. Волна смягченного компонента гласного звука [u'].

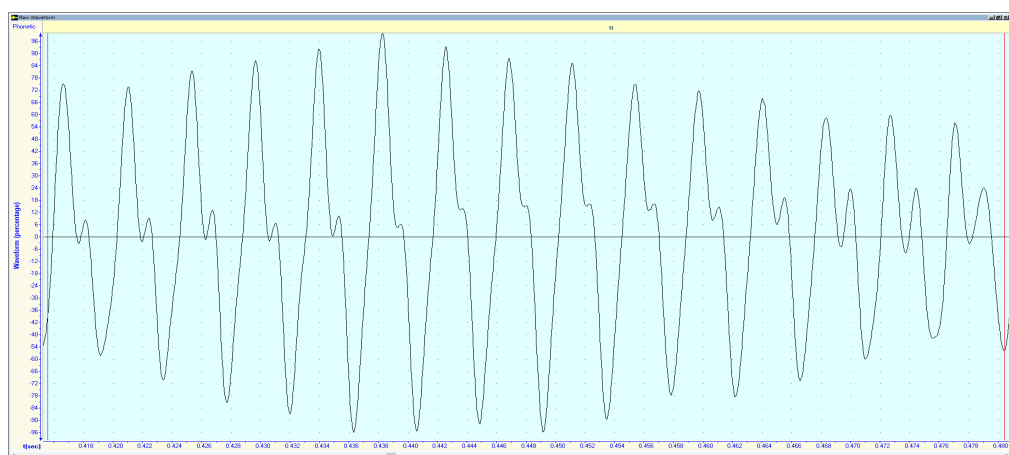

Рис. 4. Волна твёрдого компонента гласного звука [u].

2. Гласный второго слога типа «и» в мягкорядном слове $\text{убу} [(u'u)b(u'u\text{ц})]$ ‘поцеловать (поцелуй!)’ (рис. 5, 6).

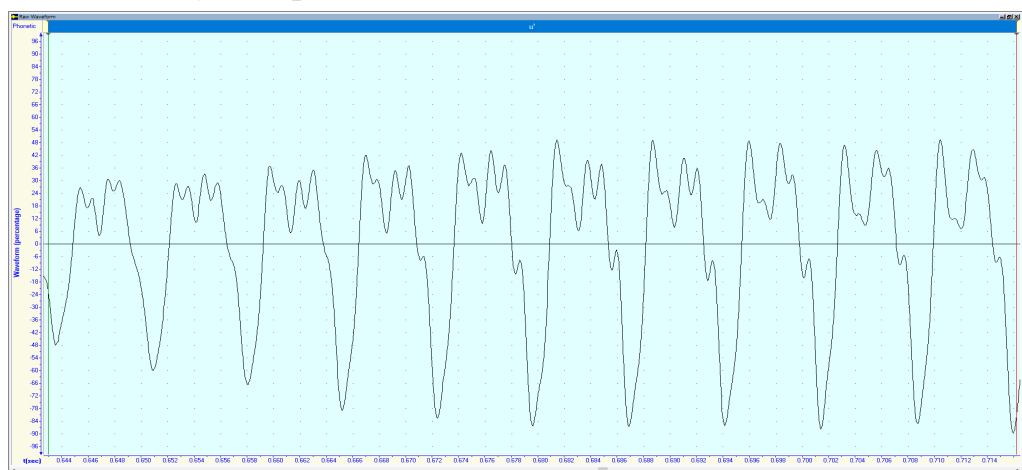

Рис. 5. Волна смягченного компонента гласного звука [u'].

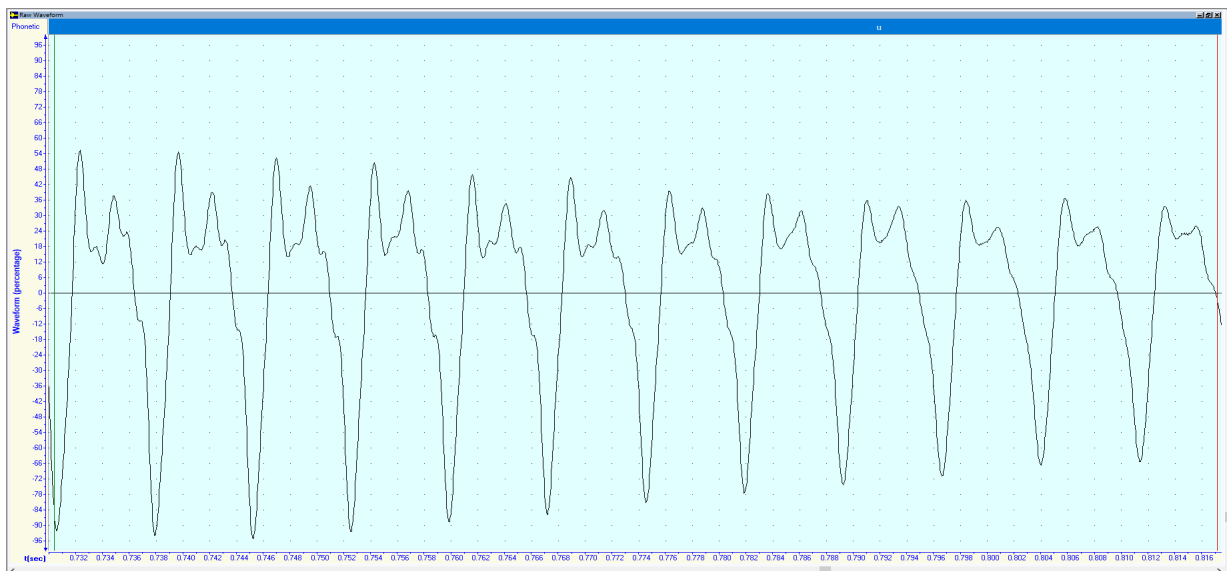

Рис. 6. Волна твёрдого компонента гласного звука [u].

3. Гласный первого слога типа «u» в мягкорядном слове *утук* [(u'u)d(u'u)k] 'утюг' (рис. 7, 8).

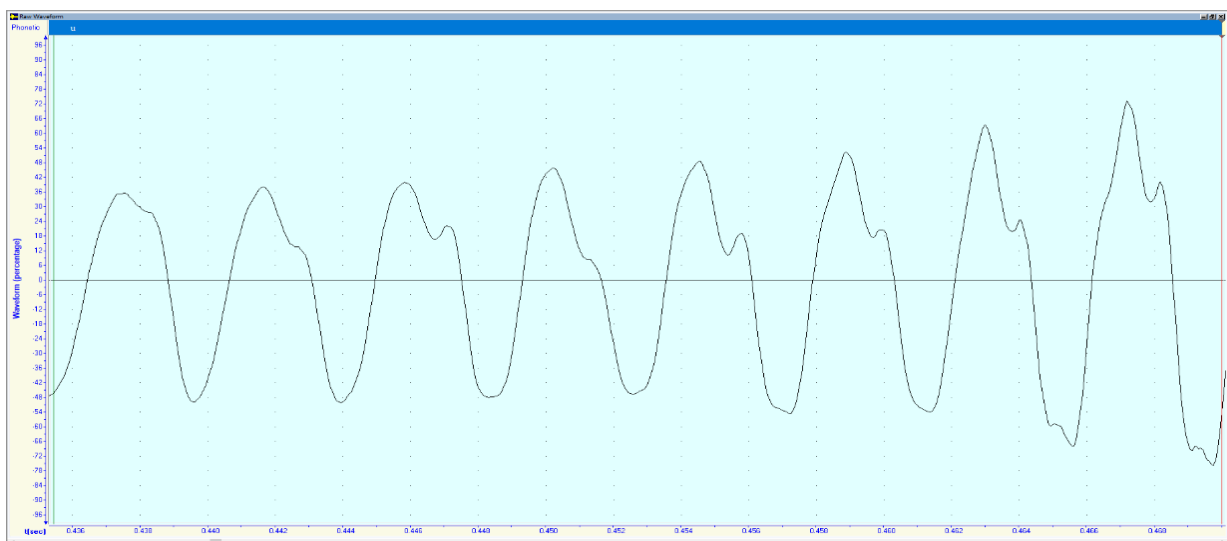

Рис. 7. Волна смягченного компонента гласного звука [u].

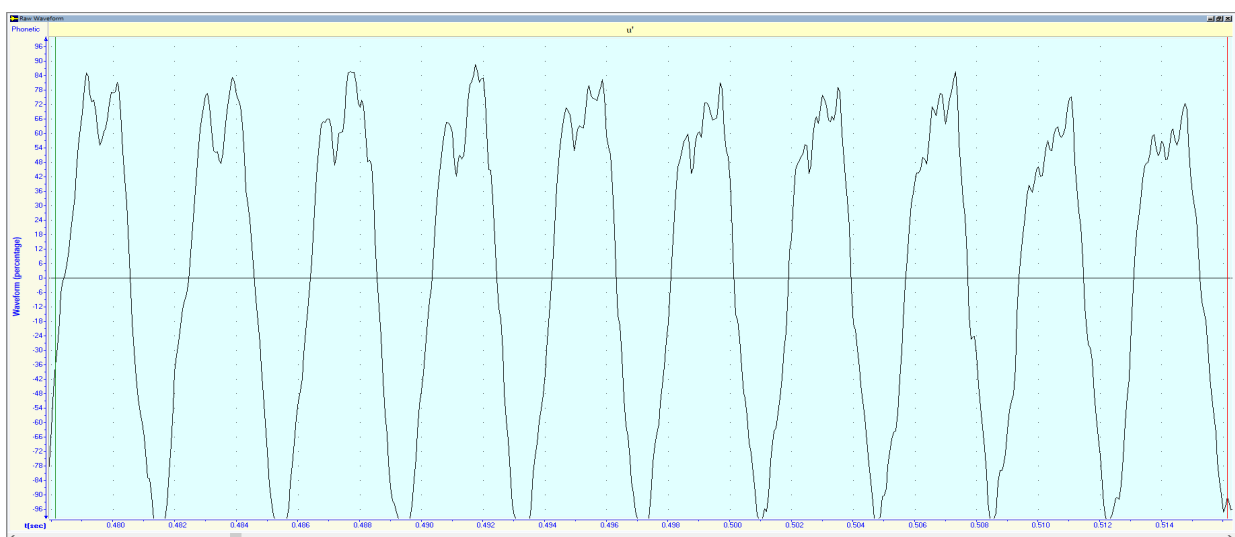

Рис. 8. Волна твёрдого компонента гласного звука [u'].

4. Гласный второго слога типа «у» в мягкорядном слове *утук* [(u'u)d(u'uɰ)k] 'утюг' (рис. 9, 10).

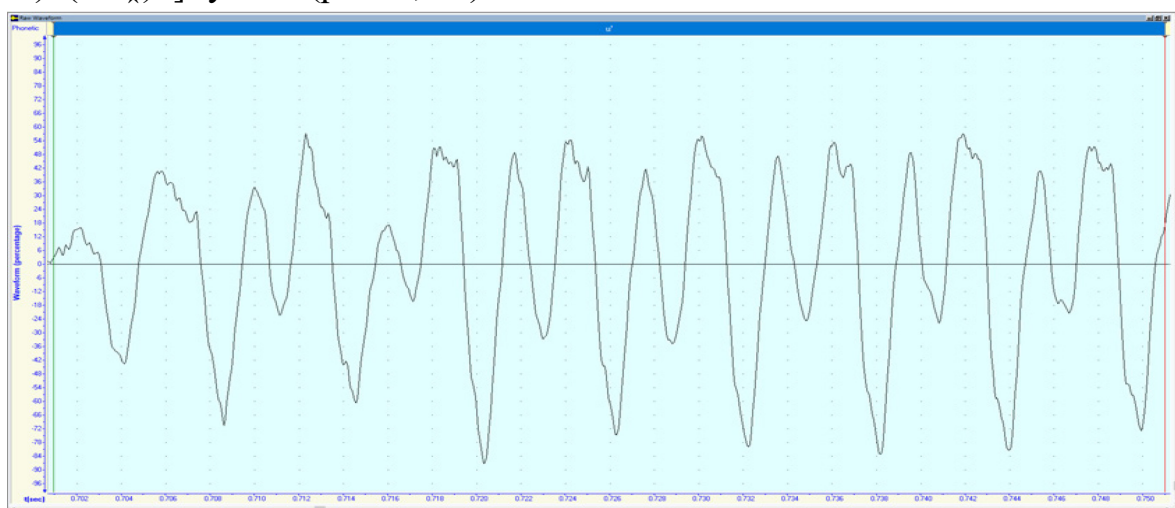

Рис. 9. Волна смягченного компонента гласного звука [u'].

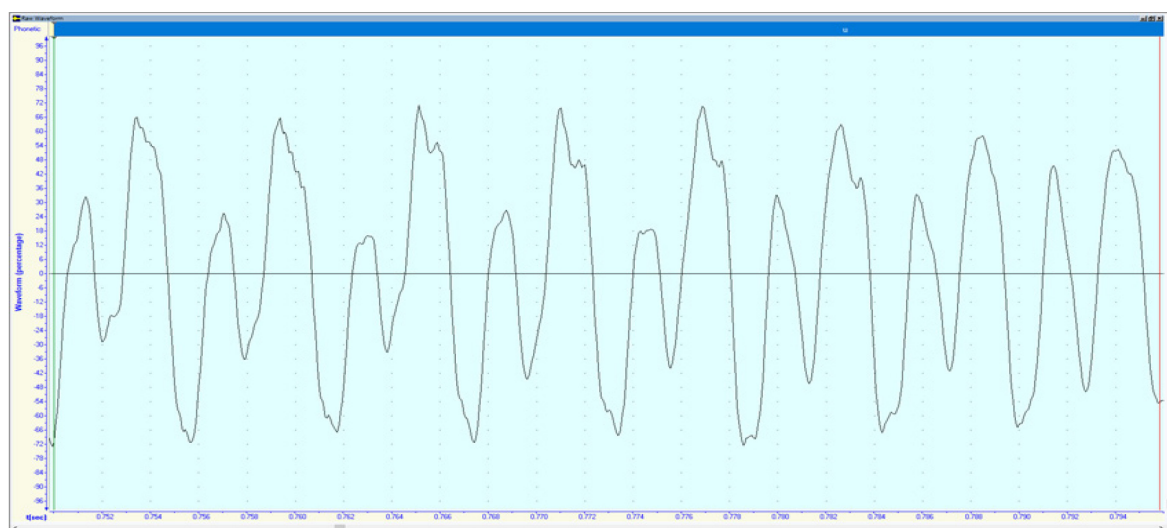

Рис. 10. Волна твёрдого компонента гласного звука [u].

В заключение следует сказать следующее.

1. Видимо, носители данного идиома не могут произнести гласные так называемого переднего ряда «ү», поэтому подменяют «смягченным» гласным типа «у».

2. Предстоит продолжить исследование в обозначенном направлении, а для этого будет записано больше лингвистического аудиоматериала от разных дикторов.

Библиографический список

1. Бадрtdинова А. А. Говор села Актаныш Республики Татарстан Российской Федерации // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2021. – Т. 12. – № 3. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/11FLSK321.pdf> (доступ свободный).
2. Уртегешев Н. С. Палатальность, палатализация, уранизация, мягкость (по данным МРТ) // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2024. – Т. 10. – № 3. – С. 186–199.
3. Юсупов Ф. Ю. Диалект казанских татар. – Казань : Татарское книжное издательство, 2023. – 993 с. (на татарском языке).

Болотбек кызы Алмаш

Алтайский гуманитарно-педагогический университет
г. Барнаул, Алтайский край, Российская Федерация
E-mail: almashbolotbek@yandex.ru

КУМАНДИНСКИЙ ЯЗЫК: МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ СТРОЙ (ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА)

Bolotbek kyzy Almash

Altai Humanitarian and Pedagogical University
Barnaul, Altai Territory, Russian Federation
E-mail: almashbolotbek@yandex.ru

KUMANDIN LANGUAGE: MORPHOLOGICAL STRUCTURE (GENERAL CHARACTERISTICS)

Аннотация. Статья представляет собой анализ морфологической структуры кумандинского языка, который относится к числу агглютинативных языков и распространен на территории Алтайского края, Республики Алтай и Кузбасса.

Abstract. The article is an analysis of the morphological structure of the Kumandinsky language, which is one of the agglutinative languages and is widespread in the Altai Territory, the Altai Republic and Kuzbass.

Ключевые слова: кумандинский язык, морфология, грамматика.

Keywords: Kumandin language, morphology, grammar.

Кумандинский язык – один из малочисленных тюркских языков, находящийся под угрозой исчезновения. Его носители проживают в северных предгорьях Алтая: на территории Алтайского края, Республики Алтай и Кузбасса. Изучение кумандинского языка представляет особый интерес в контексте понимания процессов формирования и развития тюркских языков Южной Сибири. Н. С. Уртегешев отмечает, что отсутствие единых норм написания кумандинских слов, слабое грамматическое описание, а также нехватка учебников и пособий по кумандинскому языку негативно сказывается на его сохранении [1].

В настоящее время кумандинский язык описан слабо, кроме фонетики [2, 3]. Морфология кумандинского языка недостаточно изучена [4, 5], нет достаточных представлений о структуре языка. Цель нашего исследования – дать общую характеристику морфологической структуры кумандинского языка.

В кумандинском языке принято выделять следующие части речи [5]: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, наречие, глагол, а также особые отглагольные формы – причастие и деепричастие.

Имя существительное в кумандинском языке [5] не имеет показателей рода; отвечает на вопрос кем?, если существительное, обозначает понятие ‘человек’; например: кем? – *қыс* ‘девушка’, *оол* ‘парень’; на вопрос ме? ‘что?’, если обозначает как одушевлённые, так и неодушевлённые предметы; например: ме? – *ат* ‘конь’, *қас* ‘гусь’, *таб* ‘гора’, *сүб* ‘вода’, *мус* ‘лед’; множественное число образуется с помощью аффикса -лар / -лер / -тар / -тер / -нар / -нер – *чоллар* ‘дороги’, *кӧллер* ‘озёра’; есть категория принадлежности; может принимать специальные аффиксы сказуемости единственного и множественного числа. Падежная система включает семь падежей: основной (именительный) – кем? ‘кто?’ ме? ‘что?’, притяжательно-родительный – кемниң? ‘кого?’, мениң? ‘чего?’, қайаның? ‘кого?’, ‘чей?’, винительный – кемни? ‘кого?’, мени? ‘чего?’, қайаны? ‘кого?’, ‘что?’, направительно-дательный – кемге? ‘кому?’, меге? ‘чему?’, қайага? (қайаа?) ‘куда?’, местно-временной – қайда? ‘где?’, қачан? ‘когда?’, кемде? ‘у кого?’, меде? ‘в чём?’, исходный – кемнең? ‘от кого?’, ‘от чего?’, медең? ‘из чего?’, қайдаң? ‘откуда?’, совместно-орудный – кембиле? (~ кемле?) ‘с кем?’, мебиле? (~ меле?) ‘с чем?’, ‘чем?’, қайбыла? (~ қайла?) ‘чем?’.

Имя прилагательное в кумандинском языке [5]: не согласуется с существительным ни в числе, ни в падеже – *чалбақ чалаң* ‘широкое поле’, *чалбақ чалаңда* ‘на широком поле’. В зависимости от роли (функции) в предложении слово может выступать как существительное, прилагательное или наречие, например: *шын* ‘истина’, ‘истинный’, ‘истинно’.

Имена числительные [5] в рассматриваемом языке в зависимости от смыслового значения подразделяются на количественные, порядковые, разделительные, собирательные и дробные. Количественные числительные делятся на простые (*пир* ‘один’) и сложные (*он пир* ‘одиннадцать’). При количественном числительном имя существительное не принимает аффиксы множественного числа (*ики кижі* ‘два человека’). У порядковых в сложных числительных аффикс принимает только последнее числительное (*пеш чүс үчинчи* ‘пятсот третий’). Разделительные числительные образуются путем присоединения к количественным числительным аффикса исходного падежа -таң ~ -тең ~ -даң ~ -дең ~ -наң ~ -нең (*алтынаң* ‘по шесть’). Собирательные числительные образуются от количественных числительных при помощи аффикса -ала ~ -еле ~ -ла ~ -ле (*онала* ‘вдесятером’), изменяются по падежам и принимают аффиксы принадлежности. Дробные числительные: знаменатель оформляется притяжательно-родительным падежом, а числитель – основным падежом с притяжательным аффиксом, например: 4/9 – *тогустың төрти*.

Местоимения в кумандинском языке [5] в зависимости от значения подразделяются на личные, притяжательные, возвратные, указательные, вопросительные, неопределённые, отрицательные, определительные. В притяжательно-

родительном падеже личные местоимения выполняют в предложении функцию определения, например: *меең анам* ‘моя мама’, *сеең ағаң* ‘твой отец’. Возвратное местоимение *пойы* в позиции подлежащего и дополнения имеет значение ‘сам’, а в позиции определения имеет значение ‘свой’. Некоторые падежные формы указательных местоимений имеют значения наречий: *анда* ‘там’, *ааңнаң* ‘оттуда’, *пога* ‘сюда’, *аага* ‘туда’.

В кумандинском языке по своему происхождению наречия бывают именами (существительными, прилагательными, местоимениями, числительными) и глаголами [5].

В данном языке глаголы имеют свою систему словообразования и словоизменения [5]. Основа глагола совпадает с формой 2-го лица единственного числа повелительного наклонения, например: *ал* ‘бери’, ‘возьми’; *айт* ‘говори’, ‘скажи’; *пар* ‘иди’. Основы глагола бывают непроеизводные и производные. Непроизводные основы представляют собой односложные корни, например: *көр* ‘смотреть’; *пас-* ‘шагать’, ‘ступать’, *сал-* ‘класть’, ‘положить’; Производные основы глаголы образуются присоединением к корню (глагола или имени) аффикса словообразования, например: *таш* ‘камень’ – *ташта-* ‘бросать’ или способом синтаксического сочетания нескольких основ глаголов, например: *алып пер* – *алпер* ‘подай’. В кумандинском языке выделяются действительный, страдательный, возвратный, взаимно-совместный и понудительный залого. В кумандинском языке значения завершенности или длительности действия выражаются с помощью глагольных форм, образованных в основном аналитически, путем сочетания основного глагола в форме деепричастия на *-а/-е/-й* или *-п/-ип/-п* и вспомогательных глаголов *ал-*, *ий-*, *кел-*, *кир-*, *пар-*, *пер-*, *пол-*, *сал-*, *тур-*, *чет-* *чет-*, *тур-*, например: *ўчиппарды* ‘улетел’, *ўчипкелди* ‘прилетел’. В кумандинском языке глагол имеет три времени: прошедшее, настоящее, будущее. Наиболее развитой является система прошедших времен (недавнепрошедшее время – положительная и отрицательная формы, давнопрошедшее время – положительная и отрицательная формы, прошедшее еще не завершенного действия, прошедшее-будущее время постоянного необходимого действия – положительная и отрицательная формы). Глагол в кумандинском языке имеет четыре наклонения: повелительное, желательное, условное и сослагательное.

В исследуемом языке образование причастия происходит путем присоединения к основе глагола специальных аффиксов [5].

Деепричастие в кумандинском языке – это особая форма глагола, обозначающая: а) дополнительное действие, происходящее до основного действия, одновременно с ним или после него; б) образ или способ совершения действия; в) основное действие (в составе аналитической конструкции) [5].

Таким образом, в кумандинском языке представлена разветвленная морфологическая система, которая требует своего своевременного описания.

Библиографический список

1. Селютина И. Я. Кумандинский консонантизм. Экспериментально-фонетическое исследование. – Новосибирск, 1983.
2. Селютина И. Я. Кумандинский вокализм. Экспериментально-фонетическое исследование. – Новосибирск, 1998.
3. Уртегешев Н. С. Проблема сохранения кумандинского языка // Круглый стол «Сохранение и развитие родного языка: современное состояние и перспективы», 10–11 августа 2024 г. – С. 21–26.
4. Баскаков Н. А. Диалект кумандинцев (куманды-кижи): грамматический очерк, тексты, переводы и словарь. – М. : Наука, 1972.
5. Петрушова М. Б. Краткая грамматика кумандинского языка / Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 2007. – 112 с.

Борисов Максим Алексеевич[✉], Морозова Ольга Николаевна

Амурский государственный университет

г. Благовещенск, Российская Федерация

E-mail: maks100752@mail.ru

**ТУНГУССКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ С. М. ШИРОКОГОРОВА 1915–1917 ГГ.:
К ВОПРОСУ О ФОНЕТИЧЕСКОЙ ТРАНСКРИПЦИИ
СЛОВАРНЫХ ДНЕВНИКОВ**

Maxim A. Borisov[✉], Olga N. Morozova

Amur State University

Blagoveshchensk, Russian Federation

E-mail: maks100752@mail.ru

**TUNGUSIC EXPEDITION OF S. M. SHIROKOGOROV IN 1915–1917:
THE ISSUE OF PHONETIC TRANSCRIPTION IN DICTIONARY DIARIES**

Аннотация. В статье представлено описание Тунгусской экспедиции Сергея Михайловича Широкогорова вместе со своей супругой Елизаветой Николаевной Широкогоровой, в ходе которой они собрали множество лингвистических, культурных, этнографических и антропометрических данных об орочонах, проживающих в Приамурье. Были изучены фонетические транскрипции словарных дневников С. М. Широкогорова, выявлены особенности его работ, рассмотрены схожести и различия, опубликованных данных и непосредственно самих дневников, которые были составлены в процессе разных экспедиций, таких как Тунгусская экспедиция в 1915–1917 гг.

Abstract. The article presents the description of the Tungusic expedition of Sergei Mikhailovich Shirokogorov and his wife, Elizabeth Nikolaevna Shirokogorova. During this expedition they collected lots of precious linguistic, cultural, ethnographic and anthropometric data about orochons, living in the Amur region. The phonetic transcription in S. M. Shirokogorov's dictionary diaries were researched in the article. Also, we analyzed the features of his work, the similarities and differences between the published data and the diaries themselves, which were compiled during various expeditions, such as the Tunguska expedition in 1915–1917.

Ключевые слова: С. М. Широкогоров, Тунгусская экспедиция 1915–1917 гг., фонетическая транскрипция, ороконы.

Keywords: S. M. Shirokogorov, Tungusic expedition 1915–1917, phonetic transcription, orochons.

В начале XX века проводилось множество этнографических экспедиций в разные регионы России, включая Приамурье, где проживают многочисленные тунгусские народы, которые были активно изучены С. М. Широкогоровым в данный период. Одной из таких экспедиций была Тунгусская, проходившая с 1915-го по 1917 г. Ее целью являлся сбор новых научных данных касательно тунгусских народностей (орочоны и другие тунгусоязычные народы). Экспедиция состояла из серии исследовательских вылазок, в ходе которых происходил поиск орочонских поселений, а затем сбор лингвистического и антропологического материала [2].

Первый исследовательский поход был с 20 мая до 15 июля 1915 г. Экспедиция началась с того, что Широкогоровы отправились из села Старо-Цурухайтуй, которое находилось на реке Аргунь, чтобы исследовать орочонов, проживающих на ее притоках.

С помощью местных проводников Широкогоров поднялся вверх по реке Ган до притока Люмбур. Однако экспедиции пришлось вернуться назад к реке Мурей, притоку реки Гана, по причине того, что проводники отказались сопровождать Широкогоровых до р. Быстрая. Экспедиция отправилась на р. Дербул, на которой путешественники встретили орочонов. Затем исследователи пошли к р. Хаул и 15 июля 1915 г. прибыли в поселок Олочинский, расположенному неподалеку от реки Аргунь.

Второй исследовательский поход был с 19 июля по 28 октября 1915 г., целью которого было нахождение нового маршрута на реку Быструю. Экспедиция вышла из поселка Олочинский и отправилась к поселку Ишагин, затем она поднялась вверх по р. Маректе. От этой реки, пройдя через реки Талую и Джин, Широкогоровы добрались до р. Быстрая и отправились вверх по течению, чтобы найти орочонов, которые были обнаружены в устье р. Кулинды.

Пробыв полтора месяца на стоянке у оленных орочонов, экспедиция 17 сентября 1915 г. покинула их стоянку, чтобы попасть на реку Кумару, приток Амура, где жили орочоны, известные как манегры.

Путешественники двигались вверх по р. Быстрой. От озера Далбин в верховьях Быстрой путешественники продвигались к реке Гиде, после чего прибыли к истоку реки Кумара (реки Берея и Кумар-Береячи). Здесь они встретили кумарских орочонов. Экспедиция передвигалась вместе с орочонами вниз по Кумаре до 28 октября 1915 г.

В ноябре Широкогоров отправился в Благовещенск, из которого отбыл в Сахалин, чтобы изучить ситуацию. В результате было принято решение в Сахалине организовать экспедиционный штаб, в котором продолжить научные изыскания.

Главным итогом тунгусской экспедиции стало то, что была исследована таежная зона в Северо-Западной Маньчжурии, в которой проживали орохоны. Широкогоровы собрали этнографические данные, а также богатый лингвистический и фольклорный материал, который является важным вкладом в изучение тунгусских народов Приамурья [4].

В последующее время, с 1916 г. до начала 1917 г., проводились археологические экспедиции в местах расселения дауров и орохонов на обоих берегах Амура: с китайской и русской сторон. А в 1916 г. во время празднования маньчжурами своего Нового года Широкогоров планировал устроить несколько исследовательских вылазок по орохоным селениям.

Однако случилась задержка перевода денег из столицы, как следствие апрель 1916 г. Широкогоровы провели в районе Айгуня. Так, практически весь 1916 г., кроме периода с июля по август (в виду проведения раскопок), Широкогоровы занимались изучением языка и фольклора орохонов и дауров.

Археологические раскопки проводились на Среднем Амуре с 22 июля по 2 сентября 1916 г., в ходе которых Широкогоровы исследовали поселение, которое было расположено рядом с хутором Новопетровский, расположенным рядом с деревней Поярково. Широкогоров принял участие в археологических раскопках недалеко от орохоной деревни Чэл на китайской стороне, а также во множестве других мест [3].

Дальнейшие политические события в России 1917 г. помешали планам исследователей. Так, Широкогорова приглашали поработать с корейцами в Приморье, но не удалось [4].

Один из главных итогов работ Широкогорова в ходе экспедиций заключался в создании тунгусского словаря, который является одним из важнейших источников для понимания фонетической структуры языка. Данная работа была выпущена в 1943 г., после смерти Широкогорова, в рукописной форме, что осложняет его современное восприятие [5].

Присутствуют разные варианты написания слов без каких-либо пояснений автора, что усложняет восприятие словаря, который является «смесью» кириллицы и латиницы [6].

В тунгусо-русской и русско-тунгусской частях словаря нередко встречаются различия при рассмотрении эквивалентных вариантов слов, так как в одной из частей словаря могут быть такие формы и значения, которые отсутствуют в другой части [1].

Таким образом, можно сделать вывод, что фонетические словари на данный момент еще не до конца изучены и подготовлены для удобного применения, а также рисков с верификацией, что может вызвать распространение неверной и неактуальной информации. Данный вопрос в дальнейшем необходимо рассмотреть более детально.

Библиографический список

1. Кнуппель М. О проекте переиздания исправленной версии "Тунгусского словаря" С. М. Широкогорова / М. Кнуппель // Известия Восточного института. – 2023. – № 1(57). – С. 64–72.
2. Миссонова Л. И. Новый этап возвращения наследия С. М. Широкогорова: страницы интеллектуальной биографии (1912–1939 гг.) / Л. И. Миссонова // Этнография. – 2020. – № 2(8). – С. 184–203.
3. Путешествия через сибирскую степь и тайгу к антропологическим концепциям: этноистория Сергея и Елизаветы Широкогоровых / под ред. Дмитрия Арзютова, Дэвида Андерсона и Светланы Подрезовой: В двух томах. – Т. 2, Ч. 1. – М. : Индрик, 2022. – 456 с.
4. Сирина А. А. Маньчжурская экспедиция С. М. и Е. Н. Широкогоровых (1915–1917) / А. А. Сирина // Этнография. – 2018. – № 1(1). – С. 64–85.
5. Широкогоров С. М. Социальная организация северных тунгусов (с вводными главами о географии расселения и истории этих групп) / С. М. Широкогоров, пер. с англ.; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. – М. : Наука. – Вост. лит., 2017. – 710 с.
6. S. M. Shirokogorov. A Tungus Dictionary: Tungus-Russian and Russian-Tungus: Photogravured from the Manuscripts. – Tokyo : Minzokugaku Kyōkai, 1944/1953.

Васильева Карина Анатольевна

Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова

г. Улан-Удэ, Республика Бурятия

E-mail: karina.vasileva.645@inbox.ru

АЛИТЕТ НИКОЛАЕВИЧ НЕМТУШКИН – ПЕВЕЦ РОДНОГО КРАЯ

Karina A. Vasileva

Institute of History and Philology, Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Republic of Buryatia

E-mail: karina.vasileva.645@inbox.ru

ALITETNIKOLAEVICHNEMTUSHKIN IS A SINGER OF HIS NATIVE LAND

Аннотация. Алитет (Альберт) Николаевич Немтушкин – первый профессиональный эвенкийский писатель, автор более 30 книг стихов и прозы на эвенкийском и русском языках. В первую очередь он писал о своей малой родине, о судьбе своего народа.

Abstract. Alitet (Albert) Nikolayevich Nemtushkin is the first professional Evenk writer, the author of more than 30 books of poetry and prose in Evenk and Russian languages. First of all, he wrote about his small homeland, about the fate of his people.

Ключевые слова: эвенки, эвенкийская литература, Алитет Немтушкин, малая родина.

Keywords: Evenki, Evenki literature, Alitet Nemtushkin, small homeland.

Алитет Николаевич Немтушкин – эвенкийский поэт и писатель. Он родился и вырос в Токме – это село (*бикит*), расположенное в Катангском районе Иркутской области. Токма является одной из ключевых тем в его творчестве. Ностальгия по родным местам оказала значительное влияние на его жизнь и стала источником его вдохновения. Его произведения помогают лучше понять жизнь эвенков, их обычаи и традиции, а также те вызовы, с которыми они сталкиваются в современном мире. Это делает его важной фигурой не только в литературе, но в сохранении культурного наследия своего народа.

Особая духовная близость была у поэта с бабушкой: «Я благодарен своей бабушке за то, что в детстве она рассказывала мне сказки, пела колыбельные песни. Сейчас я очень редко слышу, чтобы детям пели песни на эвенкийском языке...», – рассказывал автор. Несложно понять, что именно бабушка внесла огромный вклад в творчество эвенкийского поэта. Благодаря ее теплым истори-

ям и сказкам на родном языке Алитет Немтушкин внес большой вклад в культуру эвенков, в развитие письменной литературы на родном языке.

В 1960 г. вышел первый сборник его стихов на эвенкийском языке под названием «Тымани агиду» / «Утро в тайге». Удивительные по теплоте, душевности строки стихов поэта вдохновили многих профессиональных и самодеятельных композиторов на создание красивейших мелодий, таких песен как «Гудее дуннэ», «Олени», «Орор», «Песня рыбака» и др.

Он воспевает свой народ и пишет о своей малой родине *дуннэ*. В своем стихотворении «Я всё мог забыть» / «Би упкатъя омһодёнов» Это стихотворение наполнено любовью к родной земле, ее природе, истории и людям. Поэт с печалью пишет о своей малой родине, по которой тоскует:

Минһи екэнду урэлдјврэн / На крик мой откликнулись горы

Эр дуннэ минду турува хавӓлдяран / Вот эта земля мне служила опорой...

Такие поэты и писатели, как Алитет Немтушкин, становятся голосом своего народа, отражая его радости, горести, мечты и надежды.

Несколько произведений он посвятил реке Катанге, которая стала олицетворением для Немтушкина его неразрывной связи с малой родиной, ее корнями и традициями. Берега этой реки и окружающая природа становятся не просто фоном для его стихотворений, но и активными участниками творческого процесса. В произведениях, посвященных Катанге, он акцентирует внимание на значимости природы как источника вдохновения и силы, а также как важного элемента культурной идентичности народа. Река символизирует детство автора, наполняя его воспоминаниями о беззаботных днях, проведенных на ее берегах.

Стихотворение Немтушкина «Катанга» отражает детские воспоминания поэта. Река является чем-то родным, исключительным отблеском детства, о котором часто вспоминает поэт:

Вверх по Катанге мне надо,

Где лежат тропинки детства.

Как течет оленьё стадо,

Вновь бы надо наглядеться...

Также примечательным примером любви поэта к малой родине является стихотворение «Токма».

Жанр этого стихотворения – элегия, оно наполнено тоской по родным местам. Село Токма также стало неотъемлемой частью определенного фрагмента жизни поэта, ведь именно здесь, в небольшой точке необъятной России, родился эвенкийский поэт и писатель. Тоска Немтушкина по Токме проявляется в ностальгических чувствах, связанных с его детством, природой, традициями и культурой родного края. Эти эмоции часто отражаются в его текстах, где он

описывает красоту сибирских пейзажей, простую, но насыщенную жизнь деревенских жителей, их связь с окружающей природой.

Это село, его до боли знакомые пейзажи, местные жители, которых с детства знал Немтушкин, место, где *«агиду, такэн хэргидун, минэ бакачатын»* / *«в тайге, под корнем дерева, меня нашли»*. Анализируя данное стихотворение, мы чувствуем, что автор непосредственно через своего лирического героя передает тоску по малой родине.

Еще одно замечательное стихотворение Немтушкин посвятил поселку «Тура». За свою жизнь поэт побывал в разных уголках нашей страны, но особенное место в его сердце занимает именно этот поселок:

...Элэ оки-ва би дуннэду бидем, / И сколько я на земле живу
Тарба-вэ синэ би дёнчадым, / И тебя я помню,
Турув минни!... / Тура моя! [1].

В этих строках поэт выражает глубокую привязанность к Туре, которая становится для него символом тепла и уюта, о которой он помнил во время его странствий, и ничто не сравнится с родным краем. В своем стихотворении автор пользуется разными стилистическими приемами. Здесь можно найти эпитеты, – такие как: «на простуженной земле», «молодость далекая», «необъятное сердце», «счастье запоздалое». Немтушкин с помощью данных прилагательных пытается передать читателю свои теплые чувства, которые испытывает к Туре. Также очень большую роль в произведении играют метафоры: «ты светила путеводною звездой», «крылья крепкие имею за спиной». Используя их, Немтушкин подводит к некой надежде на новую встречу с родным сердцу местом, вспоминая теплые эмоции по отношению к поселку.

Эвенкийский поэт в отношении малой родины использует и олицетворения: «прошу тебя, поселок, не грусти», «мой поселок, мне удачи пожелай» – все они отражают тонкую связь поэта с этим местом. Немтушкин обращается к Туре, будто она живая, все чувствует и понимает. Он общается с ней как с близким человеком, словно тоскующий сын пишет о своей матери.

Тура для поэта становится не просто географическим местом, а символом любви, привязанности и глубокого понимания своих корней. Это стихотворение затрагивает важные темы идентичности, памяти и значимости родного края в жизни человека.

Анализируя творчество эвенкийского поэта, исследователи отмечают, что «...самобытность поэзии Алитета Немтушкина прежде всего выражается в тематическом аспекте – воспевание любви к «малой родине» и передача духа Эвенкии...» [2].

Алитет Николаевич Немтушкин – выдающийся поэт, чье творчество стало символом любви к родным местам. Он не просто певец своего края, а насто-

ящий хранитель его культуры и традиций. Немтушкин воспевае свой народ, не просто создает художественные произведения, но и вносит вклад в сохранение и развитие культурного наследия, вдохновляя других ценить и любить свою родину. Он продолжает вдохновлять и объединять людей, подчеркивая важность корней и культурного наследия. Его стихи стали символом гордости и единства, объединяя людей вокруг общих ценностей и идеалов. Творчество Алитета Николаевича станет значимой частью истории эвенкийской культуры, а его песни будут звучать в сердцах людей еще многие десятилетия, находя отклик в сердцах своих слушателей.

Библиографический список

1. Немтушкин А. Балдыдяк дуннэви аявдем (Люблю свою Родину). Книга для чтения. Составители Е. Ф. Афанасьева, Т. В. Савлепова. – Красноярск : Сибирские промыслы, 2022. – 136 с.
2. Хазанкович Ю. Я у мира прошу одного/ Ю. Хазанкович // Алитет Немтушкин: жизнь и творчество. Учебное пособие по эвенкийской литературе. – Улан-удэ : Изд-во «Бэлиг». – С. 27–32.

Научный руководитель: Афанасьева Елизавета Федоровна, кандидат филологических наук, доцент, Институт истории и филологии, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Республика Бурятия, e-mail: elizaveta_fedor@mail.ru
Scientific Supervisor: Elizaveta F. Afanasyeva, PhD in Philology, Associate Professor, Institute of History and Philology, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, e-mail: elizaveta_fedor@mail.ru

Голубева Валерия Анатольевна

Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова

г. Улан-Удэ, Республика Бурятия

E-mail: golybevalera31@gmail.com

ЭВЕНКИЙСКИЕ ГИДРОНИМЫ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

Valeria A. Golubeva

Institute of History and Philology, Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Republic of Buryatia

E-mail: golybevalera31@gmail.com

EVENKI HYDRONYMS OF THE REPUBLIC OF BURYATIA

Аннотация. Статья посвящена исследованию эвенкийских гидронимов на территории Республики Бурятия. Целью данной статьи является систематизация и анализ эвенкийских гидронимов на территории Республики Бурятия, выявление их языковых особенностей, а также исследование семантики и этнокультурного контекста.

Abstract. The article is devoted to the study of Evenki hydronyms in the territory of the Republic of Buryatia. The aim of the article is to systematize and analyze Evenki hydronyms in the territory of the Republic of Buryatia, to identify their linguistic features, as well as to study their semantics and ethno-cultural contexts.

Ключевые слова: Республика Бурятия, эвенкийский язык, эвенкийские гидронимы.

Keywords: Republic of Buryatia, Evenki language, Evenki hydronyms.

Республика Бурятия относится к топонимическому региону «Восточная Сибирь» и расположена в южной части региона. На территории региона протекает более 30 тысяч рек и находится около 35 тысяч озер, значительное количество которых имеет наименования, происходящие из эвенкийского языка. Эвенкийские гидронимы являются неотъемлемой частью топонимического ландшафта Республики Бурятия, особенно распространены они в бассейнах рек Ингоды, Шилки и Витима, а также в северных районах, где исторически проживают эвенки.

Гидронимы – названия рек, озер и других водных объектов как один из ключевых элементов топонимической системы – представляют собой важный источник информации об истории, культуре и языковых особенностях народов, населяющих определенные территории. Изучение гидронимов позволяет выявить этнокультурные процессы, наследие коренных народов.

Эвенкийские гидронимы Республики Бурятия представляют собой названия рек, озер и других водоемов, в районах которых многие века кочевали эвенки. Эти названия точно отражают природные характеристики местности, а также имеют историческое и культурное значение для эвенкийского народа.

Эвенкийский язык относится к агглютинативным языкам, поэтому эвенкийские топонимы в отличие от топонимов других народов образуются посредством суффиксов, которые присоединяются к основам, обозначающим вид животного и растительного мира, минералы, формы рельефа данной местности и т. д. К суффиксам, помогающим образовывать гидронимы, относятся: *-кит*, *-ндя*, *-нга*, *-кта* и их варианты.

Эвенки, будучи коренным народом Сибири, на протяжении веков вели кочевой образ жизни. Всю жизнь проводя в тайге, эвенки научились замечать и точно обозначать различные особенности географической среды, что нашло отражение в топонимике региона. Эвенкийские гидронимы точно передают характерные черты местности, что делает их не только важным элементом языка, и своеобразным «географическим маркером», позволяющим понять природу и особенности территории. Это свидетельствует о глубокой наблюдательности эвенков и их умении выделять ключевые признаки окружающей среды.

Многие крупные водные артерии Сибири, играющие важную роль в жизни местного населения, имеют названия эвенкийского происхождения. Например, название одной из крупнейших рек мира Лена объясняется эвенкийским словом «*Елюенэ*», что означает «большая река». Единственная река, вытекающая из озера Байкал, Ангара происходит от эвенкийского слова амжа «рот, пасть, расщелина» [1].

На территории Бурятии известны немало гидронимов с эвенкийской этимологией.

Селенга – крупнейшая река, впадает в Байкал и обеспечивает до половины ежегодного притока воды в озеро. По мнению многих исследователей, название Селенга происходит от эвенкийского *сэлэ* «железо», что указывает на наличие в бассейне реки железорудных месторождений [2].

Джида – левый приток Селенги. Ее название близко к эвенкийскому слову «*диды*, *джиды*», что означает «водораздел со скалистыми вершинами» [2].

Уда – правый приток Селенги. Название реки происходит от эвенкийского слова *уда*, означающего «медлительный, длинный». Это название отражает характер реки, протекающей по равнинной местности, отличаясь спокойным и протяженным руслом [1].

Хилок – правый приток Селенги, от эвенкийского слова *килгэ* «брусок, точильный камень». В районе Хилка имеются породы, пригодные для точильных брусков [3].

Река Витим – одна из крупнейших рек Восточной Сибири, правый приток Лены, эвенк. *Видым*. По мнению Г. М. Василевич, окончание *-м* свидетельствует о дотунгусском происхождении названия [2]. Всего в Витим впадает около тысячи притоков, самые значительные из которых – Куанда, Ципа, Муя, Мамакан, Мама, Бодайбинка и Таксима, имеющие эвенкийскую этимологию.

Река Витимкан при слиянии с рекой Чина на склонах Икатского хребта образует Витим. Суффикс *-кан* в эвенкийском языке используется для обозначения уменьшительной формы, дословно «маленький Витим».

Озеро Баунт на баунтовском говоре означает *баюн* – «парнокопытный зверь».

В Республике Бурятия часто встречаются гидронимы с топоосновой *бира* «река». Эта основа является одной из самых распространенных в эвенкийской гидронимии и составляет значительную часть всех названий водных объектов в регионе. Топооснова *бира* может сочетаться с различными суффиксами, которые придают названиям дополнительные оттенки значения. Суффикс уменьшения *-кан* используется для обозначения небольших рек и ручьев: Биракан «маленькая река», Биракачан – «речушка». Суффиксы увеличения *-мия*, *-я* используются для обозначения крупных рек: Бирая, Беря – «большая река»; Бирамия, Беремья – «крупная река».

Многие водные объекты имеют особенности, пригодные кочевья с оленьими стадами (наличие рядом пастбищ, водопоев, мест для стоянок и т. д.), что находит отражение в эвенкийских названиях рек и озер: Аронкани («*Оронкани*») – «местечко, где было стойбище»; Гулакит («*Гулэки*т») – «место зимнего стойбища»; Джемкукан («*Дёмкукан*») – «небольшое пастбище с водяной гречихой, которую любят олени и лоси»; Демку (эвенк. «*Дёмку*») – «водяная гречиха» (оленье и лосевое пастбище); Арекиткан («*Ореки*ткан») – «место излюбленного рева»; Дипкош («*Дипкэчи*») – «имеющая диких оленей»; Жибкос («*Дипкэ*») – «дикий олень» [4].

Названия рек Аикта («*Хаикта*») – «болотная мягкая трава»; Нянда («*Нянта*») – «кедровая шишка»; Марикта, Маричи – «там, где растут заросли тальника»; Ашигли – «еловая», связаны с растительностью, характерной для этих мест.

Многие гидронимы имеют в своей основе слово *му* «вода» с различными суффиксами. Так, в Муйском районе Республики Бурятия есть реки Муя – «река», Муякан – «маленькая Муя», Муясын.

Водные объекты нередко получают названия, связанные с рыболовством. Некоторые гидронимы указывают на обилие рыбы в реке: Алдандо («*Олдондо*»), Алдунда («*Олдонда*») – «рыбное»; Аломни («*Олдомни*») – «рыбачья, рыбачья»; Алла («*Олло*») – рыба; Кадамия – «река, где много рыбы». Другие

названия непосредственно связаны с определенными видами рыбы: Майгунда – «ленковая», Джилинда – «тайменная», Нерунда – «хариусовая», Шуринда («Суринда») – «сиговая», Шегнанда – «налимовая», Тананда – «осетровая».

Этимология реки Мама, протекающей на границе Бурятии с Забайкальским краем, объяснима двояко: первое от эвенкийского *мама*- «созывать оленей», второе – от *мо* «дерево» с добавлением суффикса прилагательного *-ма*, что означает «лесистая, древесная».

Реки, протекающие через горные и скалистые местности, часто получают названия, связанные с особенностями рельефа: название реки Кодар восходит к эвенкийскому «скала»; Бомбандо – «ущелье»; Алакит – «перевал через горный хребет»; Икат («икэн») – «ущелье, горный перевал».

Проведенный анализ эвенкийских гидронимов позволил выявить этимологическое и семантическое разнообразие, отражающее тесную связь между природой и культурой эвенкийского народа. Исследование эвенкийской топонимики способствует сохранению языкового наследия эвенков, углубляет понимание истории и традиций эвенкийского народа, а также их взаимодействия с окружающей средой.

Библиографический список

1. Андреева Т. Е., Афанасьева Е. Ф. Эвенкийские гидронимы в Республике Саха (Якутия) и Бурятии (семантический и этимологический аспекты) // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. – 2021. – № 2 (24). – С. 30–38.
2. Василевич Г. М. Топонимика Восточной Сибири // Известия Всесоюз. геогр. о-ва. – Т. 90. – Вып. 4. – Л.: АН СССР, 1958. – С. 314–334.
3. Мельхеев М. Н. Топонимика Бурятии: История, система и происхождение географических названий. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во. – 1969. – 186 с.
4. Потёмкина Т. Н. Полиэтническая микротопонимия Баунтовского эвенкийского района Республики Бурятия // Филологическое образование и современность: материалы XVIII Междунар. науч.-практ. конф., г. Чита, 8 апреля 2022 г. – Чита: Забайкальский гос. ун-т. – 2022. – С. 171–175.

Научный руководитель: Афанасьева Елизавета Федоровна, кандидат филологических наук, доцент, Институт истории и филологии, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Республика Бурятия, e-mail: elizaveta_fedor@mail.ru
Scientific Supervisor: Elizaveta F. Afanasyeva, PhD in Philology, Associate Professor, Institute of History and Philology, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, e-mail: elizaveta_fedor@mail.ru

Горбунова Екатерина Семеновна

Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова

г. Улан-Удэ, Республика Бурятия

E-mail: ekatyarina27@gmail.com

ОБРЯДОВАЯ ЛЕКСИКА ЭВЕНКИЙСКОГО ЯЗЫКА

Ekaterina S. Gorbunova

Institute of History and Philology, Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Republic of Buryatia

E-mail: ekatyarina27@gmail.com

RITUAL VOCABULARY OF THE EVENKI LANGUAGE

Аннотация. В данной статье рассматривается обрядовая лексика эвенкийского языка, выраженная в словах и выражениях, используемых в традиционных обрядах и ритуалах эвенков. Исследование показывает, как лексика отражает культурные и духовные ценности таежного народа, а также ее связь с природой и окружающим миром.

Abstract. This article examines the ritual lexicon of the Evenki language expressed in words and expressions used in traditional Evenki rites and rituals. The study shows how the lexicon reflects the cultural and spiritual values of the taiga people, as well as its relationship with nature and the surrounding world.

Ключевые слова: эвенки, обряды, лексика.

Keywords: Evenki, rituals, lexicon.

Обрядовая лексика эвенкийского языка представляет собой уникальный набор слов и выражений, связанных с традиционными обрядами и культурными практиками малочисленного народа Севера, Сибири и Дальнего Востока. Эта лексика не только передает знания о культурных традициях, но и служит своеобразным кодом, в котором заложены их верования и опыт, отражая их мировосприятие, культурные ценности и уникальные традиции. Эвенки имеют глубокую связь с природой, что также находит свое отражение в языке.

Эвенкийская обрядовая лексика включает термины, относящиеся к различным ритуалам, связанным с природой, жизненными циклами и социальными событиями.

Обрядовая охотничья лексика

Охота для эвенков, расселяющихся на огромных пространствах России, является традиционным видом хозяйственной деятельности. И с охотой связа-

ны множество обрядов и ритуалов, имеющих важное значение в жизни эвенков и выполняющих функцию передачи знаний и ценностей через обряды и язык.

Одним из ключевых ритуалов является *сиҥкэлэвун* ~ *шиҥкэлэвун* ~ *хиҥкэлэвун* – обряд добывания «охотничьего счастья». Лексика, используемая в этом обряде, отражает не только его практическую сторону, но и мировоззрение эвенков, их веру в духовное взаимодействие с миром животных.

Центральным понятием обряда является *сиҥкэн* ~ *шиҥкэн* ~ *хиҥкэн*, что переводится как «удача», или «охотничий фарт». У разных групп эвенков это слово может иметь дополнительные значения: у илимпийских и ербогочёньских эвенков *хиҥкэн* – это дух-хозяин животных, который посылает зверя охотнику, а у сымских и учурских эвенков *шиҥкэн* может обозначать материальный предмет, – например, изображение оленя или палочку с подвешенными челюстями пушных зверей.

Важную роль в обряде играют изображения зверей, которые изготавливаются из природных материалов: тальника *секта*, марника *мариктаг*, дерева *мо*, бересты *талу*. У учурских эвенков, например, такие изображения ставили на специальный столик, а у сымских эвенков использовали *локоптын* – кусок ткани, подвешенный на березке, в который стреляли из лука.

Сам обряд включает несколько этапов: символическую охоту, имитацию свежевания и разделки туши, а также очищение охотников. У некоторых групп, – например, урмийских эвенков, охотник набрасывал *маут* на голову изображения зверя, а затем стрелял в него из маленького лука. Если изображение падало, это считалось знаком будущей удачи [1].

Особое место в лексике обряда занимают термины, связанные с шаманскими практиками. Так, камлание – шаманский ритуал, во время которого шаман общается с духами, часто предшествует *сиҥкэлэвуну*. Шаман может гадать на удачу в охоте и рекомендовать охотнику провести обряд. У илимпийских и ербогочёньских эвенков шаман также обращается к *хиҥкэну* – духу-хозяину территории, чтобы испросить удачи для охотников.

Интересно, что лексика обряда включает не только термины, связанные непосредственно с охотой, но и элементы бытовой культуры. Например, у эвенков существовал обычай не оставлять пустую посуду на ночь во время охоты на водоплавающую дичь, так как считалось, что наполненные водой сосуды привлекают птиц [1].

Таким образом, обрядовая лексика эвенков, связанная с *сиҥкэлэвуну*, представляет собой уникальный пласт культуры, в котором переплетаются практические, символические и духовные аспекты. Она не только отражает традиции охоты, но и подчеркивает глубокую связь эвенков с природой, их стремление к гармонии и уважение к окружающему миру.

Свадебная обрядовая лексика

Свадебные обряды эвенков представляют собой один из наиболее ярких примеров использования обрядовой лексики, которая отражает традиции, верования и социальные нормы народа. Лексический пласт, связанный со свадебными обрядами, включает термины, обозначающие этапы сватовства, переговоры о калыме, приданое, а также ритуалы, сопровождающие заключение брака.

Центральное место в свадебной лексике занимает понятие сватовства, обозначаемое словом «дан» или «дал-», что буквально означает «передавать». Это подчеркивает роль свата как посредника, передающего предложение от рода жениха роду невесты. В процессе сватовства использовались устойчивые выражения, такие как: «*Бэл уунитын бихим, хутэдус*» («Я посланец людей по твою дочь») и «*Сот надыдерэ*» («Очень нуждаются в ней») [2]. Эти фразы демонстрировали уважение к семье невесты и подчеркивали значимость брака как союза не только двух людей, но и двух родов.

Важным элементом свадебной лексики являются термины, связанные с калымом (выкупом за невесту) и приданым. Калым обозначался словом «хулэ» или «хулэдял», а приданое – «дялви». В переговорах о калыме использовались выражения, отражающие коллективный характер принятия решений, например: «*Дялнунми умунунми, улгучэмэтчэм*» («Когда соединюсь с сородичами, поговорю»).

Само слово «свадьба» у эвенков имеет заимствованное происхождение: «*курим*» или «*курум*» – от монголов, «*сивайба*» – от русских. У некоторых групп эвенков свадьба называлась «*хуечин*» (букв. «выделение»), что подчеркивало переход невесты в род мужа. В свадебном обряде выделялись ключевые моменты, каждый из которых сопровождался своей лексикой. Например, обряд кормления огня назывался «*кукинмэр дюдудар нэрэн*» («невестку в нашу семью положили»), а обряд угощения – «*ахи удяван хуеунин*» («отделение пути женщины»).

Особое место в свадебной лексике занимают ритуальные пожелания и напутствия, которые произносились во время обрядов. Например: «*Кутылкан, баян бикэл!*» («Будь счастлива и богата!»), «*Инирки бикэл!*» («Будь подвижна, бойка!»), «*Того хулукан бигин!*» («Пусть огонь в очаге не угасает!»). Эти пожелания отражают важность продолжения рода и сохранения семейного очага.

Лексика свадебного обряда эвенков также включает заимствования из языков соседних народов, что свидетельствует о культурном взаимодействии. Например, слово «*хадак*» (шелковый платок) было заимствовано у монголов, а «*сивайба*» (свадьба) – у русских. Эти заимствования обогатили традиционную лексику эвенков, добавив новые элементы в их свадебные обряды.

Лексика обряда *икэнипкэ*

Обряд *икэнипкэ* у эвенков представляет собой не только сложный ритуал, но и уникальный пласт языка, отражающий их мифологию, шаманские практики и связь с природой. Лексика, связанная с этим обрядом, включает термины, обозначающие ритуальные действия, символические объекты, духов и мифических существ, что делает ее важным элементом культурного наследия эвенков.

Название обряда – *икэнипкэ* – уже само по себе несет глубокий смысл. Оно состоит из корня *ин-* («жизнь»), суффикса *-кэн-* («подражание») и суффикса *-пкэ* («обряд»), что буквально означает «обряд подражания жизни». В современном языке слово *икэн* ассоциируется с пением, пляской и игрой, что подчеркивает важность этих элементов в обряде. Действие, которое длится восемь дней, называется *икэнипкил* – время, когда участники «поют и пляшут».

Центральное место в лексике обряда занимают понятия, связанные с шаманской мифологией. Например, *эудекит* – это мифическая река, соединяющая нижний мир (*элла мрак*, «вечный мрак») с верхним миром, где обитает божество *экишэри*. Духи-помощники шамана, такие как *гасалил* ~ *гашалил* (мифические журавли) и *дарагусал* ~ *дарагушал* (человекообразные фигуры с одной рукой), играют ключевую роль в проведении обряда.

Ритуальные объекты также имеют свои названия. *Дюми* (или *дюкан*) – это специальный чум, где собираются участники. Внутри чума устанавливается центральная жердь *чимка*, символизирующая связь с верхним миром, а на ее вершине устраивают беличье гнездо *чанэ* для духов. Перед входом в чум размещают изображения орла *киран* и тайменя *дели*, которые охраняют пространство от злых сил.

Каждый день обряда имеет свое название и символическое значение. Например, первый день – *илбэдэкич* («вспугивание зверя») – начинается с очищения инструментов и чума. Бубен «разогревали» на костре путем плавного перемещения над огнем и легкого постукивания колотушкой. Разогретый бубен хозяин юрты вместе с раскуренной трубкой передавал шаману [4]. Второй день – *кутудекич* («шесть поворотов») – знаменует начало погони за божественным оленем. Седьмой день – *гоёдэкич* («место, где ранят зверя») – посвящен имитации охоты и убийства оленя. Завершается обряд восьмым днем – *дарибдякич* («место отхода в сторону»), когда участники достигают истоков реки и общаются с верхним божеством.

Особое место в лексике занимают ритуальные возгласы и песни, которые часто не имеют прямого перевода в современном языке. Например, слова «*Пагэй! Кулур! Декур! Дуннэр! Химир! Уюр! Токур! Аба! Дэрэ! А-а!*» интерпретируются как обозначения этапов становления Земли. Эти возгласы сопровождают движения участников, создавая атмосферу сакрального действия.

Следовательно, лексика обряда *икэнипкэ* представляет собой уникальный культурный код, который сохраняет древние традиции и мифологию эвенков. Она не только отражает их связь с природой и духовным миром, но и служит важным источником для изучения их языка и культуры.

Все описанные выше обряды имеют неразрывную связь с огнем *того*.

В обрядовой лексике эвенков нами обнаружено множество терминов, связанных с огнем *того*. Огонь занимает особое место в жизни таежного эвенка, являясь не только источником тепла и света, но и сакральным элементом, с которым связано множество примет *гунивкил*, запретов *одёсол* и обрядов. Одним из таких обрядов является *имты* – ритуал кормления огня. Во время приготовления пищи женщина *аси* или мужчина *бэе* бросают в огонь кусочек мяса *уллэ* или жира *имуксэ*, сопровождая это действие словами: «*Энекэ-Того, бэюнэ, бэйнуэ ункэл, мунду бэлэкэл, сиукэнэ, кутуя букэл*» / «Бабушка-Огонь, пошли зверя, помоги нам, дай удачи и здоровья!» [3].

Этот обряд отражает глубокое уважение эвенков к огню как к живому существу, способному влиять на их жизнь и благополучие. Огонь воспринимался как посредник между людьми и духами, а кормление огня было способом выразить благодарность и попросить поддержки в охоте, здоровья и удачи.

Исходя из этого, можно сказать, что обрядовая лексика эвенкийского языка, связанная с огнем, отражает глубокую связь эвенков с природой и их традиционными верованиями, сохраняя уникальные элементы их культурного наследия.

Таким образом, наше исследование показало, что обрядовая лексика не только отражает культурные и духовные аспекты жизни эвенков, но и помогает сохранить язык и идентичность народа. Изучение обрядовой лексики способствует глубокому пониманию культуры и истории эвенков.

В настоящее время сохранение обрядовой лексики становится особенно актуальным в свете глобализации и влияния других культур. Появление новых технологий и изменение образа жизни эвенков ставят под угрозу их традиционные способы общения и хранения знаний.

Библиографический список

1. Василевич Г. М. Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков. / Сб. Музея антропологии и этнографии. – Т. XVII. – С. 151–159.
2. Василевич Г. М. Эвенки: историко-этнографические очерки (XVIII–начало XX в.). – Ленинград : Наука, 1969. – 304 с.
3. Горбунова Е. С. Обрядовая лексика эвенков // Иностранные языки: лингвистика и межкультурная коммуникация. Литературоведение. Прикладная лингвистика. Языкознание : Материалы 62-й Междунар. науч. студенческой конф., 17-23 апреля 2024 г. – Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2024. – С. 300–301.

4. Мазин А. И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX–начало XX в.) – АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии. – Новосибирск : Наука, 1984. – 200 с.

Научный руководитель: Афанасьева Елизавета Федоровна, кандидат филологических наук, доцент, Институт истории и филологии, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Республика Бурятия, e-mail: elizaveta_fedor@mail.ru

Scientific Supervisor: Elizaveta F. Afanasyeva, PhD in Philology, Associate Professor, Institute of History and Philology, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, e-mail: elizaveta_fedor@mail.ru

Евсеева Диана Александровна

Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова

г. Улан-Удэ, Республика Бурятия

E-mail: Evseeva8924@mail.ru

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ВЛАДИМИРА ЛОРГОКТОЕВА

Diana A. Evseeva

Institute of History and Philology, Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Republic of Buryatia

E-mail: Evseeva8924@mail.ru

FEMALE IMAGES IN THE WORKS OF VLADIMIR LORGOKTOEV

Аннотация. Владимир Лоргоктеев являлся талантливейшим эвенкийским поэтом 50-60-х годов. В своем творчестве он обращался в первую очередь к теме женских образов. В статье рассматриваются особенности раскрытия женского образа в поэзии самобытного поэта Бурятии.

Abstract. Vladimir Lorgoktoev was the most talented Evenk poet of the 50s-60s. In his work, he addresses, first of all, the theme of female images. The paper examines the traditional roles of women in the Evenk culture, their contribution to life, economy and the preservation of cultural values.

Ключевые слова: эвенкийская литература, Владимир Лоргоктеев, женский образ, поэзия, молодая охотница, материнская любовь.

Keywords: Evenk literature, Vladimir Lorgoktoev, female image, poetry, young huntress, maternal love.

Владимир Дмитриевич Лоргоктеев родился 31 декабря 1934 г., в семье охотников-оленоводов. Его мать принадлежала к многочисленному роду чальчагиров, а отец был из нудягиров. Детство Владимир провел со своими родителями, кочуя по родным краям. Баунтовский район для будущего поэта был особенному родным местом: густая тайга, чистая природа, любящие родители – все это оставило огромный след в его жизни и плодотворно повлияло на творчество эвенкийского поэта. Особое место в сердце Владимира Дмитриевича занимала его мать Наталья Тимофеевна, известная сказительница баунтовской тайги. Именно от нее он унаследовал любовь к поэтическому слову: «Еще подростком он увлекался поэзией Пушкина, Лермонтова, Некрасова, а любовь к родному слову, к природе привила его мать Наталья Тимофеевна, слывшая народной сказительницей...» [2].

Наблюдая за матерью, которая занималась любимым делом, будущий поэт так же развивал свой творческий потенциал. Однажды во время полевой экс-

педиции фольклорист М. Г. Воскобойников записал несколько песен и легенд Натальи Тимофеевны, которые позже опубликовал в своих сборниках. Также были записаны первые легенды и сказки от самого Лоргоктоева.

Творчество Лоргоктоева со временем шагнуло далеко вперед. Его стихотворения и рассказы активно печатались и выпускались в таких газетах и сборниках как «Огни Курумкана», «Байкал», «Правда Бурятии», звучали в телепередачах и радио. Как бы усердно молодой поэт ни развивал свое творчество, он часто вспоминал родной дом и, в первую очередь, материнскую любовь и заботу, ее мудрые советы:

...Ты учила прислушиваться к тайге,
К молчанью мудрому древних сопок,
Чтобы твой маленький сын Дёке,
Дружить умел с темнотой и солнцем... [3].

«В нашей жизни нет слаще материнского молока», так считал поэт, вспоминая о своей матери:

...Эня, укумнис эдук-вал алатмар
Таргачина ачин митни индут... [3].

Женские образы в своих произведениях Владимир Лоргоктоев рассматривает в совершенно разных позициях, будто наблюдает за действиями своих героинь, находящихся в той или иной ситуации. Женщинам своей семьи он посвящает стихотворения, написанные с особой теплотой и лаской. Так, подруге Сэсэг, которая позже стала его женой, было посвящено стихотворение «Письмо подруге» [3].

Особыми чувствами наделены и другие женские образы в поэзии Лоргоктоева. Героинь его произведений связывает одна интересная деталь, которая поистине близка и самому поэту: крепкая связь с природой. Многие произведения эвенкийского поэта посвящены родным пейзажам, и нередко Лоргоктоев раскрывает эту связь именно через женский облик. В некоторых стихотворениях девушка предстает перед читателями, как храбрая воительница, независимая и сильная охотница, которая полагается на свои инстинкты. Такой интересный образ – в стихотворениях «Девушка-охотница», «Зверовод Акси́нья».

Не каждому известен и сам процесс добычи пушнины. Так, в стихотворении «Девушка-охотница» Владимир Дмитриевич подробно описывает ход всего путешествия юной девушки. В одно мгновение она подстрелила зверька, и Лоргоктоев стремится показать читателям ловкость и проворность женской охоты, будто добыча зверей – привычный обиход молодой эвенкийки:

...– Воротилась с богатой добычей! –
Ей в бригаде говорят.
Ведь за поясом тонким девичьим
Виден хвостиков беличьих ряд [3].

С особой созвучностью, будто по всем законам природы, Лоргоктоев объединяет материнскую любовь и женскую красоту в стихотворении «Зверовод Акси́нья». Главная героиня произведения – девушка, работающая на ферме. Она каждое утро отводит своих детей в детский сад, но с той же материнской любовью относится к животным, за которыми ей нужно присматривать. Здесь Владимир Дмитриевич тонко подмечает связь этой девушки с природой, как если бы она была с ней единым целым. Ее жизнь идет в ногу с природой и ее условиями. И птичье пенье в такт повторяет шаги Акси́ньи, словно она неотъемлемая часть всего происходящего вокруг:

...Пурга за окнами бесится, – страшно безлунной ночью,
А Акси́нья на соболя все глядит с теплотой,
И мех под рукой сверкает (мягкий такой на ощупь),
Чтоб чьи-то укутать плечи Акси́ньиной красотой... [3].

В стихотворении «Охотник Адо» главная героиня поражает своими охотничьими навыками самого проворного парня стойбища. Девушка показывает стремление принести своему роду добычу, она превосходит своего жениха в умениях. Несмотря на то, что своим достижением она вызвала всеобщую насмешку над парнем Адо, Лоргоктоев отмечает ее скромность, показывая читателям одновременно задорную, но не хвастливую охотницу:

...– Знаешь, если добудешь больше меня,
Тогда я выйду за тебя замуж...
Адо в тревоге, хотя и нет
Охотника лучше его в округе... [3].

Эвенкийский поэт родился и все свое детство прожил в таежном Баунте. Как раз именно поэтому в своих стихотворениях он представляет молодых девушек очень умелыми добытчицами. Ведь баунтовская тайга славится известными эвенкийскими охотницами. Например, современница Лоргоктоева Урендак Басаулова в пятидесятые годы прошлого столетия считалась одной из лучших охотниц в Баунте и была награждена государственными наградами.

В арсенале работ поэта так же есть стихотворения, представляющие женский образ как нечто хрупкое и невинное. Владимир Лоргоктоев романтизирует женский облик, создавая символ чистоты и женственности, который аккуратно дополняет его произведения. В стихотворении «Девушка и луна» он будто хочет совместить женскую красоту и задорный охотничий нрав. Здесь поэт плавно и связно сопоставляет и связь с природой, и нежный женский образ:

Возвращалась девушка из сопок,
Косы у нее, как речки, выются,
А глаза у девушки смеются,
Вроде двух черемуховых ягод... [3].

Владимир Лоргоктеев в своих произведениях дает различную характеристику женским образам. Занимая место читателя, можно объективно рассмотреть личности героинь с разных точек зрения. Через них поэт передает очень разные качества и эмоции. Наблюдается независимость и даже мужественность, но при этом сохраняются женственность и очарование. Совмещая эти качества, которые помещаются в обстановку гармонии с природой, Лоргоктеев создает некую естественность. Через женские образы Владимир Дмитриевич показывает совершенство своих героинь, ведь все они очень разные, но при этом исключительные.

«Яркий образ женщины, смелой и бесстрашной, предстает перед нами. Эвенкийки – не только отличные мастерицы шить и вышивать, но они не отстают от мужчин в мастерстве стрельбы и охоты: Но только от самых метких парней. Не отстает и его подруга!» [1].

Владимир Лоргоктеев был талантливым эвенкийским поэтом. Он писал стихотворения на различные темы: начиная от пейзажей родных мест и заканчивая воспевающими комсомол строками. Рассматривая женские образы в его творчестве, невозможно не заметить, что основу формирования женских персонажей в его произведениях заложили именно материнские чувства. Благодаря таким светлым эмоциям поэт мог радовать своих читателей прекрасными работами, читая которые погружаешься в атмосферу умиротворения и ощущения таинственности.

Библиографический список

1. Будаева А. Мотив малой родины в творчестве В. Лоргоктеева // Лоргоктеев В. Песни тайги: стихи и рассказы. – Улан-Удэ, 2019. – С. 146–150.
2. Голубев Е. Певец эвенкийской тайги (заметки краеведа) // Лоргоктеев В. Песни тайги: стихи и рассказы. – Улан-Удэ, 2019. – С. 126–129.
3. Лоргоктеев В. Песни тайги: стихи и рассказы. – Улан-Удэ, 2019. – 160 с.

Научный руководитель: Афанасьева Елизавета Федоровна, кандидат филологических наук, доцент, Институт истории и филологии, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Республика Бурятия, e-mail: elizaveta_fedor@mail.ru

Scientific Supervisor: Elizaveta F. Afanasyeva, PhD in Philology, Associate Professor, Institute of History and Philology, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, e-mail: elizaveta_fedor@mail.ru

Карачева Ольга Борисовна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
E-mail: okaracheva@rambler.ru

ИНТОНАЦИЯ СЛОЖНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В ИНТЕРФЕРИРОВАННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ ЭВЕНКОВ

Olga B. Karacheva
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
E-mail: okaracheva@rambler.ru

INTONATION OF COMPLEX STATEMENTS IN THE INTERFERED RUSSIAN SPEECH OF THE EVENKS

Аннотация. В статье рассматриваются особенности интонационного контура сложных высказываний в интерферированной русской речи эвенков. Результаты акустического анализа выявили влияние эвенкийской фонологической системы, проявляющееся в ступенчатом характере движения тона в синтагмах. Мелодический диапазон значительно шире, чем в нейтральных реализациях, однако размах значений достигается за счет значительного повышения тона на ударном гласном-носителе синтагматического ударения. Ядерный тон в конечной синтагме в большинстве случаев реализуется незначительным понижением ЧОТ. В некоторых случаях наблюдается ровный тон на ядре, что характерно для эвенкийского языка.

Abstract. The article examines the features of the intonation contour of complex statements in the interfered Russian speech of the Evenks. The results of the acoustic analysis revealed the influence of the Evenk phonological system, manifested in the stepwise nature of the tone movement in the syntagmas. The melodic range is much wider than in neutral realisations, however, the range is achieved by significantly increasing the tone on the stressed vowel, the carrier of syntagmatic stress. In most cases, the nuclear tone in the final syntagma is realized by a slight decrease in the frequency. In some cases, there is an even tone on the core, which is typical for the Evenk language.

Ключевые слова: экспериментально-фонетическое исследование, интонационный контур, сложное высказывание, синтагма, мелодический диапазон, основной тон.

Keywords: experimental phonetic research, intonation contour, complex statement, syntagma, melodic range, pitch.

Данная работа представляет собой часть экспериментально-фонетического исследования, направленного на выявление основных характе-

ристик интонационного контура высказываний в спонтанной интерферирующей русской речи эвенков. Исследование интонационных контуров и анализ полученных результатов представляет определенную сложность в силу того, что интонационная система суть явление многогранное, некоторые стороны которой до сих пор являются малоизученными. Многие годы изучения интонации привели к созданию основательной теоретической базы, основанной на большом количестве теоретических исследований суперсегментных фактов языка. В настоящее время ученые все чаще обращаются к проведению экспериментов отдельных просодических явлений, таких как оформление интонации перечисления или интонации незавершенности. Предметом данного исследования являются сложные высказывания. Объектом послужила спонтанная монологическая и диалогическая речь дикторов-эвенков. Выбор объекта обусловлен тем, что изучение интонации прежде всего обращено к спонтанной речи.

Просодическая организация спонтанной устной речи обладает яркими специфическими чертами и представляет особый интерес для исследователей, однако имеющиеся в лингвистической литературе сведения об особенностях интонационной организации спонтанной речи в русском языке пока немногочисленны. По мнению Г. М. Богомазова, характерной чертой спонтанной речи является интонация незавершенности, основной целью которой является поддержание контакта и установка на продолжение [1]. Г. И. Носова отмечает особенности сегментации речевого потока на большее количество синтагм [4]. Авторы коллективной монографии РРР, рассматривая пять интонационных конструкций, фиксируют такие отличительные особенности разговорной речи как конструкции «с более контрастным движением тона, с высокими и резкими подъемами, значительными замедлениями и особенно ускорениями темпа» [5]. В работе Е. А. Брызгуновой «Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи» рассматривается соотношение интонационного образа высказывания и его лексико-грамматического типа [2]. Богатый материал по спонтанной речи представлен в монографии «Фонетика спонтанной речи». Среди основных признаков неподготовленной речи авторы выделяют повторы, добавления, исправления, отсутствие просодического оформления фразовых границ, отсутствие финального завершения [6]. Интонационное оформление интерферирующей спонтанной речи интересно тем, что различия в интонационных системах контактирующих языков могут привести к значительной степени интерференции, которую можно выявить и описать в процессе акустического анализа.

Большинство интонационных исследований ограничены структурой мелодического контура синтагмы, однако в настоящее время возрос интерес к исследованиям интонационных структур, раскрывающих особенности отношений отдельных сегментов в составе многосинтагменной фразы [3]. Это обусловило

выбор предмета данного исследования, корпус материала которого составили 54 сложных высказывания, взятых из спонтанной русской речи пяти дикторов. Все дикторы – женщины в возрасте старше 60 лет, для которых эвенкийский язык является титульным (табл. 1).

Таблица 1. Информация по дикторам

п/п	Пол	Возраст, лет	Образование	Знание языков
D1	Женский	69	Среднее специальное	Эвенкийский, русский
D2	Женский	73	Высшее	Эвенкийский, русский
D3	Женский	77	Среднее	Эвенкийский, русский
D4	Женский	72	Высшее	Эвенкийский, русский
D5	Женский	72	Среднее	Эвенкийский, русский

Отобранные высказывания представляли собой сложные предложения, состоящие из двух частей, объединенных подчинительной, сочинительной или бессоюзной связью. При первичном слуховом анализе были исключены реализации, содержащие паузы хезитации, паузы внутри синтагм. Также не вошли в корпус эмоционально окрашенные высказывания и высказывания с особым выделением. Высказывания были сохранены в формате wav и далее подвергнуты акустическому анализу в программе PRAAT. При проведении акустического анализа учитывались следующие акустические величины, особенности которых представлялись важными в рамках исследования сложного высказывания:

- 1) мелодический диапазон фразы;
- 2) мелодический диапазон первой синтагмы;
- 3) мелодический диапазон второй (конечной синтагмы);
- 4) место мелодического минимума и максимума;
- 5) направление и характер движения тона в первой синтагме;
- 6) направление и характер движения тона во второй (конечной) синтагме;
- 7) уровень основного тона в начале первой синтагмы;
- 8) уровень основного тона в начале второй синтагмы;
- 9) направление и скорость движения основного тона на гласном, носителе синтагматического ударения (в первой синтагме);
- 10) направление и скорость движения основного тона на гласном, носителе фразового ударения (в конечной синтагме);
- 11) наличие паузы между синтагмами, ее величина.

Усредненные показатели по мелодическому диапазону (далее МД) каждого диктора были занесены в табл. 2.

Сравнивая значения мелодического диапазона по каждому диктору, можно заключить, что мелодический размах в сложных высказываниях значительно шире, чем в нейтральных фразах, и в основном реализуется в первой синтагме, в то время как конечная синтагма характеризуется более узким диапазоном.

Таблица 2. Усредненные показатели по мелодическому диапазону

п/п	МД нейтральных простых высказываний	МД сложных высказываний	МД первой синтагмы сложных высказываний	МД конечной синтагмы сложных высказываний
D1	5,5	13	11	6
D2	7,5	13	12	6
D3	7	11	10	4
D4	7	9	8,5	8
D5	9	12	11	7

В подавляющем большинстве случаев мелодический максимум фразы совпал с ударным гласным, носителем синтагматического ударения в первой части высказывания; мелодический минимум был зафиксирован в конечной синтагме в 96% реализаций. Движение тона в первой синтагме начинается на среднем уровне ЧОТ, характеризуется небольшими флуктуациями с последующим резким повышением тона на главноударенном гласном синтагмы. Начало второй синтагмы реализуется на уровне, равном или незначительно выше начального, с последующим понижением мелодики до мелодического минимума фразы. Ядерный тон представлен небольшой деклинацией, в некоторых случаях наблюдается ровное движение тона на ударном гласном ядра.

Рассмотрим наиболее яркие примеры реализаций сложных высказываний в русской речи эвенков. На рис. 1 представлена интонограмма сложного высказывания «Когда вернулись, его уже не было» в речи диктора D2.

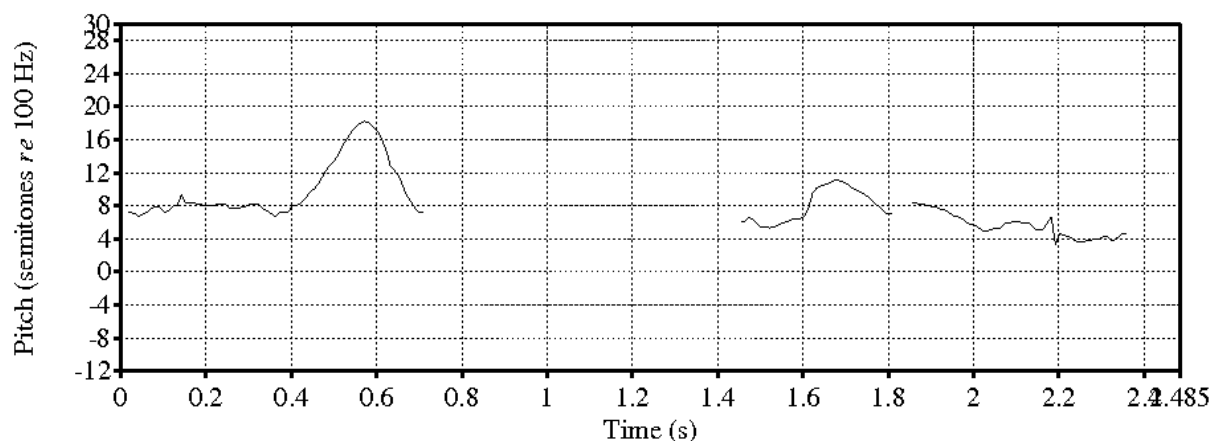

Рис. 1. Интонограмма сложного высказывания «Когда вернулись, его уже не было» (D2).

Начало первой синтагмы реализуется на уровне 151 Гц, что является средним показателем ЧОТ данного диктора. Основной мелодический пик представлен значительным повышением (с 174 Гц до 287 Гц за 132 мс) на главноударенном гласном с последующим понижением на заударном гласном. Длительность паузы составила 484 мс. Общее направление движения тона в конечной синтагме является понижающимся с достижением мелодического минимума в 138 Гц. Гласный-носитель фразового ударения сохраняет ровный тон на уровне 138 Гц в течение 90 мс.

Схожий интонационный рисунок можно наблюдать на интонограмме сложного высказывания «Эдяна умерла, он женился на другой» в речи диктора D3 (рис. 2).

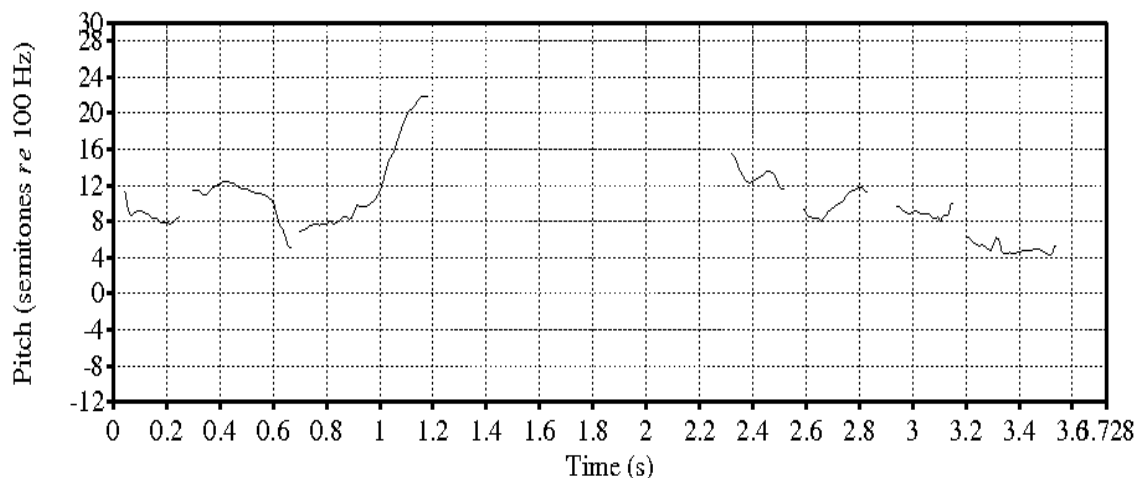

Рис. 2. Интонограмма сложного высказывания «Эдяна умерла, он женился на другой» (D3).

Мелодический контур данной реализации характеризуется меньшей степенью сглаженности, тем не менее основной тон начала первой синтагмы разворачивается в среднем регистре с последующей крутой деклинацией на ударном гласном, носителе синтагматического ударения. Длительность паузы между синтагмами значительна (1048 мс). В целом, наблюдалась зависимость длительности паузы от способа связи между частями высказывания (при наличии союзов и союзных слов длительность паузы была меньше, чем в бессоюзных высказываниях). Движение тона в конечной синтагме реализуется ступенчатым понижением и достигает уровня в 128 Гц.

Более узкий диапазон и ступенчатый характер изменений уровня ЧОТ наблюдается в реализации сложного высказывания «Будет очень плохо тем хозяевам, к которым мы приехали» в речи диктора D5 (рис. 3).

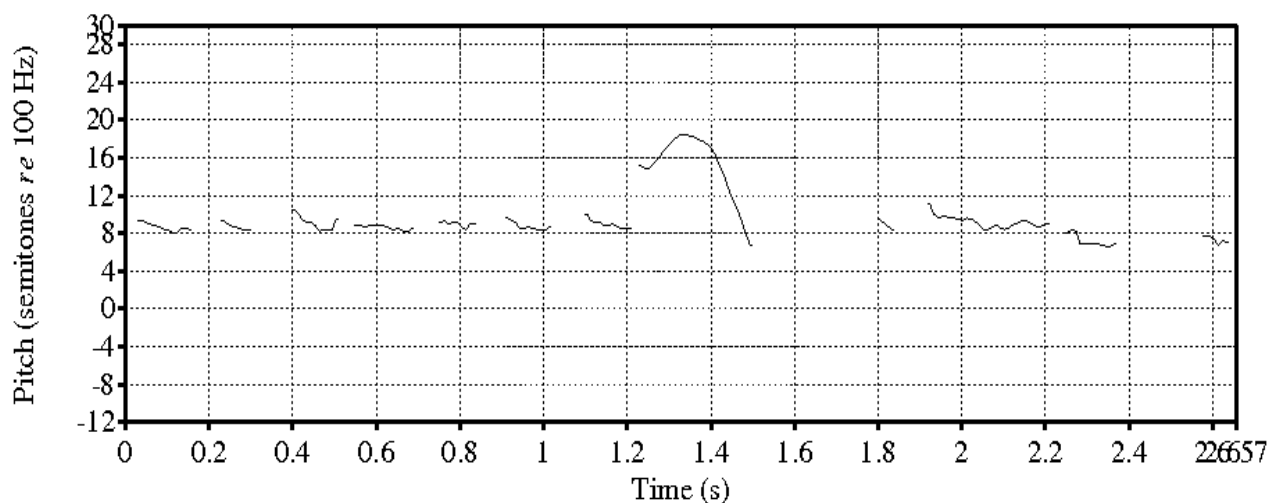

Рис. 3. Интонограмма сложного высказывания «Будет очень плохо тем хозяевам, к которым мы приехали» (D5).

Функция выделения ударного гласного, носителя синтагматического ударения в первой синтагме, как и функция отделения синтагм, осуществляется за счет контраста в первой части: ровное движение тона и затем резкое повышение на 4 полутона за 109 мс на главноударенном гласном. Пауза в данном высказывании незначительна и равна 306 мс. ЧОТ в конечной синтагме реализуется также в среднем регистре, ядерный тон имеет нулевой интервал на уровне 146 Гц.

Незначительное количество реализаций характеризовалось понижением тона в первой синтагме или же повышением тона на ядре.

В целом, данные проведенного акустического анализа позволили сделать следующие выводы. Реализации сложных высказываний в интерферирующей русской речи эвенков отличаются сглаженным интонационным контуром с выделяющимся мелодическим пиком в конце первой синтагмы. Характер движения тона в некоторых случаях имеет ступенчатый характер, что свидетельствует о влиянии интонационной системы эвенкийского языка. Движение тона на главноударенном гласном в первой синтагме представлено инклинацией, ядерный тон реализуется незначительным понижением или ровным тоном. Длительность паузы варьирует в зависимости от различных факторов, в том числе от наличия дополнительных лексических и синтаксических средств связи.

Библиографический список

1. Богомазов Г. М. Современный русский литературный язык. Фонетика : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М. : ВЛАДОС, 2001. – 352 с.
2. Брызгунова Е. А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. – М., 1984. – 117 с.
3. Николаева Т. М. Интонация сложного предложения в славянских языках. – М., 1969. – 186 с.
4. Носова Г. И. Реализация основных интонационных типов в спонтанной речи (экспериментально-фонетическое исследование на материале русского языка) : автореф. дис.... канд. филол. наук. – Л., 1977. – 14 с.
5. Русская разговорная речь / отв. ред. Е. А. Земская. – М. : Наука, 1973. – 485 с.
6. Фонетика спонтанной речи / Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, Л. Р. Зиндер [и др.] ; под ред. Н. Д. Светозаровой; ЛГУ им. А. А. Жданова; Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. – Л. : Ленинградский университет, 1988. – 235 с.

Кравец Татьяна Владимировна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
E-mail: t_kravetc@mail.ru

**ИМАГОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА
ВОСПРИЯТИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ
НАРОДОВ В ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ РОМАНЕ В. К. АРСЕНЬЕВА
«ПО УССУРИЙСКОМУ КРАЮ»**

Tatyana V. Kravets
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
E-mail: t_kravetc@mail.ru

**IMAGOLOGICAL ANALYSIS OF THE LITERARY IMAGE
OF PERCEPTION OF A REPRESENTATIVE OF THE TUNGUS-
MANCHURIAN PEOPLES IN V. K. ARSENYEV'S ETHNOGRAPHIC
NOVEL "ACROSS THE USSURI REGION"**

Аннотация. В центре внимания данной статьи – имагологический анализ художественного образа восприятия представителя тунгусо-маньчжурской группы в произведении В. К. Арсеньева «По Уссурийскому краю», сочетающего в себе этнографические заметки путешественника и художественный текст. Анализ опирается на методологию сравнительного литературоведения. В статье рассмотрен созданный автором книги образ представителя чужой культуры, другого этнического сознания – гольда Дерсу Узала, охотника и следопыта. Автор статьи приходит к выводу, что русскому путешественнику-этнографу В. К. Арсеньеву удалось целостное представление о человеке из другого этнического мира.

Abstract. The focus of this article is an imagological analysis of the literary image of the perception of a representative of the Tungus–Manchurian group in V. K. Arsenyev's work "On the Ussuri Region", which combines the ethnographic notes of a traveler and an artistic text. The analysis is based on the methodology of the comparative literary study. The article examines the image created by the author of the book of a representative of a foreign culture and another ethnic consciousness – Gold Dersu Uzala, a hunter and tracker. The author of the article concludes that the Russian traveler and ethnographer V. K. Arsenyev succeeded to convey a holistic view of a man from another ethnic world.

Ключевые слова: имагология, сравнительное литературоведение, художественный образ восприятия, Арсеньев, Дерсу Узала, интер- и контекстуальный анализ, представление о «другом».

Keywords: imagology, comparative literary study, literary image of perception, Arsenyev, Dersu Uzala, the inter- and contextual analysis, the idea of the "other human".

В настоящее время литературоведческая (художественная) имагология всё больше завоевывает свое «место под солнцем» среди гуманитарных наук. Сам термин «имагология» произошел от английского "image" – «образ» и обозначает гуманитарную дисциплину, изучающую закрепленное в сознании народа представление о другом народе, другой культуре, другой стране. Аккумулировано это представление о «другом» в художественных образах фольклора, литературы, кинематографа [11]. С. К. Милославская употребляет термин «имагология», имея в виду литературно-компаративистское направление [7].

Так как у литературоведческой имагологии, как молодой науки, еще не завершился процесс концептуализации базовых категорий и методов, то изучение восприятия представителей одной культуры о представителях иного этноса опирается на методологию сравнительного литературоведения, которая включает в себя типологический, мотивный, интер- и контекстуальный анализы [6, 9, 10].

Особенно четко художественные образы восприятия представителей другого этноса реализуются в художественной этнографии. Как утверждает Е. В. Пипилова, наиболее реальным носителем образа «чужого» в литературных произведениях является персонаж-иностранец [8]. Другими словами, особенность литературоведческих изысканий имагологического характера состоит в том, что литературное творение (сочинение) рассматривается в качестве фактора создания образа «чужого», «другого» в сознании автора или героя (героев) произведения как представителей данной эпохи.

По Н. Д. Арутюновой, понятие «другого» чрезвычайно важно для формирования самосознания: само существование «другого» нас мобилизует... Осознание себя возможно только в противопоставлении» [2].

Согласно «диалогической философии», человек становится субъектом истории и субъектом познания, лишь вступая в диалог с другим человеком, Богом и природой... [4].

Рассуждая о диалоге культур, М. М. Бахтин подчеркивал: «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже... <...> между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур... При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, но они взаимно обогащаются» [3].

Стоит заметить, что «чужие» этнические традиции, образ восприятия представителя иной культуры постигаются в художественном произведении в многообразных воплощениях и дают богатые возможности открытия «другого».

Под «образом восприятия» понимается результат формирования дифференцированного целостного представления о «другом», зависящий от этнической картины мира, этнического сознания, констант и этнических стереотипов, социального статуса, прошлого опыта межкультурных контактов воспринимающего субъекта, пространственно-временных условий процесса восприятия [5].

Так, известный путешественник, ученый и писатель В. К. Арсеньев в своем научно-художественном произведении «По Уссурийскому краю» знакомит читателей с туземцем Дерсу Узала, повстречавшимся на пути исследователя во время экспедиции по Дальнему Востоку. Как признавался сам писатель, этот верхнеуссурийский гольд сыграл важную роль в его жизни, делясь ценным опытом охотника и следопыта и рискуя жизнью ради Арсеньева и его команды [1]. В предисловии к первому изданию своей книги Арсеньев характеризует гольда как отличного охотника и удивительнейшего следопыта [1].

Описывая первую встречу с Дерсу, писатель обращает внимание читателей сначала на внешний вид незнакомца: невысокого роста, коренастое и мускулистое тело. Черты лица мужчины были типичны для туземца: выдающиеся скулы, глаза с монгольской складкой век, борода [1]. Шрамы и царапины на теле говорили о том, что незнакомец был охотником. Но более всего Арсеньева привлекли глаза тунгуса, взгляд которого был одновременно и наивным, и решительным, что свидетельствовало о добродушном и прямом характере. Таково было первое впечатление Владимира Клавдиевича о случайном путнике – Дерсу Узала [1].

Чем больше Арсеньев узнавал Дерсу, тем больше импонировал ему этот туземец, который оказался по характеру молчалив, скромен и неприхотлив в быту, но при этом бесстрашен на охоте [1]. Из разговора с Дерсу этнограф делает вывод, что тот – абсолютно таежный человек: родился и живет в тайге, бывалый охотник [1]. Во время переходов по Сихотэ-Алиню гольд не переставал удивлять Арсеньева и его путников своим талантом следопыта. Арсеньев даже сравнивает его с героями приключенческих романов Фенимора Купера и Майн-Рида [1]. Но еще больше поразило Арсеньева поведение этого «человеколюбивого дикаря», как, любя, охарактеризовал его писатель после того, как увидел его внимание и заботу о возможных путниках, для которых он приготовил дрова и продовольствие [1]. В дальнейшем автор произведения называет Дерсу удивительным, ясновидящим человеком [1].

Во время совместной охоты на кабана писатель делает для себя еще одно открытие относительно своего нового знакомого. Оказывается, Дерсу всех жи-

вотных считает людьми, очеловечивает все природные явления, все вокруг – воду, огонь, то есть, обладает анимистическим воззрением на природу [1]. Так, он очеловечивает «хозяина уссурийской тайги», тигра, которого называет амбой, с которым разговаривает, «стыдит» его с полной уверенностью, что животное его понимает [1].

Дерсу любит людей, готов ради них на самопожертвование [1]. После того, как во время пурги Дерсу спас Арсеньеву жизнь, тот считает его своим близким человеком, в чем признаётся себе во время прощания [1].

В заключение хочется отметить, что русскому путешественнику-этнографу В. К. Арсеньеву удалось в полной мере раскрыть образ гольда Дерсу Узала как представителя тунгусо-маньчжурских народов Сибири и Дальнего Востока, которые издревле населяли эти земли, занимались традиционными охотой и рыболовством. Персонаж Дерсу воплотил в себе все типичные черты, религиозные, этнические особенности и привычки местных маньчжуров. Автор произведения, представитель славянской русскоязычной культуры и цивилизации, сумел передать свое восприятие и целостное представление о человеке из другого этнического мира, со своим, особым, мировоззрением и отношением к миру.

Библиографический список

1. Арсеньев В. К. По Уссурийскому краю. Послесловие Н. Е. Кабанова. – Хабаровск : Кн. изд., 1984. – 352 с.
2. Аругюнова Н. Д. Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. – М. : Наука, 1992. – С. 40–52.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М., 1986. – 444 с.
4. Бубер М. Два образа веры. – М. : Республика, 1995. – 464 с.
5. Забияко А. А., Сенина Е. В. Образы восприятия русских эмигрантов в китайской литературе и публицистике 1920–1940 гг., “Emigrantologia Słowian” – Vol. 2 (2016), s. 19–32.
6. Лапина Л. А. Историческая имагология: проблема методов и категории // Ученые записки ОГУ. Серия: "Гуманитарные и социальные науки". – 2019. – № 4 (85). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-imagologiya-problema-metodov-i-kategorii> (дата обращения: 15.02.2025).
7. Милославская С. К. Русский язык как иностранный в истории становления европейского образа России. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2012.
8. Папилова Е. В. Ималогия как гуманитарная дисциплина // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. "Филологические науки". – 2011. – № 4. – С. 31–40.
9. Полякова О. А. Истоки отечественной имагологии // Научно-методический электронный журнал "Концепт". – 2016. – № 7. – С. 156–163.
10. Промыслов Н. В. Имагология. Представления народов друг о друге. Учебно-методическое пособие. – М. : ГАУГН-Пресс. – 28 с.
11. Рябчикова Е. Е. Имагология как раздел литературоведческой компаративистики // Слово.ру : Балтийский акцент. – 2018. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imagologiya-kak-razdel-literaturovedcheskoj-komparativistiki> (дата обращения: 14.02.2025).

Марченко Владимир Владимирович
Амурский государственный университет
Благовещенский государственный педагогический университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
E-mail: grammateus2@yandex.ru

ПРОГРАММА ДЛЯ АНАЛИЗА ФОРМ ЭВЕНКИЙСКИХ ГЛАГОЛОВ

Vladimir V. Marchenko
Amur State University; Blagoveshchensk State Pedagogical University
Blagoveshchensk, Russian Federation
E-mail: grammateus2@yandex.ru

PROGRAM FOR THE ANALYSIS OF EVENKI VERB FORMS

Аннотация. Статья описывает общую структуру модели, анализирующей формы глагола в эвенкийском языке на основе генеративной грамматики Н. Хомского средствами языка программирования Prolog. Программа включает в себя синтаксический, морфо-фонетический и лексический модули, которые могут быть использованы для синтаксического, морфологического и словообразовательного анализа, а также для генерирования и транскрибирования эвенкийских слов и предложений.

Abstract. The article describes the general structure of a model capable of analyzing Evenki verb forms, based on the principles of N. Chomsky's generative grammar realized in Prolog programming language. The program includes syntactical, morpho-phonemic and lexical modules which can be used for syntactical, morphological and derivational analysis as well as for generating and transcribing word forms and sentences in the Evenki language.

Ключевые слова: эвенкийский язык, генеративная грамматика, формы глагола, компьютерная программа.

Keywords: Evenki language, generative grammar, verb forms, computer program.

Автоматизированная обработка текстов на естественном языке подразумевает синтаксический анализ предложения. Н. Хомский [6] предложил формальную модель для анализа и генерирования синтаксических конструкций. Один из типов формальных грамматик иерархии Н. Хомского – контекстно-зависимая грамматика (context sensitive grammar) – встроен в язык программирования Prolog в виде грамматики, построенной на определенных предложениях (DCG – definite clause grammar) [7]. Отличительной особенностью языка программирования Prolog является возможность использования одних и тех же

описаний как для анализа символьных последовательностей, подаваемых на вход, так и для генерирования словоформ или предложений с заданными параметрами. Описания DCG-структур в синтаксисе языка Prolog в общем виде выглядят следующим образом:

```
единица_высокого_уровня -->
единица_низкого_уровня_1,
единица_низкого_уровня_2.
единица_низкого_уровня_1 --> [конкретная_реализация_1].
единица_низкого_уровня_1 --> [конкретная_реализация_2].
```

DCG представляет собой удобный инструмент для моделирования предложений в аналитических языках с фиксированным порядком слов. Например, в английском языке синтетические формы представляют собой ограниченный набор словоформ для каждой лексемы, перечень которых можно задать списком или генерировать несложной процедурой добавления грамматических аффиксов, количество которых не превышает десятка.

Эвенкийский язык синтаксически также имеет фиксированный порядок слов [2], однако морфологически каждая полнозначная лексема имеет множество словоформ. Это означает, что для полноценного синтаксического анализа предложения предварительно следует реализовать морфологический модуль, который будет описывать грамматические аффиксы (главным образом именные и глагольные). В свою очередь грамматический аффикс, как правило, имеет несколько алломорфов, выбор которых обусловлен фонетическим окружением морфемы. К числу таких фонетических факторов относятся гармония гласных, а также различные ассимилятивные процессы на границах между морфемами. Таким образом, синтаксический анализ невозможен без морфологического, а морфологический – без фонетического.

Задача морфологического анализа облегчается тем, что эвенкийский язык принадлежит к языкам агглютинативного типа, что выражается в достаточно четкой границе между морфемами (в отличие, например, от русского языка, имеющего флективный тип) [1]. Фонетический анализ облегчается тем, что эвенкийская письменность на основе кириллицы достаточно точно отражает фонемный состав слова и, как показывает наша модель, даже отсутствие представленной долготы для гласных не является препятствием для корректной идентификации морфем. Более того, в качестве побочного эффекта долгота гласных «восстанавливается» для написанного слова.

Если для английского языка механизм DCG для распознавания структур вполне реализуем на уровне слов, без углубления в морфологию и фонетику [3], то для эвенкийского языка подобный подход невозможен, поэтому при-

ходится оперировать на уровне звуков и технически рассматривать слово по-буквенно. Предикативным ядром предложения является глагол, поэтому в нашей разработке на данном этапе мы сосредоточились на анализе форм глагола как наиболее богатой аффиксами части речи.

Рассматриваемая в данной статье «Программа для анализа форм эвенкийских глаголов» [5] состоит из синтаксического модуля, представляющего собой стандартные DCG-описания возможных синтаксических конструкций, морфологического модуля, содержащего описание алломорфов для каждого грамматического аффикса с указанием его фонетического контекста, и лексического модуля, представляющего собой словарь корней с их переводом на русский язык. И если словарь потенциально неограничен, то возможные комбинации синтаксических структур вполне могут быть описаны средствами DCG. Количество аффиксов вместе со всеми возможными алломорфами достаточно велико, но все же вполне конечно и доступно для исчерпывающего описания. Механизм подбора алломорфов для словообразовательных аффиксов при этом принципиально не отличается от грамматических аффиксов, потому, помимо морфологического разбора, предлагаемая модель потенциально может быть расширена и на словообразовательный анализ.

Хотя фонетический аспект важен при подборе алломорфов, для работы генеративной модели на уровне морфологии и синтаксиса использование транскрипции не является обязательным. Однако морфологический анализ слов позволяет использовать программу как удобное средство для транскрибирования. Для чего достаточно описание каждого алломорфа снабдить фонематической транскрипцией. В рассматриваемой модели за основу взят стандарт для транскрибирования звучащей речи восточных эвенков [4].

Описание как корневых морфем, так и аффиксов формализуется единообразно и содержит: лексическое значение (в виде перевода на русский язык основного значения) или грамматическое значение (в виде конкретизации значения грамматической категории); фонетические особенности предыдущей морфемы (финальную фонему и указание на сингармонический ряд), которые служат входной информацией для подбора текущего алломорфа; фонетические особенности текущей морфемы, которые передаются для работы со следующей морфемой; транскрипцию; написание (вариант с проставленной долготой и без нее).

Такие описания позволяют генерировать все возможные формы эвенкийского глагола, задаваемого по корневой морфеме. Для этого в программе предусмотрена функция *формы_глагола*. Если требуется ограничиться лишь нужным подмножеством форм, то можно сузить работу генератора форм, задав значения некоторых грамматических категорий и оставив варьируемыми другие. Таким образом, реализована команда *спрягать*, пример вывода которой

показан на рис. 1. В качестве параметров задается русское значение корня, залог, вид, наклонение и время. С таким же подходом это может быть генерирование разных видо-временных форм с фиксацией лица и числа в определенном значении.

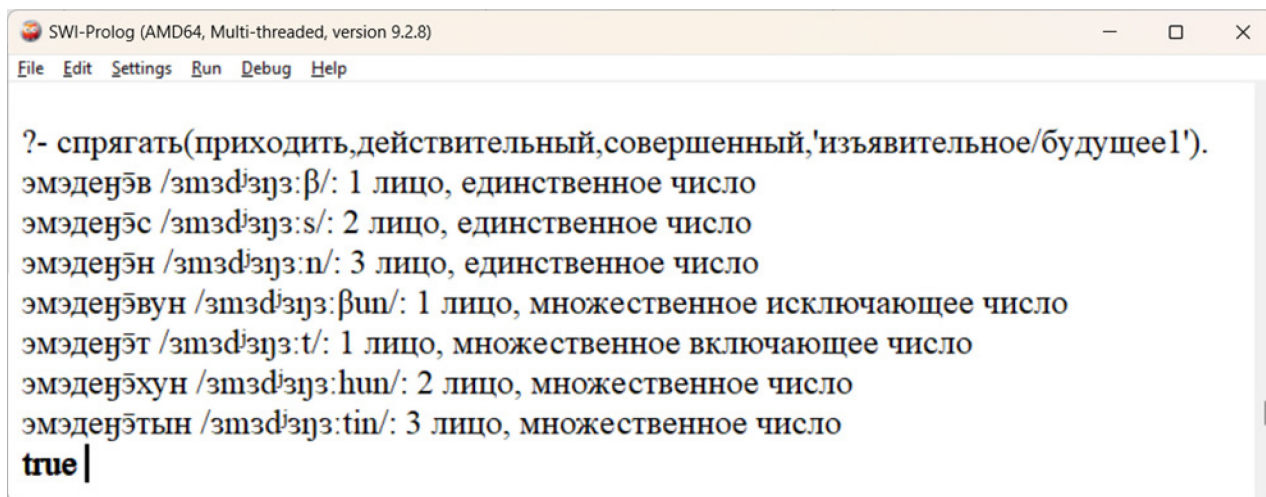

Рис. 1. Пример генерирования форм глагола.

Эти же описания на языке программирования Prolog можно использовать не для генерирования, а для анализа формы, задаваемой пользователем. Для этого предусмотрена команда *анализировать_глагол*, которая осуществляет разбиение словоформы на морфемы (при условии, что форма грамматически корректна). На рис. 2 приведен вывод команды, которая осуществляет морфологический и частично словообразовательный разбор слова. Для каждой обнаруженной морфемы приводится транскрипция и выражаемое грамматическое значение, при этом программа также справляется с наличием нулевых морфем.

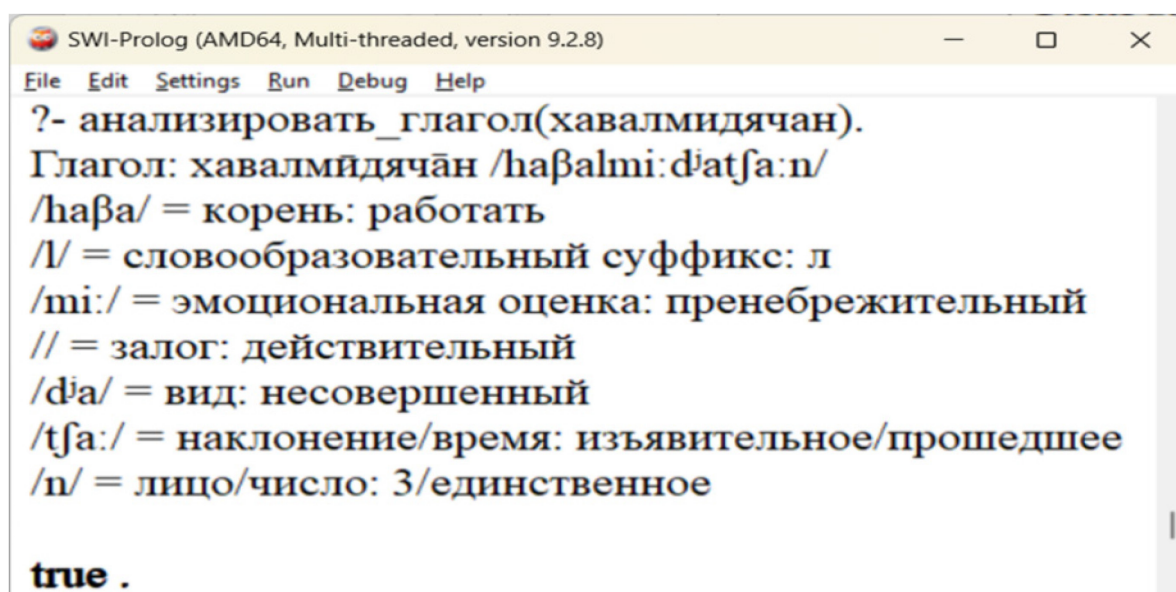

Рис. 2. Пример разбора формы глагола.

На рис. 2 можно увидеть, что, помимо разбиения глагола на морфемы, программа собирает воедино написание, восстанавливая знак долготы над гласными, а также транскрипцию. Таким образом, описания алломорфов используются одновременно и для анализа, для и синтеза. Если пользователя интересует лишь фонетический аспект, в программе есть также команда *транскрибировать_глагол*, которая представляет собой усеченную версию все той же процедуры, но без подробного вывода информации об обнаруженных морфемах.

Наконец, DCG-описания позволяют анализировать не только морфологию, но и синтаксис (для чего они прежде всего и разрабатывались). Если похожим образом реализовать описание существительных и прочих изменяемых частей речи эвенкийского языка, то появляется возможность анализировать или генерировать предложения. Принципиальную возможность этого демонстрирует команда *разбор_предложения*, вывод которой представлен на рис. 3.

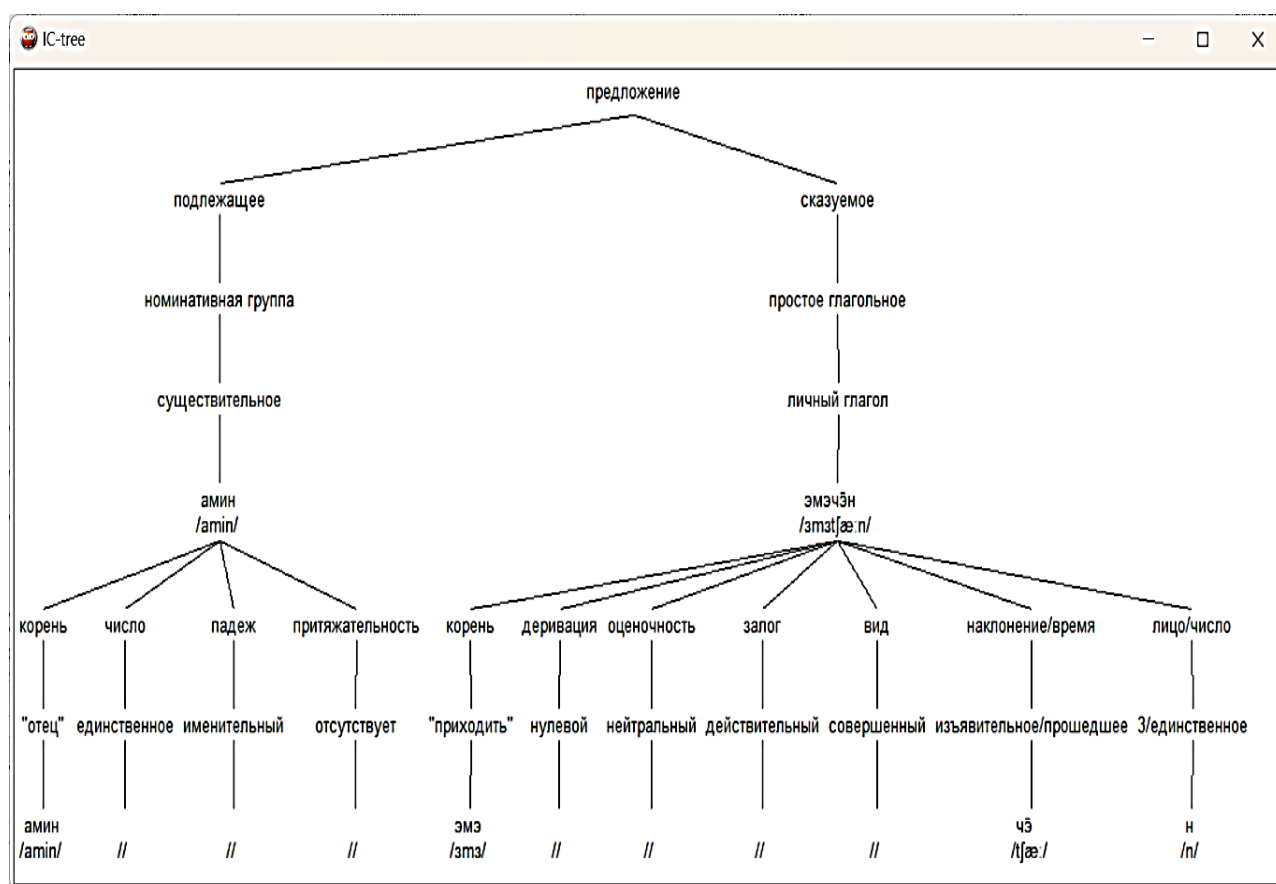

Рис. 3. Пример синтаксического анализа предложения.

В отличие от предыдущих команд (текстового типа), здесь в единой схеме предложение представляется в виде древовидной структуры, в которой номинативная и глагольная фразы идентифицируются как выражающие подлежащее и сказуемое. Для каждого слова выполнен морфологический анализ, который также представлен в графическом виде, при этом вместе с написанием слова транскрипцией снабжены и морфемы.

Помимо расширения программы на более детальное моделирование других частей речи и всего спектра синтаксических конструкций, функционал программы потенциально можно расширить, введя семантический компонент, который позволит более точно формализовать лексические значения и использование переводных соответствий на русский язык. Фонетический аспект можно расширить, введя более подробный анализ фонетических явлений, наблюдаемых в слове, а также реализовать фонетическую транскрипцию, актуальную для разных диалектов и говоров эвенкийского языка.

Список сокращений: DCG – *definite clause grammar* (грамматика, построенная на определенных предложениях).

Библиографический список

1. Болдырев Б. В. Морфология эвенкийского языка / Б. В. Болдырев. – Новосибирск : Новосибирский филиал Федерального государственного унитарного предприятия "Академический научно-издательский и книгораспространительский центр "Наука", 2007. – 932 с.
2. Булатова Н. Я. Эвенкийский язык в таблицах. Учебное пособие для эвенкийских школ, педагогических колледжей, вузов / Н. Я. Булатова. – Санкт-Петербург : ООО ДРОФА, 2002. – 64 с.
3. Марченко В. В. Возможности использования языка программирования Prolog для изучения синтаксиса в курсе теоретической грамматики английского языка / В. В. Марченко // Материалы науч.-практ. интернет-конф. "Теоретические и методологические проблемы иноязычного образования и межкультурной коммуникации", Благовещенск, 16–18 февраля 2016 года. – Благовещенск : Благовещенский государственный педагогический университет, 2016. – С. 67–74.
4. Морозова О. Н. Стандарт для транскрибирования звучащей речи восточных эвенков (на материале речевого корпуса эвенкийского языка) / О. Н. Морозова, С. В. Андросова, Т. В. Кравец // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2018. – Т. 4, № 1. – С. 32–48.
5. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2024686495 Российская Федерация. Программа для анализа форм эвенкийских глаголов : № 2024685410 : заявл. 28.10.2024 : опублик. 08.11.2024 / В. В. Марченко ; заявитель ФГБОУ ВО "Амурский государственный университет".
6. Chomsky N. Three models for the description of language / N. Chomsky // IRE Transactions on Information Theory. – 1956. – Vol. 2 (3). – P. 113–124.
7. Matthews Clive. An Introduction to Natural Language Processing Through Prolog. – London-New York : Longman, 1998. – 306 p.

Морозова Ольга Николаевна

Амурский государственный университет

г. Благовещенск, Российская Федерация

E-mail: morozova_olga06@mail.ru

ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ ТУНГУССКОГО ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Olga N. Morozova

Amur State University

Blagoveshchensk, Russian Federation

E-mail: morozova_olga06@mail.ru

DOCUMENTING TUNGUS SONG FOLKLORE IN THE FIRST HALF OF THE TWENTIETH CENTURY

Аннотация. Цель данной статьи – дать представление о важной деятельности тунгусоведов первой половины XX в. в сфере документирования и интерпретации музыкального фольклора различных групп тунгусов Сибири и Северо-Востока Китая.

Abstract. The purpose is to give an idea of the important activities of Tungus scholars in the first half of the twentieth century in the field of documenting and interpreting the musical Tungus folklore in Siberia and northeast China.

Ключевые слова: музыкальная этнография, исчезающие языки мира, тунгусы, песенное творчество.

Keywords: musical ethnography, endangered languages of the world, Tungus, song creativity.

Цель данной статьи – дать представление о важной деятельности тунгусоведов первой половины XX в. в сфере документирования и интерпретации музыкального фольклора различных групп тунгусов Сибири и Северо-Востока Китая.

Тунгусский фольклор на фонограф записывал Л. Я. Штернберг в 1910 г., позже П. А. Малых, В. К. Стешенко-Куфтина, И. М. Суслов и другие. В Фонограммхиве Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), по данным на 1936 г., хранилось 124 фонографические записи [5]. Эти материалы, хранящиеся в Фонограммхиве, по мнению А. А. Бурыкина, можно разделить на четыре периода записи: первый (1900–1914), второй (1920–1930), третий (1955–1956), четвертый (1960–1990), этапы выделены на основании состояния фольклорной традиции в указанный период времени [1]. Особенное внимание привлекает коллекция, собранная семьей ученых С. М. и Е. Н. Широкогоровых, значительная по объему (105 восковых валиков) и записанная среди групп орочонов, тунгусов,

бурят, которых позже с подобными целями не посещали [9]. Безусловно, велика заслуга по освещению научных достижений о песенном творчестве тунгусов Г. М. Василевич. Статьи о тунгусском фольклоре многих тунгусоведов, написанные на иностранных языках, Глафира Макарьевна перевела на русский язык, сформировав отдельный научный сборник [2].

Обратимся к анализу песенных образцов, собранных выдающимися учеными XIX–XX веков. Академик Императорской академии наук и художеств в ходе этнографических исследований И. Георги высоко ценил песенное искусство инородцев Сибири и писал: «У тунгусов <...> в большом ходу пение, правда, несколько однообразное, но довольно приятное» [3]. Исследователь, находясь в экспедициях в Сибири, описывал среди прочего и музыкальную культуру эвенков. Он отмечал, что в их песнях речь идет о любви и охоте, оленях и красоте природы, о подвигах храбрых предков, часто о чудесах и приключениях. Из всего песенного фольклора Георги выделял особый жанр «длинных песен» – тунгусских сказаний, в которых пение часто чередуется с рассказом [3].

Исследователь ороченев баргузинской тайги П. Малых убежден, что самой основной причиной, почему их фольклор остается скрытым от многих исследователей, является то, что большое количество песенного творчества связано с ритуалами и является частью религиозных обрядов, а следовательно, выявляется лишь в определенных случаях, при соответствующих условиях [6]. Хоровое пение и танцы, по наблюдению автора, приурочиваются к определенному времени года и определенным событиям (свадьбы). В первый хоровод становятся все старики и старухи, как бы дряхлы они ни были, и лишь потом пение и танцы продолжает молодежь. Некоторые напевы этих хороводов носят характер «благодарения» божества. К сожалению, П. Малых уже в 1924 г. предсказывал исчезновение ороченского языка на территории Прибайкалья к 40-м годам XX века, поскольку со времен своей экспедиции 1912 г. зарегистрировал упадок фольклорных форм у знатоков («стариков-сказочников») баунтовского говора [6].

Интересны образцы енисейско-тунгусской песенной речи, собранные Г. Гутом в 1897 г. Среди них есть колыбельная песнь от тунгуса рода Куркагир, записанная в деревне Каменское Пинчугской волости на Ангаре. Автор отмечает обращение матери к младенцу в третьем лице вместо нежного обращения на «ты», поскольку, по его мнению, такое обращение на «ты» – единственный способ выражения материнской нежности. Однако, по нашим данным, даже современные эвенки продолжают называть своих грудных малышей в третьем лице (Амурская обл., род Кангагир). Причина кроется не в дразняще-шуточном обращении, как полагал Г. Гут, а в плохой примете – «накликать болезни, сглаз». Кроме колыбельной, приводятся образцы песни «Сбившаяся с пути истинного девушка», «Жалобной песни осиротевшей девушки», отрывков из героических сказаний,

шаманских заклинаний с целью излечения болезней, облегчения родов, советов влюбленным. Каждую песню (сказание), зафиксированную на латинице, с русским переводом, автор снабжает подробной интерпретацией-анализом, что для читателя является ценным источником постижения древней культуры енисейских тунгусов [2].

Е. Н. Широкогорова называет причину, вследствие которой началось активное документирование народной музыки среди народов Сибири, а именно – учреждение в Музее антропологии и этнографии в Петрограде в 1911–1912 гг. отделения музыкальных фонограмм. С этого времени каждый исследователь снабжался фонографом и восковыми валиками для записей музыкального творчества народов Сибири и Азии в целом. Е. Н. Шикорогоровой было собрано большое количество музыкальных материалов (в виде фонограмм и нотных записей на слух) в условиях экспедиций в разные части Восточной Сибири и Маньчжурии. В своей работе [10] исследователь приводит образцы в том числе тунгусских песен, которые поют не с артистическими целями, а для собственного удовольствия, развлечения или же во время шаманских действий. Автор настаивает, что тунгусские и маньчжурские песни построены по другим принципам, чем песни китайцев. Следовательно, музыку народов Северо-Востока Китая необходимо исследовать в тесной связи с другими проявлениями народной культуры [10].

По мнению Е. Н. Шикорогоровой, особый интерес представляют источники происхождения мотивов тунгусских народных песен. Одним из источников являются звуки природы. Так, тунгусы издревле подражали рёву оленя-самца в начале осени (с этой целью тунгусы пользуются специальным берестяным манком, чтобы животное подходило к ним как можно ближе). Охотники также обладают мастерством имитации пения птиц, что также служит в качестве мотивов для народных песен. Таким образом, непосредственное подражание звукам природы во многих случаях является источником народной музыки. Автор предлагает при исследовании народного тунгусского песенного фольклора обращаться к данным орнитологии и биоакустики в части звуков, издаваемых птицами и животными [10]. Следовательно, «положительные знания» (термин С. М. Широкогорова) в виде языка и фольклора (в том числе песенного) появились как способ адаптации к природной среде, накопленной через опыт жизни, отличный от европейского или иного большинства [9]. Данный вывод был подтвержден современными исследованиями Л. И. Кардашевской, результаты которой доказывают, что основополагающее значение в песнях эвенков имеют звукоподражания и ономотопеи (как проявления звучащего ландшафта Арктики). Именно они «являются интонационной основой сигнального интонирования (охотничьих манков, промысловых и хозяйственных сигналов и т. д.), а также ладоинтонационной основой песенных импровизаций» [7].

Обращается внимание на сложность изучения вопроса музыкальной этнографии народов, проживающих в Китае. В разных группах одной и тоже народности, по мнению Е. Н. Шикорогоровой, музыкальный фольклор настолько разный, что провести эти различия можно даже без тщательного музыкологического анализа. Более того, на основании полевых исследований муж Елизаветы Николаевны, широко известный антрополог Сергей Михайлович Широкогоров, пришел к важному выводу о возможном несовпадении происхождения культуры, языка и антропологического типа у одного и того же народа. Подчеркивая общее происхождение и родство разных групп тунгусов Забайкалья и Дальнего Востока, он отмечал, что на культуру хинганских конных орочонов Китая оказала влияние монгольская культура, на культуру оленных орочонов Маньчжурии (эвенки-яко) – якутская и русская, на культуру кумарских орочонов – маньчжурская [9]. Е. Н. Широкогорова отмечала, что тунгусская песня находится под сильным бурятским влиянием, а орочонская песня "вполне своеобразна": "Для орочонской песни характерно частое использование стаккато наряду с легато и частая смена форте и пиано; ритмы весьма разнообразны, темпы также. К этому еще необходимо прибавить большое разнообразие мотивов, мягкий, не гортанный тембр голосов и пение хоровых песен не в унисон" [9].

Таким образом, существует настоятельная необходимость описания, анализа и интерпретации звуковых образцов тунгусского фольклора дореволюционного периода и советского времени, хранящихся в Фонограммархиве Пушкинского дома РАН (г. Санкт-Петербург), поскольку требуется сравнительный анализ тех изменений в этнической культуре малочисленных народов Севера, которые в последние десятилетия преобразовали не только саму культуру, но и изменили систему духовных ценностей этих народов.

Библиографический список

1. Бурыкин А. А. Краткий обзор материалов по языкам и фольклору тунгусо-маньчжурских народов в коллекциях Фонограммархива ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН // Социальные взаимодействия, языки и ландшафты в Сибири и Китае (эвенки, эвены, орочоны и другие группы) : сб. тр. Третьей междунар. междисциплинарной Тунгусской конф. / глав. ред. С. В. Андросова. – Благовещенск : ООО «ИПК «Одеон», 2019. – С. 70–80.
2. Василевич Г. М. Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. – Л. : Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Смидовича, 1936.
3. Георги И. Тунгусское сказание // Василевич Г. М. (сост.) Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. – Л. : Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Смидовича, 1936. – С. 233.
4. Г. Гут Тунгусская народная литература и ее этнологическое значение // Василевич Г. М. (сост.) Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. – Л. : Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Смидовича, 1936. – С. 235–245.
5. Магид С. Д. Список собраний фонограмм архива ИАЭА Академии наук СССР // Советский фольклор. – 1936. – No 4–5. – С. 415–428.

6. Малых П. Несколько слов об ороценах и их фольклоре // Василевич Г. М. (сост.) Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. – Л. : Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Смидовича, 1936. – С. 267–271.
7. Кардашевская С. И. Песенный фольклор эвенков Якутии: Автореферат ... канд. искусствоведения: спец. 17.00.02 "Музыкальное искусство". – Новосибирск, 2022. – 21 с.
8. Народная ороchonская певица Цю Юнь – URL: <https://ru.tingroom.com/yuedu/zgbkeyb/19932.html> (дата обращения: 30.01.2025).
9. Сирина А. А., Давыдов В. Н. Супруги С. М. и Е. Н. Широкогоровы: Исследователи с «тунгусоведным» сердцем // Известия Восточного института. – 2023. – № 1 (57). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suprugi-s-m-i-e-n-shirokogorovy-issledovateli-s-tungusovednym-serdtsem> (дата обращения: 31.01.2025).
10. Широкогорова Е. Н. Народная музыка в Китае // Василевич Г. М. (сост.) Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. – Л. : Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Смидовича, 1936. – С. 283–286.
11. 高贺杰《森林的回声：关于鄂伦春人歌唱的音乐民族志》，重庆：西南大学出版社，2022年，288。Gaо Хэцзе «Эхо леса: музыкальная этнография народного пения ороchнов», Чунцин: Southwest University Press, 2022. – С. 288.

Морозова Ольга Николаевна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
E-mail: morozova_olga06@mail.ru

РОЛЬ АМУРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА «СОКРОВИЩА СЕВЕРА»

Olga N. Morozova
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
E-mail: morozova_olga06@mail.ru

ROLE OF THE AMUR STATE UNIVERSITY IN THE IMPLEMENTATION OF THE PROJECT "TREASURES OF THE NORTH"

Аннотация. В статье рассматривается участие Амурского государственного университета (АмГУ) в реализации XIX Международного проекта «Сокровища Севера» (29.04-03.05.2024), организатором которого явилась Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ совместно с компанией «Абориген Экспо Тур» (г. Москва). Автором представлена общая концепция амурской программы репрезентации эвенкийского декоративно-прикладного творчества, замысел которой был продемонстрирован на выставке-ярмарке (площадка ЦБК «Экспоцентр»). В работе проводится анализ мероприятий проекта, их социальный эффект и масштаб.

Abstract. The article discusses the participation of Amur State University (hereinafter referred to as ASU) in the implementation of the international project "Treasures of the North" (04/29-05/03/2024), organized by the Association of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation together with the Expo Tour agency (Moscow). The author presents the general concept of the Amur program for the representation of Evenki arts and crafts, the concept of which was demonstrated at the exhibition-fair (Expocentre Fairgrounds). The work analyzes the project's activities, their social effect and scale.

Ключевые слова: Амурская область, «Сокровища Севера», эвенки.

Keywords: Amur region, "Treasures of the North", Evenks.

Московская Международная выставка-ярмарка «Сокровища Севера» (далее СС) (директор Н. А. Кадышев), 20-й юбилей которой исполняется в мае 2025 г., не раз была предметом описания не только в СМИ, но и в научной литературе [1–3]. В 2024 г. Амурский государственный университет (совместно с РО «Ассамблея народов России» Амурской области и областным краеведческим му-

зею Амурской области им. Г. С. Новикова-Даурского) стал организатором амурской программы выставки, которая включала в себя разработку общей концепции репрезентации эвенкийской культуры коренного населения АО на основе лучших практик среди мастеров ДПИ эвенкийского происхождения, продвижение достижений материального и нематериального наследия эвенков Приамурья на центральных площадках нашей страны, а также оказание поддержки малочисленным народам Севера, проживающим на территории компактного расселения в АО.

Уникальная выставка-ярмарка "Сокровища Севера" ежегодно открывает свои экспозиционные залы в начале мая. Данный проект дает возможность соприкоснуться с культурой Севера, почувствовать колорит и выразительность меховых, бисерных, косторезных коллекций мастеров и мастериц из коренных малочисленных народов России. У выставки-ярмарки есть сайт, где собраны фото-мгновения праздника, начиная с 2006 г. И наши амурские коллекции эвенкийских мастеров там тоже есть, а это ценно для истории коренной культуры Приамурья.

Амурская область участвует в международной выставке-ярмарке уже не первый год. История эвенкийских коллекций ДПИ Приамурья в Москве запечатлена на страницах СМИ, начиная с 2020 г. Так, в 2020 г. коллекции Олеси Цветовой (Ивановское), Тамары Борисовны Колесовой (Ивановское), Елены Анатольевны Тимофеевой (Ивановское) украшали павильон «Сокровищ Севера», а в 2023 г. это были коллекции Ларисы Владимировны Акимовой (Усть-Уркима), Анатолия Николаева (Усть-Уркима), Светланы Кульбертиновой (Усть-Нюкжа), в 2024 г. их место заняли коллекции Елены Вениаминовны Исаковой (Бомнак), Оксаны Николаевны Мальчакиной (Усть-Нюкжа), Анатолия Анатольевича Николаева (Усть-Уркима).

В ходе реализации международного проекта эффективность конкурсных мероприятий отмечена:

1) на уровне региона: сформированы базы данных предметов декоративно-прикладного искусства коренного народа Приамурья (эвенков), подготовлена фотоэкспозиция и экскурсионная программа по теме «Культура эвенков Амурской области», подготовлен устный доклад, сопровождаемый презентацией, по теме «Языковые образовательные эвенкийские проекты трансграничной агломерации «Благовещенск–Хэйхэ»;

2) на всероссийском уровне: создана новая форма межрегионального сотрудничества между университетом и культурными учреждениями, общественными организациями РФ в рамках Международной выставки-ярмарки «Сокровища Севера. Мастера и художники России 2024».

Также были достигнуты цели: 1) представление традиционной культуры коренного населения – эвенков Приамурья через демонстрацию мастер-классов и мероприятий эвенкийских мастеров ДПИ, музейных работников и профессуры вузов на Международной выставке-ярмарке «Сокровища Севера. Мастера и художники России 2024»; 2) сбережение уникальной культуры эвенкийского этноса через декоративно-прикладное искусство, через передачу знаний, умений и навыков знатоков эвенкийской культуры и одаренной эвенкийской молодежи. Проект позволил решить задачи по повышению уровня информированности об уникальных ремеслах коренного населения Амурской области на международной площадке Экспофорума в г. Москве.

Краткое описание мероприятия. Силами эвенкийских мастеров ДПИ (Е. В. Исакова, О. Н. Мальчакитова, А. А. Николаев), музейных работников (А. В. Николаенко) и профессуры Амурского государственного университета (О. Н. Морозова), вошедших в региональный коллектив от Амурской области, представлена традиционная культура коренного населения – эвенков Приамурья на Международной выставке-ярмарке «Сокровища Севера. Мастера и художники России 2024». 29 апреля 2024 г. презентован выставочный стенд-павильон «Амурская область» для участия в конкурсе «Лучшая экспозиция» с бисерными, меховыми и костяными коллекциями эвенкийских мастеров ДПИ Амурской области. В ходе всего мероприятия с 29 апреля по 3 мая 2024 г. проведены экскурсии по павильону силами музейного работника (А. В. Николаенко) и профессора АмГУ (О. Н. Морозова) по теме «Традиционная культура Амурской области». 2 мая 2024 г. состоялось выступление по теме «Языковые образовательные эвенкийские проекты трансграничной агломерации «Благовещенск–Хэйхэ». В результате коллектив АО награжден дипломом «Специальный приз «Бисерные узоры»» в номинации «Региональные стенды общей площадью до 24 кв.м». Организационная поддержка мероприятия оказана со стороны следующих учреждений: 1) Амурский областной дом народного творчества, 2) Министерство культуры и национальной политики АО, 3) Областной краеведческий музей им. Г. С. Новикова-Даурского, 4) РО ООГО "Ассамблея народов России" АО, 5) Министерство внешнеэкономических связей, туризма и предпринимательства АО; информационная поддержка – 1) Министерство культуры и национальной политики АО, 2) Региональная ассоциация КМНС АО, 3) Ассоциация КМНС Селемджинского района АО, 4) Эвенкийская община «Синкэн».

Бисерное мастерство амурских мастериц получило признание экспертами жюри международного конкурса. Наградами были отмечены Е. В. Исакова (с. Бомнак) и О. Н. Мальчакитова (с. Усть-Нюкжа), получившие специальный приз конкурса «Бисерные узоры», в номинации «Региональные стенды общей

площадью до 24 кв.м» в ходе работы региональной площадки «Амурская область» XIX Международной выставка-ярмарка «Сокровища Севера-2024. Мастера и художники России». Наши прекрасные амурские мастерицы-бисерницы показали посетителям международной выставки мастер-классы по бисероплетению. Изделия из маленьких бисеринок (мельчайший 11 размер), выполненные в ходе мастер-классов, были подарены участникам-посетителям «Сокровищ Севера» вместе с издательской продукцией о туристических возможностях нашего региона, предоставленной Министерством внешнеэкономических связей, туризма и предпринимательства АО.

Конкурс фотографического мастерства «Северный взор» на «Сокровищах Севера» объединил любителей и профессионалов киноискусства общей целью познакомить и приобщить к духовному и культурному наследию коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Амурская область на данном конкурсе была представлена работами известного фотографа Приамурья Натальи Борисовны Поспеловой, в творческие интересы которой входит этнофотография. Фотографу присуждены следующие призы: 1) специальный приз профессионала фотоискусства «За высокое художественное мастерство», в номинации «Северный колорит» (фотографии «В музее», «На репетиции», «На берегу моря», «Счастливое детство», «Красавица»); 2) диплом 2 степени за фотографию «Сладкая парочка», в номинации «Приз зрительских симпатий»; 3) диплом 1 степени в номинации «Сокровищница Севера» (фотографии «Сладкая парочка», «На солнышке», «Баклан», «Нерпичьи залежи», «Хозяева острова»).

Общее количество участников, задействованных в организации и проведении проекта от АО, составило 5 человек из г. Благовещенска, Тындинского и Зейского муниципальных округов. На выставке-ярмарке в Москве амурский павильон посетили свыше 500 зрителей из 20 регионов нашей страны.

Таким образом, полученные результаты следующие:

1) в 2024 г. основная обязанность за организацию амурского павильона по культуре эвенков региона на XIX-й Международной выставке-ярмарке «Сокровища Севера. Мастера и художники России 2024» была возложена на кафедру иностранных языков Амурского государственного университета;

2) количество конкурсных площадок, в которых участвовали эксперты от АО, – 4 (конкурс «Бисерные узоры», в номинации «Региональные стенды общей площадью до 24 кв.м»; конкурс фотографического мастерства «Северный взор»; музейная экскурсия «Культура амурских эвенков», научный доклад «Языковые образовательные эвенкийские проекты трансграничной агломерации «Благовещенск–Хэйхэ»). Общее количество полученных наград – 4 кубка и 4 Почетные грамоты;

3) в коллектив от АО вошли профессионалы из разных сфер культуры и образования – эвенкийские мастера ДПИ (бисерное и косторезное искусство), музейный работник и профессор вуза, основным профилем которых является язык и культура тунгусов Приамурья.

Библиографический список

1. Бузова Н. В. Сокровища Севера и интеллектуальная собственность: дискуссии и проблемные вопросы // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. – 2018. – № 6. – С. 2–7.
2. Сирина А. А. Сокровища Севера на выставках-ярмарках в Москве // В сборнике «Культура и искусство коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации. Материалы Всерос. науч.-практ. конф. в рамках Межрегионального фестиваля-смотр деятельности этнокультурных центров коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока». – 2014. – С. 64–68.
3. Чернышова С. Л. Особенности современного бытования фольклора коренных малочисленных северных этносов (на материалах Всероссийского фестиваля культур народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ «Кочевье Севера») // Научный электронный журнал «Меридиан». – 2016. – № 2 (2). – С. 30–35.

Морозова Ольга Николаевна

Амурский государственный университет

г. Благовещенск, Российская Федерация

E-mail: morozova_olga06@mail.ru

**«СЕВЕРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ» – НАУЧНАЯ ОСНОВА
МЕЖДУНАРОДНОЙ ОЛИМПИАДЫ «ТУРЭН»**

Olga N. Morozova

Amur State University

Blagoveshchensk, Russian Federation

E-mail: morozova_olga06@mail.ru

**THE NORTH CONFERENCE –
THE SCIENTIFIC BASE
OF THE INTERNATIONAL OLYMPIAD "TUREN"**

Аннотация. Цель статьи – познакомить читателя с важным мероприятием в рамках Международной олимпиады по языку и культуре эвенков, эвенов России и орохонов Китая «Турэн» – Северной конференции, в ходе которой вырабатываются научно-методологические основы и рекомендации сохранения языков и культур малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ и Северо-Востока КНР.

Abstract. The purpose of the article is to acquaint the reader with an important event within the framework of the International Olympiad on the language and culture of the Evenks, Evens of Russia and Orochons of China "Turen" – the Northern Conference, during which the scientific and methodological foundations and recommendations for the preservation of the languages and cultures of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation and the north-east of the People's Republic of China are developed.

Ключевые слова: Амурская область, «Сокровища Севера», эвенки.

Keywords: Amur region, "Treasures of the North", Evenks.

Северная конференция – краткое название широко известной Международной конференции «Проблемы сохранения языков и культур народов России и Китая», которая проводится на базе Амурского государственного университета (г. Благовещенск) в 2025 г. уже в 12 раз. Целью конференции является создание онлайн-пространства для презентации научных тематик и социализации молодых ученых в сфере лингвистики, построения перспективного маршрута будущей научной деятельности. В задачи конференции входит укрепление сотрудничества молодых ученых; формирование исследовательских сообществ (сетей); презентация результатов и гипотез молодежи, занимающихся наукой; информирование участников конференции о дальнейших возможностях научно-образовательного развития.

Конференция ежегодно включается в планы научно-исследовательских работ АмГУ. В 2025 г. секции конференции проводятся в рамках НИР кафедры иностранных языков «Языки Верхнего Приамурья России и Китая», научный руководитель – О. Н. Морозова (124022600332-5). Мероприятием-спутником Северной конференции является Международная научно-методическая видеоконференция «Обучение иностранному языку студентов высших и средних образовательных учреждений на современном этапе», научный руководитель – С. В. Деркач (НИР АААА-А21-121012290036-5).

На онлайн-площадке Амурского государственного университета соберутся молодые ученые (студенты, аспиранты), профессорско-преподавательский состав ссузов и вузов, научные работники Российской академии наук, общественные деятели из Благовещенска, Новосибирска, Якутска, Улан-Удэ, Казани, Москвы, Санкт-Петербурга, Саранска, Барнаула (РФ) и зарубежья – Хэйхэ, Харбина, Датуна, Нанкина (КНР). Общее количество участников – 57 человек (6 докторов и 12 кандидатов филологических наук, 12 аспирантов, 14 студентов, 2 общественных деятеля, 9 сотрудников высшей квалификации, задействованных в организации конференции) из Амурского государственного университета, Северо-Восточного федерального университета им. Аммосова, Ассоциации КМНС Селемджинского района Амурской области, Научного общества ороочнов провинции Хэйлунцзян, Датунского университета, Хэйхэского университета, Китайского университета Гонконга (КНР), Института народов Севера РГПУ им. Герцена, Бурятского гос. университета им. Доржи Банзарова, Московского городского педагогического университета, Алтайского гос. педагогического университета, Мордовского гос. университета им. Н. П. Огарёва, Таймырского колледжа, Института востоковедения РАН, Института филологии СО РАН, Ин-

ститута лингвистических исследований РАН, Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Всего 9 университетов России и Китая, 4 института Российской академии наук и Академия Республики Татарстан, 1 колледж, 3 общественные организации.

Конференция началась с приветственных слов от китайских партнеров – Мо Шаохуа, председателя Научного общества ороочонов провинции Хэйлуцзян, и Хэ Вэньчжэня, сотрудника Центра молодежных обменов Большого Китая, Колледж WYH, Благотворительный фонд выпускников Китайского университета Гонконга (г. Нанкин, КНР). Основными тезисами их обращений к участникам конференции были: 1) сохранение нематериального наследия человечества – языков и культур народов мира; 2) важная деятельность по ревитализации ороочонского языка Северо-Востока Китая, которую осуществляют ороочонские общественники КНР в сотрудничестве с Амурским государственным университетом; 3) знаменательная юбилейная дата – 50-летие со дня основания Амурского государственного университета; 4) интеграция наследия языка и культуры в образование и повседневную жизнь; 5) первостепенная задача по исследованию языка как транслятора знаний из прошлого в будущее; 6) глубокое знание культурного наследия тунгусского общества с его великим историческим прошлым; 7) Северная конференция как площадка, объединяющая мудрость и сотрудничество, которая позволяет внести вклад в наследие языка и культуры Китая и России (см. Приложение к статье); 8) сотрудничество Центра молодежных обменов Большого Китая (г. Нанкин) и АмГУ (г. Благовещенск) через электронный научный журнал «Язык, культура и образование».

В приветственном слове Сергея Савельевича Никифорова, председателя Ассоциации КМНС Селемджинского района Амурской области, подчеркивалось активное участие молодежи в обсуждении проблем тунгусских языков и культур. Докладчики конференции услышали слова признательности Амурскому государственному университету в год его 50-летия, звучали высказывания о важности сотрудничества между общественными национальными организациями и образовательными учреждениями.

Ольга Николаевна Морозова обратилась к участникам конференции со словами приветствия, где представила «Северную конференцию» как видеомост, который собрал ученых, преподавателей и студентов образовательных и научных учреждений из 10 регионов России и трех зарубежных стран – Китая, Афганистана и африканского Мали.

Научные изыскания, методические находки и новинки, которые представили на всеобщую онлайн-дискуссию молодые ученые (бакалавры, магистранты, аспиранты) и их научные руководители, ведущие исследования в области лингвистики и образования, оценивались компетентным жюри – докторами и кандидатами наук, ведущими научными сотрудниками Российской академии наук из Санкт-Петербурга, Москвы, Новосибирска, Якутска, Благовещенска, Хэйхэ, Харбина и Нанкина. В состав жюри вошли: 1) Андросова Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков АмГУ; 2) Уртегешев Николай Сергеевич – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории экспериментально-фонетических исследований кафедры иностранных языков АмГУ (г. Благовещенск), ведущий научный сотрудник Лаборатории экспериментально-фонетических исследований Института филологии СО РАН (г. Новосибирск); 3) Дырхеева Галина Александровна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ); 4) Рудницкая Елена Леонидовна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН (г. Москва); 5) Булатова Надежда Яковлевна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языков Сибири Института лингвистических исследований РАН, доцент Института народов Севера РГПУ им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург); 6) Бельды Андрей Иванович, руководитель семейного ансамбля «Мэгун муэнэ» (с. Найхин, Хабаровский край); 7) Винокурова Антонина Афанасьевна – кандидат филологических наук, зав. кафедрой северной филологии СВФУ им. Аммосова (г. Якутск).

«Северная конференция» была разделена на три секции: 1) Языки Китая 中國的語言; 2) Языки России 俄羅斯的語言; 3) Языки зарубежья (кроме Китая) 外語 (中國除外) .

В секции «Языки Китая» дипломом первой степени была награждена Кремлева Виктория Андреевна (магистрантка 394-ой группы 2 курса кафедры иностранных языков филологического факультета Амурского гос. университета – г. Благовещенск, Амурская область, научный руководитель – О. Н. Морозова), которая выступила с докладом на китайском языке «Акустический анализ песенного фольклора орохонов Китая и эвенков России» (中國奧羅雄人和俄羅斯鄂溫克人歌曲民間傳說的聲學分析). Основная цель выступления заключалась в представлении данных акустического анализа вокальной

речи орочонов и эвенков. Подобные исследования выявляют взаимосвязи между пением, подчиненным законом мелодии и ритма, и их фонетической корреляцией.

В секции «Языки России» дипломом первой степени была награждена Якимец Наталья Васильевна (аспирантка Института филологии СО РАН, г. Новосибирск; науч. руководитель – Н. С. Уртегешев, д-р. филол. наук, ведущий научный сотрудник, ИФЛ СО РАН), которая выступила с докладом «Изучение консонантизма орских чатов как один из способов сохранения языка».

В секции «Языки зарубежья (кроме Китая)» дипломом первой степени были награждены Андросова Елена Евгеньевна и Андросова Полина Евгеньевна (бакалавры 391об-2 группы 2 курса кафедры иностранных языков филологического факультета Амурского государственного университета; науч. руководитель – С. В. Андросова), выступившие с докладом «Оценка эффективности обучения явлениям связной английской речи для развития навыков аудирования».

Гран-при «Северной конференции» был вручен Марченко Владимиру Владимировичу (аспирант 2 курса кафедры иностранных языков филологического факультета Амурского государственного университета, старший преподаватель кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка Благовещенского гос. педагогического университета; науч. руководитель – Н. С. Уртегешев), за доклад «Программа для анализа форм эвенкийских глаголов». Докладчик уже запатентовал свою разработку, получив свидетельство о регистрации программ для ЭВМ [1].

Основные выводы «Северной конференции» заключаются в следующих тезисах: 1) проблема сохранения языков народов мира через исследование их фонетической, грамматической и лексической систем остается насущной в третьем десятилетии XXI в. среди молодежи России, Китая, Афганистана и Мали; 2) сотрудничество научных, образовательных, общественных сообществ России и Китая осуществляется не только на конкурсных площадках Международной олимпиады «ТУРЭН», обсуждение проблем продвижения тунгусских языков и их типологического сравнения с другими языками мира активизируется и в рамках молодежных заседаний научной «Северной конференции».

Мы сердечно благодарим наших переводчиков с китайского и английского языков – аспирантов кафедры иностранных языков Сюй Ин, Виталию Вадимовну Кирпикову, Сергея Евгеньевича Чернова, Анну Романовну Бурханову.

Информационное письмо XII Международной конференции
«Проблемы сохранения языков и культур народов России и Китая»
(зимней молодежной сессии)

Китайский язык	Русский язык
世界土著语言十年 俄罗斯和中国文化年 纪念阿穆尔国立大学成立50周年 第十二届国际会议 “保护俄罗斯和中国人民语言和文化的问 题” (北方会议) (冬季青年会议) 2025年1月17号 会议通知 大会组委会邀请从事语言学和教育领域研究的青年科学家(学士、硕士、研究生)及其导师积极参与 会议目标: 为语言学领域的年轻科学家提供科学专题介绍和社会化的在线空间, 为未来的科学活动制定前瞻性路线。会议的宗旨是加强青年科学家之间的合作; 建立研究团体(网络); 介绍青年科学工作者的研究成果和前景; 向与会者通报科学和教育发展的进一步机会。会议的工作方针包括研究俄罗斯和中国语言的保存和复兴, 在教育发展的现阶段学习母语和外语。 会议将特别关注跨学科的科学方向——通古斯研究, 这将有助于进一步整合研究, 加深通古斯研究中的学科领域——语言、社会文化、历史等。这是科学发展的一个重要任务, 科学的研究对象包括欧亚大陆东部的一个主要历史共同体——通古斯满洲。 会议计划委员会包括虚拟学生实验室“Arctic Lingua”教授(雅库茨克、布拉戈维申斯克、莫斯科、圣彼得堡)和阿穆尔州国立大学外语教研组实验语音研究实验室教授(布拉戈维申斯克)。 报名电子邮件地址morozova olga06@mail.ru报名截止到2025年1月10日。	В Десятилетие языков коренных народов мира, в Годы культуры России и Китая <i>посвященная 50-летию АМГУ</i> XII Международная конференция «Проблемы сохранения языков и культур народов России и Китая» (Северная конференция) (зимняя молодежная сессия) 17 января 2025 года ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО Оргкомитет конференции приглашает к активному участию молодых ученых (бакалавров, магистрантов, аспирантов) и их научных руководителей, ведущих исследования в области лингвистики и образования. Цель конференции: создание онлайн-пространства для презентации научных тематик и социализации молодых ученых в сфере лингвистики, построения перспективного маршрута будущей научной деятельности. В задачи конференции входит укрепление сотрудничества молодых ученых; формирование исследовательских сообществ (сетей); презентация результатов и гипотез молодежи, занимающихся наукой; информирование участников конференции о дальнейших возможностях научно-образовательного развития. Направления работы конференции включают исследования в сфере сохранения, развития и ревитализации языков России и Китая, обучения родным и иностранным языкам на современном этапе развития образования. Приветствуются доклады по разным языкам: индоевропейским, китайско-тибетским, уральским, тюркским, монгольским, тунгусо-маньчжурским, чукотско-камчатским и др. Особенное внимание в ходе конференции будет уделяться научному междисциплинарному направлению – тунгусоведению, что поспособствует дальнейшей интеграции исследований и углублению предметных областей внутри тунгусоведения – лингвистической, социокультурной, исторической и т.д. Это является важной задачей развития наук, включающих в объект своего изучения одну из основных исторических общностей Восточной Евразии – тунгусо-маньчжурскую. В Программный комитет конференции вошла профессура Виртуальной студенческой лаборатории «Arctic Lingua» (г. Якутск, г. Благовещенск, г. Москва, г. Санкт-Петербург) и Лаборатории экспериментально-фонетических исследований при кафедре иностранных языков Амурского государственного университета (г. Благовещенск). Заявки ждем на электронный адрес morozova olga06@mail.ru до 10 января 2025 года.

Речь Мо Шаохуа, председателя Научного общества ороочонов провинции Хэйлунцзян (КНР) на XII Международной конференции «Проблемы сохранения языков и культур народов России и Китая» (Северной конференции), 17.01.2025.

Китайский язык	Русский язык
尊敬的各位来宾、亲爱的同事们， 大家好！我是黑龙江省鄂伦春族研究会的会长莫少华。非常荣幸能够在此致辞，欢迎大家参加“保护中国和俄罗斯人民语言和文化的问题”国际会议。今天，我们聚集在这里，共同探讨一个极为重要的话题——语言和文化的保护与复兴。	Уважаемые гости и дорогие коллеги! Здравствуйте! От всей души приветствую всех участников конференции! Являясь председателем Научного общества ороочонов провинции Хэйлунцзян, я хотел бы поблагодарить за возможность выступить здесь и поприветствовать всех на международной конференции «Проблемы сохранения языка и культуры народов России и Китая». Сегодня мы собрались здесь, чтобы обсудить чрезвычайно важную тему – сохранение и возрождение языка и культуры.
在过去的岁月里，我们在鄂伦春族的语言保护方面做出了许多努力。我们不仅致力于保存鄂伦春族的语言，还积极推动相关的文化研究和教育活动。这些工作不仅帮助我们保护和传承了这一独特的语言体系，也增强了鄂伦春族文化的认同感与自豪感。	В последние годы мы приложили немало усилий для защиты ороочонского языка. Мы не только стремимся сохранить ороочонский язык, но и активно продвигаем соответствующие культурные исследования и образовательную деятельность. Эти усилия не только помогают нам защитить и передать будущим поколениям эту уникальную языковую систему, но также укрепляют культурную самобытность и гордость ороочонского народа!
今年，我们庆祝阿穆尔国立大学成立50周年，在这个特殊的时刻，我们更应该思考如何将语言与文化的传承融入到我们的教育和日常生活中。语言是文化的载体，是连接历史与未来的桥梁，只有通过对语言的保护与研究，我们才能真正理解和欣赏彼此的文化。	В этом году мы отмечаем 50-летие со дня основания Амурского государственного университета. В этот особенный момент нам следует задуматься о том, как интегрировать наследие языка и культуры в наше образование и повседневную жизнь. Язык – носитель культуры и мост, соединяющий прошлое и будущее. Только благодаря защите и исследованию языка мы можем по-настоящему понять и оценить культуру друг друга.
本次会议汇聚了来自中国和俄罗斯的众多年轻科学家，为我们提供了一个分享研究成果与交流思想的平台。我们希望年轻的学术力量能够为语言学的研究注入新的活力，为我们在语言和文化的交融中找到新的机遇。	Эта конференция объединяет многих молодых ученых из Китая и России, предоставляя нам платформу для обмена результатами исследований и обмена идеями. Мы надеемся, что молодые академические силы смогут вдохнуть новую жизнь в лингвистические исследования и найти для нас новые возможности на пересечении языка и культуры.
特别是在跨学科的学术研究中，通古斯研究将为我们提供更加全面的视角，帮助我们理解这一伟大历史共同体的文化底蕴。在这里，我们不仅要关注语言的保存，更要探索其背后的社会文化和历史关系，以推动我们在教育与科研道路上的前行。	Исследование тунгусских языков, особенно в междисциплинарном академическом поле, предоставит нам более полную картину и поможет нам понять культурное наследие нашего тунгусского сообщества с его великим историческим прошлым. Здесь мы должны не только обратить внимание на сохранение языка, но и изучить стоящие за ним социальные, культурные и исторические связи, чтобы способствовать нашему прогрессу на пути образования и научных исследований.
最后，我要感谢所有为本次会议付出努力的组织者和参与者。愿本次会议能够成为凝聚智慧与合作的契机，让我们共同努力，为中国和俄罗斯的语言文化传承贡献力量。谢谢大家！	Наконец, я хотел бы поблагодарить всех организаторов и участников, которые усердно работали, чтобы сделать эту конференцию возможной. Я надеюсь, что эта конференция станет возможностью объединить мудрость и сотрудничество и позволит нам работать вместе, чтобы внести вклад в наследие языка и культуры в Китае и России. Спасибо всем!

Речь Хэ Вэньжэня, сотрудника Центра молодежных обменов Большого Китая, Колледж WYH, Благотворительный фонд выпускников Китайский университет Гонконга (г. Нанкин, КНР), на XII Международной конференции «Проблемы сохранения языков и культур народов России и Китая» (Северной конференции), 17.01.2025.

Английский язык	Русский язык
Dear distinguished guests, colleagues, and scholars, Hello everyone! I am He Wenzhen, the director of the Youth Exchange Center of Greater China. It is a great honor for me to speak here and welcome all of you to the international conference on the theme of "Protecting the Languages and Cultures of the Russian and Chinese Peoples."	Уважаемые дорогие гости, коллеги и ученые! Здравствуйте! Я Хэ Вэньжэнь, директор Центра молодежных обменов Большого Китая. Для меня большая честь выступать здесь и приветствовать всех вас на международной конференции «Сохранение языков и культур России и Китая».
This moment is particularly significant as we celebrate the 50th anniversary of the Amur State University. Language and culture are the crystallizations of human wisdom and serve as carriers of our social and historical memory. In the context of globalization, we face numerous challenges regarding the disappearance of languages and cultures. Therefore, we must take active measures to protect and promote our languages and cultures. It is for this reason that my collaboration with Amur State University aims to promote broader communication and cooperation through the Journal of Language, Culture, and Education, contributing to language protection and cultural education.	Этот момент особенно знаменателен в связи с празднованием пятидесятилетия Амурского государственного университета. Язык и культура являются кристаллизацией человеческой мудрости и служат носителями нашей социальной и исторической памяти. В контексте глобализации мы сталкиваемся с многочисленными проблемами, связанными с исчезновением языков и культур. Поэтому мы должны принять активные меры по защите и развитию наших языков и культур. Именно по этой причине мое сотрудничество с Амурским государственным университетом направлено на содействие более широкому общению и сотрудничеству через журнал «Язык, культура и образование», способствуя защите языка и культурному образованию.
This conference brings together many young researchers and educators, and your participation will add immense vitality and creativity to our discussions. We will delve into topics related to language protection, educational development, and interdisciplinary research, with a special focus on the studies of the Tungusic languages. This is not only an important issue in academia but also our responsibility as educators and researchers. I encourage everyone to actively participate in discussions and share their research findings and insights. I hope today's conference will serve as a valuable opportunity for mutual learning and inspiration, contributing new ideas and solutions for the protection and development of languages and cultures.	Эта конференция объединяет многих молодых исследователей и преподавателей, и ваше участие придаст нашим дискуссиям большое развитие и творческий подход. Мы углубимся в темы, связанные с защитой языка, развитием образования и междисциплинарными исследованиями, уделяя особое внимание изучению тунгусских языков. Это не только важная проблема в академических кругах, но и наша ответственность как преподавателей и исследователей. Я приглашаю всех активно участвовать в дискуссиях и делиться результатами своих исследований и идеями. Я надеюсь, что сегодняшняя конференция послужит ценной возможностью для взаимного обучения и вдохновения, внесения новых идей и решений для защиты и развития языков и культур.
Finally, I would like to express my gratitude to all the organizers who have worked hard for this conference, as well as to each attendee present here. Let us look forward to this event opening a new chapter in language and cultural education! Thank you all!	Наконец, я хотел бы выразить благодарность всем организаторам, которые усердно работали над этой конференцией, а также каждому присутствующему здесь участнику. Будем с нетерпением ждать, когда это событие откроет новую главу в языковом и культурном образовании! Спасибо всем!

Библиографический список

1. Марченко В. В. Программа для анализа форм эвенкийских глаголов / Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ RU 2024686495, 08.11.2024. Заявка № 2024685410 от 28.10.2024.

Морозова Ольга Николаевна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
E-mail: morozova_olga06@mail.ru

СЮЖЕТЫ ОРОЧОНСКОГО ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА КИТАЯ

Olga N. Morozova
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
E-mail: morozova_olga06@mail.ru

PLOTS OF OROQEN FOLKLORE OF CHINA

Аннотация. В статье вводятся в научный оборот некоторые сюжеты песенного фольклора ороحوнов КНР. Образцы песен собраны в единый аудиоархив, хранящийся в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований Амурского государственного университета. Работа с архивом ведется не только по расшифровке песенных текстов и аннотаций к ним, но и сравнительному анализу с песенной традицией у эвенков РФ. Материал статьи будет интересен музыковедам, музыковедом, фольклористам, тунгусоведам, учителям, преподавателям и методистам, работающим над проектами по сохранению языков коренных народов мира.

Abstract. The article introduces into scientific circulation some subjects of the song folklore of the Orochons of the People's Republic of China. Samples of songs have been collected into a single audio archive, stored in the Laboratory of Experimental Phonetic Research of Amur State University. Work with the archive is carried out not only by deciphering song texts and notations for them, but also by comparative analysis with the song tradition of the Evenks of the Russian Federation. The material in the article will be of interest to musicologists, folklorists, Tungus scholars, teachers, instructors and methodologists working on projects to preserve the languages of the world's indigenous peoples.

Ключевые слова: исчезающие языки мира, орочонский, эвенкийский, фольклор, вокальная речь.

Keywords: Endangered languages, Oroqen, Evenki, folklore, vocal speech.

Данная статья знакомит читателя с некоторыми сюжетами песенного дискурса орочонского фольклора. Материалом для исследования явились аудиозаписи пения ороحوнов Верхнего Приамурья Китая. Аудиоархив тунгусского песенного фольклора формировался в течение двух лет проведения Международной олимпиады «ТУРЭН» (2024–2025). Народное пение ороحوнов Китая записывалось в акустической камере кафедры иностранных языков Амурского гос-

ударственного университета. Огромный вклад в сохранение песенного фольклора на родном языке внесли исполнители Нэй Шумэй, 1945 г. рожд., 5 песен; Мо Гуйжу, 1947 г. рожд., 3 песни; Мо Инчун, 1965 г. рожд., 3 песни, Гуань Цзиньфан, 1957 г. рожд., 3 песни. В ходе описания в статье их пение будет сравниваться с песенной культурой эвенков РФ (Абрамова Галина Андреевна, 4 песни; Сафронова Татьяна Николаевна, 1934 г. рожд., 1 отрывок из эпоса). Характеристики, в том числе сюжеты и их лексическое наполнение, песенного эвенкийского и ороchonского фольклора изучаются в рамках научного гранта Амурского государственного университета 2024–2025 (руководитель – О. Н. Морозова).

Песенные тексты в исполнении Гуань Цзиньфан (кумарченский говор, север провинции Хэйлунцзян, ороchonская деревня Баина) повествуют об орочонах-охотниках горной тайги, кочующих на отрогах Большого Хингана. Этот мужественный и мудрый тунгусский народ, проживающий в суровых климатических условиях высокогорья с резкими температурными перепадами, умеющий передвигаться на заболоченных пространствах высокотравья хинганского межгорья. Орочоны привыкли к экстремальному холоду, кочевью, аскетизму, опасности дикой природы и знают цену честности и братству, свято чтут традиции взаимовыручки и взаимопомощи в условиях долгой суровой зимы.

Гуань Цзиньфан в песне «Мой дом – горы Большого Хингана» рассказывает о самобытности образа жизни ороchonских охотников Большого Хингана, которые едят, главным образом, мясо диких животных, одеваются в их шкуры и живут охотой. Они рождены, чтобы охранять священные отроги Большого Хингана, объезжая на лошадях дозором бесконечные заснеженные пространства холодной длинной зимой. Ороchonские охотники широко известны во всем мире. Они поют и кочуют, вдохновляясь жизнью рядом с дикими оленями. Но они также верные сыны своей родины, многие отдали жизнь, защищая родной край от японских захватчиков во Второй мировой войне. Песня льется широко и свободно, начинаясь с длинного призыва (*на-йе-на-йе-на-и-йе*), полная глубокой любви к родному краю.

Песня-юмореска «Луна» исполняется Гуань Цзиньфан в быстром темпе, создавая легкую, оживленную и жизнерадостную атмосферу. Исполнительница сравнивает ее с острым носом лодки, как будто в облаках хозяйка Луны управляет своим лунным кораблем в лунном царстве Вселенной. Острые нос и корма лунной лодки сделаны из поблескивающего серебра, плавая в белых облаках хинганской ночи. Мелодия песни складывается в веселый, легкий танец. Сама Гуань Цзиньфан описывает сюжет этой песенки так: «Перед глазами – луна, под луной – река, на реке – ветер. Дети смотрят на звезды, сверкающие в небе в лунном свете, смотрят на облака, плавающие под луной, и на луну, отражаю-

щуюся в реке». После окончания этой оптимистичной юморески еще долго остается чувство радости бытия, вызывая у слушателя воспоминания детского восторга от ночной красоты мироздания.

При прослушивании песни «Охотник», мы узнаем, что дикий олень, основной источник пищи кочевников, считается священным животным. Охота на него непроста. Он быстр, горд, с достоинством и высоко носит свои рога. Но охотник-орочон – ловкий и смекалистый, его быстрая стрела достигнет своей цели. Мелодия песни незамысловатая, поется очень громко, сильно, импульсивно. Намеренная сила исполнения данной охотничьей песни передает мужество горных кочевников, испытанных трудной жизнью, холодом и снегом, преодолевающих, охотясь, горные перевалы.

Во всех вышеописанных текстах орочонских песен имеются запевы, которые, как известно, являются отличительной характеристикой тунгусской песенной культуры и у нас в России. Так, А. Н. Варламов отмечает символизм в знаковой системе запевов эвенкийских нимѳаканов [1]. Слова запевов эпоса, маркирующие начало и конец прямой речи, портретизируют (лингвистически и социально) исполнителя песенного фольклора. Благодаря отсутствию нормативного языкового стандарта певцы орочонских песен исполняют их на собственных диалектах и говорах, переданных родителями в устной форме. Каждый орочонский род имеет свой запев.

Необходимо подчеркнуть, что песенная картина лево- и правобережья Верхнего Приамурья асимметрична. К сожалению, культура народного пения верхнеамурских эвенков почти утеряна, она сохраняется в исполнении не более 10 эвенкийских бабушек Бомнака, Селемджи и Усть-Нюкжи Амурской области. Чего нельзя сказать о культе народной песни у орочонов Китая. Возможно, такое почитание и сохранение песенной традиции у орочонов связано с сохранностью обрядовой свадебной сферы, где песенное сопровождение свадебных обрядов было обязательным. Ритуал свадьбы обязывает встречать брачующихся песней (по нашему опыту, встреча песней гостей также имеет место всегда, например, в орочонской деревне Синьшэн городского округа Хэйхэ, провинция Хэйлуцзян, КНР). Песенный фольклор звучит и при проведении свадебной церемонии вокруг костра, где для создания свадебной атмосферы веселья гости (родственники и друзья жениха и невесты) поют антифоном (хоровое пение, в котором попеременно звучат два хора). Антифоны, которые поют на орочонских свадьбах, отличаются юмором и богатством содержания. Гости, держась за руки, танцуют вокруг костра танец «Ханьбэй» и соревнуются в песнях. Звуки песенных мелодий звучат до темноты, создавая атмосферу бесконечного свадебного обряда.

Кроме того, сохранению песенного народного фольклора способствует школьное обучение ороchonскому языку и культуре, которое включает в себя активное усвоение бесписьменного ороchonского языка через песни. Многие из профессиональных ороchonских певиц и певцов, заканчивая свою профессиональную карьеру, идут в школы и начинают учить ороchonской народной музыке педагогический персонал и школьников. Так, народная ороchonская певица Цю Юнь (г. Алихэ, Ороchonский автономный хошун), в репертуаре которой большое количество ороchonских народных песен (более 60), выйдя на пенсию в 2014 г., преподает народную музыку обычным школьникам с обычными вокальными данными. Народная ороchonская песня стала призванием ее жизни, когда в 1972 г. Цю Юнь начала работать в «Красной культурной бригаде», широко известном ансамбле, который был создан в 1957 г. во Внутренней Монголии с целью культурного просвещения населения Северо-Востока Китая. В задачи ансамбля входили поездки по горным отрогам Хингана и степным районам Внутренней Монголии, в районы компактного проживания национальных меньшинств (скотоводов, крестьян, кочевников). В течение 40 лет Цю Юнь вела постоянные изыскания, ей принадлежит заслуга по спасению песенного народного творчества ороchonов от полного исчезновения [2].

По мнению Гао Хэдзе, вся жизнь ороchonов пропитана пением. Он пишет, что когда бы они ни захотели, при первом же желании они поют: будь то болтовня, шутки, воспоминания о старых временах, даже критика в адрес друг друга, посиделки за столом и любые другие события жизни. Содержание и лексика каждой песни будут различаться, но, несмотря на эти отличия, ороchonские песни легко запоминаются и воспринимаются на слух. В нашем аудиоархиве ороchonских песен одни и те же композиции исполняются разными людьми, — например, песни «Охотник», «Мой дом – Большой Хинган». Нельзя сказать, что исполнение этих песен идентичное, песни различаются разными запевками, они по-разному звучат фонетически у представителей разных говоров (кумарчен, бирарчен, алихэйцы). Исполнительские приемы у исполнителей тоже различаются: применяется различная вокальная мелизматика и тембры: форшлаги, морденты, глиссандирование, штробасс, крещендо. В оценке песенного творчества своего народа у ороchonов проявляется субъективизм, противоречие и непоследовательность. В один момент они скажут, что «каждое наше исполнение одной и той же песни будет новым», но затем они заявляют, что «все песни поются одинаково, сколько бы они ни пелись». Такая оценка приводит исследователя ороchonских песен в изумление, вызывая желание глубже проникнуть в мастерство тунгусского песнопения [3].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Сюжеты песенного дискурса ороchonского фольклора складываются вокруг поэтических текстов о любви к родному краю, кочевью, воспеванию храбрости и мужества северных охотников, привязанности к традиционному образу жизни, семье и родному очагу.

2. Песенному ороchonскому фольклору присущи как эпические сюжеты, проникнутые величием, мужеством, героизмом, так и юморески, песни шуточного характера.

3. В текстах ороchonских песен имеются запевы, маркирующие начало и конец произведения и портретирующие исполнителя, указывая на его говор и принадлежность к определенному ороchonскому клану (роду).

4. Песенная картина лево- и правобережья Верхнего Приамурья РФ и КНР асимметрична. Культура народного пения верхнеамурских эвенков почти утеряна. У ороchonов КНР зафиксирован культ народной песни, который сохранился благодаря востребованности народного пения в образовании (обучение родному языку и культуре); в культуре проведения народных праздников, свадебных обрядов, торжественных приемов высоких гостей; в туристической отрасли (гостеприимство в ходе встречи туристов).

Библиографический список

1. Варламов А. Н. Культурный код в эпической традиции эвенков: знаковая система запевов нимнгакана / Язык и культура: текст и контекст (междисциплинарные исследования). – Якутск : Изд-во ИГиИПМНС СО РАН, 2023. – С. 81–103.

2. Народная ороchonская певица Цю Юнь / Режим доступа: <https://ru.tingroom.com/yuedu/zgbkeyb/19932.html> (дата обращения: 30.01.2025).

3. 高贺杰 《森林的回声：关于鄂伦春人歌唱的音乐民族志》，重庆：西南大学出版社，2022年，288 高 Хэцзе «Эхо леса: музыкальная этнография народного пения ороchonов». – Чунцин : Southwest University Press, 2022, 288 с.

Петров Александр Александрович

Институт народов Севера, Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: petrovalexspb@mail.ru

**ИЗВЕСТНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЭВЕНКИЙСКОГО ЯЗЫКА
И ПЕДАГОГ (К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Е. Ф. АФАНАСЬЕВОЙ)**

Alexander A. Petrov

Institute of Northern Peoples, Herzen State Pedagogical University of Russia
St. Petersburg, Russian Federation

E-mail: petrovalexspb@mail.ru

**FAMOUS RESEARCHER OF THE EVENKI LANGUAGE AND TEACHER
(TO THE 70TH ANNIVERSARY
OF THE BIRTH OF ELIZAVETA F. AFANASYEVA)**

Аннотация. Статья посвящена юбилею известного тунгусоведа – Елизавете Федоровне Афанасьевой, эвенкийке Бурятии, которая посвятила свою научную и педагогическую деятельность родному языку и культуре. Известный ученый-исследователь, педагог, редактор, организатор науки и общественный деятель, она опубликовала более 150 научных и учебно-методических работ по проблемам фонологии и фонетики, графики и орфографии эвенкийского языка, сравнительной фонологии эвенкийского и бурятского языков, проблемам истории и культуры эвенкийского народа. Друзья, коллеги, выпускники благодарны дорогой Елизавете Федоровне за преданность эвенкийскому народу и неоценимый вклад в тунгусоведение.

Abstract. The article is dedicated to the anniversary of the famous Tungus scholar, Elizaveta Fedorovna Afanasyeva, an Evenki woman from Buryatia, who devoted her scientific and pedagogical activities to her native language and culture. The famous research scientist, teacher, editor, science organizer and public figure has published more than 150 scientific and educational works on problems of phonology and phonetics, graphics and spelling of the Evenki language, comparative phonology of the Evenki and Buryat languages, problems of history and culture of the Evenki people. Friends, colleagues, graduates are grateful to dear Elizaveta Fedorovna for her dedication to the Evenki people and her invaluable contribution to Tungus studies.

Ключевые слова: исчезающие языки мира, эвенкийский, Елизавета Федоровна Афанасьева, известные тунгусоведы.

Keywords: Endangered languages, Evenki, Elizaveta Fedorovna Afanasyeva, famous Tungus scholars.

Эвенки (тунгусы) – коренной малочисленный народ Севера, Сибири и Дальнего Востока, ареал расселения которого весьма обширен: от Уральских гор на западе России до Сахалина на востоке; Анабара и Таймыра на севере до Амура и Южной Якутии на юге, в том числе и в Китайской Народной Республике. После ненцев их численность – на втором месте в Российской Федерации среди малочисленных народов Севера. Эвенки известны как прекрасные охотники и оленеводы, следопыты и проводники, создатели уникальной кочевой материальной и духовной культуры этноса. В России и Якутии многие знают имена известных эвенков: доктора исторических наук, профессора В. Н. Увачана; лауреата государственной премии РФ в области науки и техни-

ки, кандидата филологических наук, А. Н. Мырееву; кандидата филологических наук, ведущего научного сотрудника Института лингвистических исследований РАН Н. Я. Булатову; доктора медицинских наук П. Н. Бушкова; писателей Ачитета Немтушкина, Галину Кэптукэ (Варламову) и др.

Среди этой славной когорты особое место принадлежит Афанасьевой Елизавете Федоровне, эвенкийке из Бурятии, кандидату филологических наук, доценту Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова.

Е. Ф. Афанасьева родилась 17 октября 1954 г. В 1977 г. окончила отделение народов Севера ЛГПИ им. А. И. Герцена по специальности «Русский язык и литература, языки и литература народов Севера» с присвоением квалификации «Учитель русского языка и литературы, эвенкийского языка и литературы народов Крайнего Севера средней школы». После окончания института работала учителем в средней образовательной школе, корреспондентом в районной газете. С 1991 г. работает в Бурятском государственном университете преподавателем эвенкийского языка и литературы.

В 2000 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме «Сравнительно-типологическая фонология бурятского и эвенкийского языков» и получила научную степень кандидата филологических наук. С 2004 г. имеет ученое звание доцента. С 2009 г. по 2016 г. являлась заведующей кафедрой языков коренных народов Сибири БГУ. В настоящее время работает доцентом кафедры бурятской и эвенкийской филологии.

Ведет теоретические и практические курсы по эвенкийскому языку и литературе, этнолингвистике, методике преподавания эвенкийского языка и литературы. За период с 1991 г. ею сделано 27 выпусков молодых специалистов высшей квалификации. В настоящее время выпускники, окончившие университет по специальности «Эвенкийский язык и литература», работают учителями эвенкийского и русского языков в школах Республики Бурятия и Республики Саха (Якутия), севера Забайкальского края, Иркутской и Амурской областей, Эвенкийского муниципального района Красноярского края.

Е. Ф. Афанасьева является научным руководителем дипломных работ бакалавров и магистров, а также диссертаций аспирантов. Под ее руководством в 2016 г. Н. Ю. Мальчакитова (Ушницкая) защитила кандидатскую диссертацию по теме «Базовые лингвокультурные концепты в языковой картине мира эвенков и русских». Два аспиранта получили дипломы преподавателей-исследователей.

Елизавета Федоровна – организатор межрегиональных мероприятий для учителей эвенкийского языка и литературы общеобразовательных учреждений, педагогов дополнительного образования, для школьников, изучающих эвенкийский язык в школах, учреждений ДО, для студентов, обучающихся в вузах

РФ по направлениям подготовки «Филология» (Родной (эвенкийский) язык и литература, русский язык). «Педагогическое образование» с двумя профилями (Родной (эвенкийский) язык и литература, русский язык). Она организовала плодотворное научное и учебно-методическое сотрудничество БГУ им. Д. Банзарова с коллегами и студентами кафедры северной филологии СВФУ им. М. К. Аммосова (Якутск), Института народов Севера РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), отделом северной филологии ИГиИ-ПМНС СО РАН (Якутск), Амурским государственным университетом (Благовещенск) и др.

Афанасьева Е. Ф. – автор более 150 научных и учебно-методических работ по проблемам фонологии и фонетики, графики и орфографии эвенкийского языка, сравнительной фонологии эвенкийского и бурятского языков, проблемам истории и культуры эвенкийского народа. Созданные ею учебно-методические работы предназначены для студентов, обучающихся по направлению «Филология», специальности «Эвенкийский язык и литература». Под ее руководством и при ее участии системно описан и лексикографически репрезентирован говор баргузинских эвенков [1]. В 2023 г. издана энциклопедия «Эвенки Бурятии», составителем которого является наш юбиляр [2].

Е. Ф. Афанасьева – ответственный редактор межрегиональных сборников научных статей: «Тунгусо-маньчжурские этносы в новом столетии», «Теоретические и методологические вопросы изучения языка и культуры малочисленных народов» и др. Она проводит большую редакторскую работу, являясь членом редакционных коллегий научных рецензируемых журналов «Алтаистика», «Бурятский язык и литература в школе»; серии «Алтаистика» журнала ВАК «Вестник СВФУ им. М. К. Аммосова».

Накопленным богатым учебно-методическим опытом за многолетнюю педагогическую деятельность в стенах Бурятского государственного университета она щедро делится с коллегами, учителями, работниками органом образования республики и регионов РФ.

Е. Ф. Афанасьеву отличают такие личные качества как исключительная работоспособность, ответственное отношение к делу, доброта, мудрость, забота о близких. Ей свойственна преданность коллегам и верность друзьям. Как старший товарищ, она всегда готова помочь своим профессиональным и житейским опытом коллегам.

Я лично знаю Елизавету Федоровну почти пятьдесят лет. Познакомился с ней еще будучи студентом, в 1975 г. С тех пор мы очень подружились, много лет сотрудничаем на научной стезе в области тунгусо-маньчжуроведения и в учебно-

методической деятельности ведущих вузов России. Она – настоящий друг, верный старший товарищ, замечательный коллега.

За эти годы Елизавета Федоровна зарекомендовала себя как вдумчивый ученый-исследователь, чуткий педагог и опытный методист, добрый наставник студентов, бакалавров, магистров, аспирантов. Многие северяне России согласятся с тем, что невозможно не любить эту образованную, скромную, добрую, талантливую женщину – настоящую эвенкийку.

За многолетний добросовестный труд Е. Ф. Афанасьева удостоена высоких наград и званий: почетный работник Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова; заслуженный работник образования Республики Бурятия, почетный работник высшего профессионального образования РФ, ветеран сферы воспитания и образования РФ.

В дни славного юбилея желаем дорогой и уважаемой Елизавете Федоровне доброго здоровья, дальнейших успехов в творческой работе и счастья!

Основные труды Е. Ф. Афанасьевой

Учебные пособия, хрестоматии, словари:

1. Фонология и фонетика эвенкийского языка. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2010.
2. Эвенкийская диалектология. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2010.
3. Современный эвенкийский язык. Графика. Орфография. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2013.
4. Эвенкийская литература. Учебная хрестоматия для студентов вузов. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2014.
5. Введение в тунгусо-маньчжуроведение. – Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2016. – 72 с.
6. Афанасьева Е. Ф., Певнов А. М. Чжурчжэньский язык: учебное пособие для студентов вузов. – Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2017. – 136 с.
7. Эвенкийско-русский тематический словарь. – СПб : Изд-во «Дрофа», 2004.
8. Орфографический словарь эвенкийского языка. – СПб : Изд-во «Дрофа», 2007.
9. Юктэ: Сб. загадок, пословиц, поговорок, приметы, считалки (на эвенкийском и русском языках). – Улан-Удэ : Бэлиг, 2017.
10. Эхо тайги: эвенкийская литература: Учебник-хрестоматия для учащихся 5–9 классов и Методические рекомендации к учебнику-хрестоматии «Эхо тайги» по эвенкийской литературе для 5–9 кл. – Улан-Удэ : Бэлиг, 2012.
11. Из глубины веков... Путешественники и исследователи об эвенках: Хрестоматия. – Улан-Удэ : Бэлиг, 2009.
12. Тунгусоведы: исследователи языка, фольклора, истории и этнокультуры эвенков: Учебник-хрестоматия к элективному курсу и методические рекомендации к элективному курсу. – Улан-Удэ : Бэлиг, 2015.
13. Эвенки: язык, фольклор, литература, этнография: Библиографический указатель» / составитель Е. Ф. Афанасьева. – Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2006. – 224 с.

Редактирование эвенкийской части словарей Е. Ф. Афанасьевой

1. Топонимический словарь Амурской области / Мельников А. В., Сутурин Е. В., Быкова Г. В., Афанасьева Е. Ф., Подмарёв П. Ю. – Благовещенск : ИГиП ДВО РАН, 2021. – 340 с.
2. Dictionary of the Amur Region Place Names. / Kalinina E. L., Galuza O. YU., Bykova G. V., Afanasyeva E. F., Melnikov A. V., Suturin E. V. – Благовещенск : Изд-во Благовещенского гос. пед. ун-та, 2022.
3. Словарь географических названий Белогорского района (муниципального округа) Амурской области / Ладисова О. В., Быкова Г. В., Мельников А. В., Сутурин Е. В., Афанасьева Е. Ф. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2023.

Литература о Е. Ф. Афанасьевой

1. Хамгушкеева М. Достояна похвалы и внимания // Буряад Унэн. Духэриг (Правда Бурятии). – 2002.
2. Ученые Национально-гуманитарного института Бурятского государственного университета. – Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2003. – С. 59–61.
3. Огрызко В. В. Североведы России: Материалы к биографическому словарю. – М. : Литературная Россия, 2007. – С. 42.
4. Идти по жизни с добрыми делами // Учитель, именем твоим...: Лучшие педагоги Бурятии-2011. – Т. 2. – С. 24.
5. Ученые: Е. Ф. Афанасьева // Эвенки Бурятии. – Улан-Удэ : Изд-во «НоваПринт», 2016. – С. 102.
6. Афанасьева Е. Ф., Петров А. А., Фудзисиро С. Ученые, писатели, художники из числа народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (биобиблиографический справочник) / Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Институт народов Севера Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Институт языков и культур народов Северо-Востока РФ, Consortium for the Studies of Eurasian Languages, JAPAN. – Санкт-Петербург : Кобэ, 2022.

Библиографический список

1. Афанасьева Е. Ф., Берелтуева Д. М., Берельтуева М. Е., Степанова Е. С. Словарь баргузинского говора эвенкийского языка. Баргуган эвэнкил турэруктын». – Улан-Удэ, 2022. – 408 с.
2. Эвенки Бурятии / сост. Е. Ф. Афанасьева. – Белгород : Константа, 2023. – 136 с.

Процукович Елена Александровна✉, Иванашко Юлия Петровна

Амурский государственный университет

г. Благовещенск, Российская Федерация

E-mail: amursea@mail.ru

МЕТОДИКА «ЯЗЫКОВОЕ ГНЕЗДО» КАК СПОСОБ РЕВИТАЛИЗАЦИИ ИСЧЕЗАЮЩИХ ЯЗЫКОВ

Elena A. Protsukovich✉, Yulia P. Ivanashko

Amur State University

Blagoveshchensk, Russian Federation

E-mail: amursea@mail.ru

THE "LANGUAGE NEST" TECHNIQUE AS A METHOD OF ENDANGERED LANGUAGES REVITALIZING

Аннотация. Методика «Языковое гнездо», основанная на идее передачи этнического языка от представителей старшего поколения этноса детям младшего возраста, сегодня является одним из наиболее эффективных способов сохранения языкового разнообразия России. Целевой аудиторией методики являются дети дошкольного возраста, общение с которыми в языковом гнезде ведется исключительно на этническом языке. Базовым принципом деятельности языкового гнезда является передача этнического языка между поколениями. Преимуществами методики «Языковое гнездо» являются возможность усвоения этнического языка в естественной развивающей среде, независимо от начального уровня детей, а также активное вовлечение семьи в процесс передачи ребенку находящегося под угрозой исчезновения языка.

Abstract. "The Language Nest" method, based on the idea of transmitting an ethnic language from representatives of the older generation of an ethnic group to younger children, is today one of the most effective ways to preserve the linguistic diversity of Russia. The target audience of the method are preschool children, with whom communication in the language nest is conducted exclusively in the ethnic language. The basic principle of the language nest is the transmission of the ethnic language between generations. The advantages of "the "Language Nest" method are the ability to learn an ethnic language in a natural developmental environment regardless of the initial level of children, as well as the active involvement of the family in the process of transmitting an endangered language to a child.

Ключевые слова: языковое разнообразие, исчезновение языков, эвенкийский язык, программы сохранения языков малочисленных коренных народов, методики ревитализации исчезающих языков, методика «Языковое гнездо».

Keywords: linguistic diversity, disappearance of languages, Evenki language, programs for preserving small indigenous peoples' languages, methods for revitalizing endangered languages, "the "Language Nest" technique.

Действующая на территории России национальная Программа по сохранению языкового разнообразия основана на идее передачи этнического языка от представителей старшего поколения этноса детям младшего дошкольного возраста. Ключевым условием реализации национальной Программы является раннее освоение этнического языка детьми и, соответственно, перспектива выживания данных языков [4]. Безусловная необходимость сохранения языкового разнообразия России обуславливает появление разнообразных методик и техник передачи языков от компетентных носителей представителям младшего поколения этноса [6].

В настоящее время признанным во всем мире эффективным способом ревитализации языков, находящихся на грани исчезновения, является методика «Языковое гнездо». В литературе можно найти различные определения данному понятию. Так, авторы работы «Как и зачем сохранять языки России?» К. Замятин, А. Пасанен, Я. Саарикиви понимают под языковым гнездом детский сад или группу в детском саду, функционирующие исключительно на этническом языке. Предполагается, что дети приходят в языковое гнездо без знания национального языка, но поскольку воспитатели с первой минуты общаются с воспитанниками исключительно на родном языке, языковое гнездо представляет собой полное погружение в этнический язык в раннем дошкольном возрасте [3].

Известный методист, руководитель финно-угорского проекта «Языковое гнездо» общества «Финляндия-Россия» Анника Панасен языковым гнездом считает «заведение дневного ухода за детьми дошкольного возраста, принадлежащими к языковым меньшинствам. Этнический язык, находящийся на грани исчезновения, преподают детям посредством общения с ними только на данном языке, даже если они сначала его не понимают» [8]. Данный подход, по наблюдениям автора, основан на полном погружении в национальный язык, поскольку и воспитатели, и весь обслуживающий персонал образовательного учреждения ведут общение с детьми только на языке этноса, тем самым осуществляя его передачу от поколения к поколению.

Схожее определение представлено в статье «Описание образовательной технологии «Языковое гнездо» для возможного использования в работе, разработки собственных рабочих программ дошкольных образовательных организаций», авторы которой рассматривают языковое гнездо как образовательное учреждение для детей дошкольного возраста (это может быть детский сад или

отдельная группа в нем), в котором весь персонал, включая воспитателей и обслуживавший персонал, осуществляет коммуникацию с воспитанниками на языке «на котором дети не разговаривают дома, в семье, который почти не звучит в окружении, но который, тем не менее, принадлежит к историческому наследию одного из ... народов» [7].

Координатор проекта «Дом карельского языка» Карельской региональной общественной организации Н. Антонова языковое гнездо понимает как детский сад, группу детей дошкольного возраста при обычном детском саде, где образовательный коллектив общается с детьми во всех ситуациях на языке «который до определенного времени был основным языком коренного населения региона, а в современности находится в уязвимом состоянии по отношению к доминирующему языку, но который в местном сообществе хотят оживить» [2]. В работе «АВЃ. Шаг навстречу» Н. Антонова уточняет, что языковое гнездо является способом «возвращения, оживления исчезающего языка в местном сообществе. Это одновременно созданные среда, технология обучения и эффективный метод влияния в целом на общество» [1].

Анализ приведенных выше дефиниций позволяет выявить основные характеристики языкового гнезда. К ним относятся:

1. Целевой аудиторией языкового гнезда являются дети дошкольного возраста.
2. Общение с воспитанниками языкового гнезда во всех ситуациях осуществляется исключительно на языке национального меньшинства.
3. Основным принципом деятельности языкового гнезда является передача этнического языка между поколениями.

В настоящей работе под языковым гнездом мы понимаем детский сад, общение в котором осуществляется путем полного погружения в этнический язык с целью передачи языка последующим поколениям.

В ситуации угрозы массового исчезновения языков коренных малочисленных народов языковое гнездо по праву считается признанным эффективным способом ревитализации языков. Данный способ представляет собой процесс передачи этнического языка детям дошкольного возраста, осуществляемый по принципу раннего языкового погружения. Дети, владеющие преимущественно языком национального большинства, с первых минут пребывания в языковом гнезде слышат исключительно речь на языке нацменьшинства.

Весь персонал языкового гнезда, включая воспитателей и образовательный коллектив, постоянно общаются с детьми и между собой только на возрождаемом языке, не переводя на доминирующий язык ничего из сказанного. Для достижения целей обучения необходимо, чтобы сотрудники языкового гнезда на самом деле использовали в речи исключительно этнический язык.

Перевод сказанного на язык большинства абсолютно неправомерен, даже с целью облегчения восприятия детьми информации. Напротив, перевод на доминирующий язык затормаживает овладение языком – дети не пытаются понимать сказанное на этническом языке и ждут перевода данной информации. Для более четкого понимания сказанного на языке нацменьшинства воспитатели должны говорить медленно, четко артикулируя и используя жесты. Как дополнительный материал, облегчающий восприятие, можно использовать различного рода наглядность – схемы, таблицы, картинки. В таких условиях воспитанники привыкают слышать речь на этническом языке, начинают его понимать и со временем использовать его самостоятельно в различных ситуациях общения.

Известно, что языковые возможности ребенка практически безграничны, его восприимчивость к новому материалу, в данном случае – языку – является очень высокой и гибкой. Поэтому ребенок, регулярно посещающий группу языкового гнезда, уже через несколько месяцев и даже недель начинает понимать основную информацию, которую он слышит.

Безусловно, дети, посещающие языковое гнездо, не будут ограничены исключительно рамками использования этнического языка – язык нацбольшинства дети обязательно услышат на улице, на прогулке или в семье, если их родители не владеют языком этноса. Однако внутри группы вся коммуникация между воспитателями и воспитанниками должна осуществляться только на этническом языке.

Разумеется, детей невозможно принудить к использованию этнического языка, первое время они будут общаться на языке большинства и лишь с течением времени, освоив достаточный пассивный и активный языковой запас, они смогут использовать в своей речи язык национального меньшинства. Изначально дети в языковом гнезде должны понимать, что их воспитатели понимают все ими сказанное и что они, дети, имеют право говорить на языке национального большинства. Языковое гнездо не лишает детей первого языка, но дает им еще один язык.

Важно также понимать, что при всей безграничности возможностей детей к овладению языком различия в темпе его усвоения детьми могут быть существенными. Некоторые дети достаточно быстро начинают употреблять слова и фразы на этническом языке и уже через пару месяцев умеют формировать на нем полные конструкции. Для других детей построение предложений на этническом языке может оставаться проблемой на протяжении года или более. Основная масса детей, посещающих языковое гнездо, расположена примерно посередине между двумя указанными полюсами, поэтому и воспитателям групп, и родителям важно понимать, что их упорство и терпение обязательно приведут к

успеху: все воспитанники языкового гнезда рано или поздно начнут общение на этническом языке.

При грамотной организации образовательного процесса в местах проживания коренных народов дети, посещающие языковое гнездо и получившие навыки общения на родном языке, с переходом на школьный этап обучения продолжают изучать хотя бы часть предметов на национальном языке, что позволяет развивать полученные ребенком на предыдущем этапе знания. Важным представляется и популяризация функций языка национального меньшинства – необходимо, чтобы, наряду с усилиями сотрудников языкового гнезда по возрождению языков, к этому процессу подключались члены семей. Известно, что даже самое эффективно организованное гнездо не способно заменить функции родителей, бабушек и дедушек, как представителей старших поколений, передающих язык и культуру этноса детям и молодежи.

Очевидными преимуществами методики усвоения этнического языка посредством языковых гнезд являются следующие: возможность усваивать необходимый материал в естественной развивающей среде; этнический язык является не объектом изучения, а средством общения и познания культуры и традиций этноса; высокая эффективность обучения независимо от начального уровня детей; быстрое запоминание лексических единиц, разговорных фраз, устойчивых выражений изучаемого языка благодаря полному погружению в языковую среду; возможность межпоколенной передачи этнического языка в условиях невозможности усвоения этого языка в семье; активное вовлечение семьи и сообщества в процесс передачи ребенку находящегося под угрозой исчезновения языка.

Нельзя, однако, не отметить, что для эффективной реализации методики языкового гнезда требуются всесторонняя государственная поддержка проектов ревитализации исчезающих языков коренных народов, а также высококвалифицированные специалисты – педагоги и методисты, способные максимально качественно и эффективно организовать работу по обучению детей родному языку [5].

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Методика «Языковое гнездо» сегодня является признанным во всем мире эффективным способом ревитализации языков, находящихся на грани исчезновения. В настоящей работе под языковым гнездом мы понимаем детский сад, общение в котором осуществляется путем полного погружения в этнический язык с целью передачи языка последующим поколениям.

2. Основными характеристиками методики являются следующие: 1) целевой аудиторией являются дети дошкольного возраста; 2) общение в языковом гнез-

де ведется исключительно на этническом языке; 3) базовым принципом деятельности языкового гнезда является передача этнического языка между поколениями.

3. Преимуществами методики усвоения этнического языка посредством языковых гнезд являются: возможность усваивать необходимый материал в естественной развивающей среде; высокая эффективность обучения независимо от начального уровня детей; активное вовлечение семьи и сообщества в процесс передачи ребенку находящегося под угрозой исчезновения языка.

4. Образовательная методика «Языковое гнездо» имеет доказанную эффективность достижения целей обучения и передачи этнического языка последующим поколениям и направлена на соблюдение образовательных прав ребёнка.

Библиографический список

1. Антонова Н. АВС. Шаг навстречу : практическое пособие о том, как научить ребенка карельскому языку / Наталья Антонова ; художник Илья Падчин ; Карельская региональная общественная организация «Дом карельского языка» (Республика Карелия, Россия), Карельское просветительское общество (Финляндия). – Петрозаводск : [б. и.] ; СПб. : Первый Издательско-Полиграфический холдинг, 2020. – С. 107.
2. Антонова Н. Языковое гнездо. Как оживить карельский язык [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ug.ru/archive/76612> (дата обращения: 17.12.2024).
3. Замятин К. Как и зачем сохранять языки народов России? / Константин Замятин, Анника Пасанен, Янне Саарикиви [отв. ред. Янне Саарикиви ; пер. фин. части рукоп. Натальи Кузнецовой]. – Хельсинки : [б. и.], 2012. Vammala : Vammalan kirjapainooy. – 180 с.
4. Кибрик А. А. Сохранение языкового разнообразия России: контуры программы // Социолингвистика. – 2020. – № 1(1). – С. 17–28.
5. Процукович Е. А., Иванашко Ю. П. Реализация методики «Языковое гнездо» в условиях дошкольного образования: методический аспект // Обучение иностранному языку студентов высших и средних образовательных учреждений на современном этапе. Проблемы сохранения языков и культур народов России и Китая: материалы XI Всерос. нац. науч.-метод. видеоконф. (с междунар. участием) и материалы IX Междунар. науч.-практ. конф., осенняя и зимняя сессии. – Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2023. – С. 230–235.
6. Процукович Е. А., Иванашко Ю. П. Методики ревитализации исчезающих языков // Обучение иностранному языку студентов высших и средних образовательных учреждений на современном этапе. Проблемы сохранения языков и культур народов России и Китая (Северная конференция): материалы XII Всерос. нац. науч.-метод. видеоконф. (с междунар. участием) и материалы X Междунар. науч.-практ. конф., зимняя сессия. – Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2024. – С. 266–275.
7. Структура экспериментальной образовательной технологии «языковое гнездо» [Электронный ресурс]. – URL: <https://vk.com/doc-141330803> (дата обращения 17.12.2024).
8. Pasanen A. Kielipesä ja revitalisaatio : Karjalaisten ja inarinsaamelaiten kielipesätoiminta [Электронный ресурс]. – URL: <https://helda.helsinki.fi/handle/10138/19690> (дата обращения: 18.12.2024).

Рудницкая Елена Леонидовна
Институт востоковедения Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: erudnitskaya@gmail.com

ФУНКЦИЯ ПЕРФЕКТИВА У ИНХОАТИВНОГО ПОКАЗАТЕЛЯ В ЭВЕНКИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Elena L. Rudnitskaya
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
E-mail: erudnitskaya@gmail.com

THE PERFECTIVE INTERPRETATION OF THE INCHOATIVE MARKER IN EVENKI

Аннотация. В статье рассматриваются значения показателя инхоативности глагола в эвенкийском языке. Формы с этим показателем могут интерпретироваться не только как указывающие на начало процесса, но и на начало состояния (трансформатив). В сочетании с предельными процессами показатель инхоативности может указывать как на начало процесса, так и на начало результирующего состояния, возникающего при достижении процессом логического предела – это и есть перфективная интерпретация. Такой анализ, в частности, следует из декомпозиции события Дж. Рэмчанд, при которой семантическая структура любого предельного глагола содержит указание на результирующее состояние, возникающее в результате достижения предела действия или процесса. В типологическом плане указанная неоднозначность показателя инхоативности встречается довольно часто, но обычно не в случае морфологического выражения инхоативности в глаголе в некотором языке, а в случае аналитической инхоативной конструкции с легким глаголом.

Abstract. The paper considers interpretations of the inchoative marker in Evenki. Verb forms with this marker can be interpreted not only as pointing to the beginning of a process or an action but also as pointing to the beginning of a state (transformative). With telic process verbs, the inchoative marker can point either to the beginning of the process or to the beginning of the resulting state following the culmination point of the process. Such an analyses follows from the decomposition theory of J. Ramchand, in which the semantic structure of any telic verb contains the resultant state that emerges as a result of reaching the culmination point of the process or an action. From the point of view of typology, such a polysemy occurs rather often, but not in morphological inchoative marker languages, but rather in languages that have an analytic light verb inchoative construction.

Ключевые слова: эвенкийский язык, глагол, инхоатив, результив, вид.

Keywords: Evenki, verb, inchoative, resultative, aspect.

В статье рассматривается категория инхоативности в эвенкийском языке. Описываются данные, полученные во время экспедиции 2024 г. в Усть-Нюкжу (Тындинский район, Амурская область): представлены результаты устных и письменных опросов носителей усть-нюкжинского (одного из восточных) говора.

В опросах приняли участие носители языка: 5 женщин и 3 мужчины (от 45 до 70 лет, одной женщине 75 лет, одному мужчине 79 лет), по профессии оленеводы, работники торговли и услуг. Они все хорошо владеют эвенкийским и русским языками. Из них оленеводы чаще, чем остальные, говорят по-эвенкийски, в том числе в быту и в тайге. Женщины старше 50 лет также много говорят друг с другом по-эвенкийски и в самой Усть-Нюкже.

Также использовались два корпуса: корпус устных рассказов на разных говорах современного эвенкийского языка (7552 предложения)¹ и корпус INEL (туда также входят рассказы, записанные в разные периоды времени: от 1930-х гг. до 2000-х гг.)².

Инхоативные показатели достаточно широко распространены в языках мира: например, в некоторых уральских языках (нганасанский, хантыйский и др.), тунгусо-маньчжурских (нанайский, эвенский, эвенкийский), сино-тибетских, ирокезских языках (см. подробнее работу [3]). В эвенкийском языке имеется два показателя, которые могут интерпретироваться инхоативно: *-l* INCH (инхоативность – это главное значение *-l*) и *-hin/-sin* INCEP. Мы сосредоточим внимание на показателе *-l* INCH, показатель *-hin/-sin* INCEP описывается в статье [14]. Употребление *-l* INCH показано в (1а-б), где *-l* присоединяется к глаголам, обозначающим непределённые процессы³ *ikō-* ‘петь’ и *hawal-* ‘ходить’⁴.

(1) а. *bajə-l* *ikō-l-də-Ø*
человек-PL петь-INCH-NFUT-3PL

‘Мужчины запели’ (корпус)

б. *Tāduk* *hān* *ašā-l* *d'ur* *hawal-d'a-ra-Ø*
потом опять женщина два ходить-IPFV-NFUT-3PL
ātu{t}-tikī *ŋənə-rə-Ø* *uww-lā-n* *hawal-il-d'a-Ø*
озеро-ALL идти-NFUT-3PL берег-LOC-PS.3SG ходить-INCH-NFUT-3PL

¹ Сайт «Малые языки Сибири: наше культурное наследие»: <http://minlang.srcc.msu.ru/>, <http://gisly.net/corpus/>. Корпус создан Е. Л. Клячко. При указании источников примеров обозначается как «корпус».

² Сайт INEL: <https://inel.corpora.uni-hamburg.de/EvenkiCorpus/search>. При указании источников примеров обозначается как «корпус INEL».

³ По терминологии [15], глаголы, обозначающие процесс, подразделяются на те, которые обозначают предельный или непределённый процесс. В работе [10] вместо «глагол, обозначающий предельный процесс», используется термин «терминатив».

⁴ Это значение *hawal-* имеет только в сымском говоре, а в остальных говорах *hawal-* значит ‘работать’.

‘Потом опять две женщины пошли к озеру, пошли, по берегу стали ходить’ (корпус INEL)

Как отмечается во всех грамматиках эвенкийского языка [6, 7, 16, 18] и др., а также в исследованиях по морфологии и синтаксису [2, 1], показатель *-l* считается инхоативным. Он очень продуктивный и употребляется не только с глаголами неопределенного действия или процесса (1а-б), как должны прототипические инхоативные показатели.

В (2а-б) показано, что *-l* сочетается также с глаголами, обозначающими состояние (это функция инцептива [13]) или трансформатива [3] (трансформатив⁵ обозначает наступление определенного состояния, а не начало действия или процесса)⁶. Так, инхоативное событие *sa-l* ‘узнать, начать знать’ – вхождение в состояние *sa* ‘знать’, а *ajawu-l* ‘полюбить’ – вхождение в состояние *ajawu* ‘любить’.

- (2) а. *bi sa-l-lə-m bi əwəŋki*
я знать-INCH-NFUT-1SG я эвенк
‘Я узнал, что я эвенк’ (элицитация)
- б. *tar bagatij ətə-šo bəjə omolgī*
тот богатый прийти-PTCP.ANT человек мальчик
i tarə hunāt-pa-n ajawu-l-ča
и тот.ACC девочка-ACC-PS.3SG любить-INCH-PTCP.ANT
‘Тот богатый человек, юноша пришел и в ту девушку влюбился’ (корпус)

Показатель *-l* также свободно сочетается с предельными процессами, например, *bu* ‘умереть’ и *mana-wu* ‘кончиться’. Поскольку данные глаголы предельные, то в их толковании конечная точка является кульминацией по работе [15]: у неопределенных процессов (1а-б) и состояний (2а-б) вообще нет точки кульминации. Инхоативный показатель с глаголами, обозначающими предельный процесс, представлен в примерах (3а-б).

- (3) а. *əbəkō-tin tug=dā bu-l-čo nīmŋə-t*
бабушка-PS.3PL так=FOC умереть-INCH-PTCP.ANT голод-INST
‘Бабушка их начала умирать с голоду’ (корпус)
- б. *nu irgiši-l-wun mana-wu-l-lə-Ø*
ну продукты.на.дорогу-PL-PS.1SG(EXCL) кончить-PASS-INCH-NFUT-3PL
‘Ну продукты наши кончатся стали’ (корпус)

Поскольку глаголы *bu* ‘умирать’ и *mana-wu* ‘кончатся’ в (3а-б) предельные, то в их толковании конечная точка является кульминацией по работе [15]. Например, когда кто-то умирает, процесс ‘умирать’ приходит к естественному завершению. При добавлении показателя инхоатива выделяется как кульмина-

⁵ Мы будем использовать термин «трансформатив», потому что термину «инцептив» разные авторы придают различное значение.

⁶ Терминология у разных авторов различается: например, в работе [10] инхоативы в нашей терминологии (примеры (1а-б)) называются ингрессивами, инцептивы/трансформативы (примеры (2а-б)) – инхоативами, а инхоативные сочетания с предельными процессами (пример (3а-б)) – инцептивами.

ция не конечная, а начальная точка – то есть начало предельного процесса (ср. обсуждение в [3]).

Необходимо заметить, что прибавление *-l* изменяет аспектуальный класс глагола (см. [15, 20]). Так, *ikō-* ‘петь’ является неопредельным процессом (по терминологии С. Г. Татевосова) или деятельностью (по терминологии Z. Vendler). Глагол *ikō-l-* ‘запеть’ – моментативный (или пунктивный); в терминологии Z. Vendler – свершение.

Описывая полисемию инхоативных показателей, исследователи отмечают инхоативно-перфектную полисемию инхоативного показателя в типологически различных языках. В. П. Недялков [10] отмечает как инхоативно-перфективную полисемию значения приставки *za-* (*за-*) в русском и болгарском языках (*запеть* ‘начать петь’ – инхоативное значение и *за-резать* ‘с помощью определенных действий ножом вызвать смерть живого существа’ – перфективное значение). В. Ю. Гусев [5] упоминает показатели *-la* и *-ʔka* нганасанского языка, которые в контексте одних глаголов имеют инхоативное (основное), а в контексте других – перфективное значение.

Т. А. Майсак в работе [8] отмечает, что грамматикализованные инхоативные глаголы с исходным значением движения (‘приходить’) могут выступать не только в функции трансформатива (4а), но и перфектива (4б) – последнее с глаголами-моментативами⁷ или с глаголами, обозначающими предельное и короткое по длительности действие. Кроме видового значения, в (4б) присутствует еще и дополнительное значение неожиданности:

[португальский] [8]

(4) а.=(2.66б) *Mas podemos vir a estar.*

{– Надеюсь, мы никогда не окажемся так далеко друг от друга!} – ‘Но можем оказаться’ (= ‘прийти к быть’).

б.=(2.65в) *O velho bargo veio a morrer.*

‘Старый барон (в конце концов) умер’ (= ‘пришел к умереть’).

В работе [11] отмечается, что в близкородственном эвенкийскому нанайском языке показатель начинательности *-lo/-lu* при некоторых глаголах (например, *balban-* ‘замерзать, мерзнуть’) может иметь как значение ‘начало процесса’ (‘начать замерзать’), так и ‘начало состояния’ (‘начать мерзнуть’). Эта неоднозначность объясняется авторами полисемией глагола *balban-*, а не наличием нескольких интерпретаций у показателя *-lo/-lu*.

В языке бадьяранке (североатлантический язык) имеется аналогичная (4а-б) полисемия глагола *-re:* ‘идти’ (грамматикализованного в функции так называемого транзиционала⁸) – *-re:* – может функционировать и как трансформатив

⁷ Пунктивами в терминологии С. Г. Татевосова.

⁸ Термин R. T. Cover.

тивный (инхоативный) маркер (с глаголами состояния), и как перфективный маркер (с предельными и моментативными глаголами) [17]).

Для эвенкийского показателя *-l* также возможна полисемия между инхоативностью и перфективностью, ср. (5а-б).

- (5) а. *haktira-l-la-n*
 стемнеть-INCH-NFUT-3SG
 ‘Начало темнеть’ (корпус)
 б. *hoktolī tar* *ŋənə-d’ə-d’ə-ø-m* *ŋənəd’ə=*
 дорогатот идти-IPFV-IPFV-NFUT-1SG идти.SLIP
haktirā-l-la-n
 стемнеть-INCH-NFUT-3SG
 ‘По дороге той иду, иду; стемнело’ (корпус)

Возможность данной полисемии не только следует из данных корпуса, но и с некоторым дополнением подтверждается носителями при элицитации: для *haktirā-l-la-n* носители предлагают только перфективную интерпретацию (‘стемнело’), а инхоативная интерпретация достигается при добавлении к основе глагола имперфективного показателя *-d’A*, ср. (6а-б).

- (6) а. *haktirā-l-d’a-ra-n*
 стемнеть-INCH-IPFV-NFUT-3SG ‘{Только что} начало темнеть {, еще не стемнело}’
 б. *haktirā-l-d’a-ča-n* (элицитация)
 стемнеть-INCH-IPFV-PST-3SG ‘{Тогда только что} начало темнеть {, еще не стемнело}’ (элицитация)

Мы видим, что при инхоативной интерпретации показателя *-l* с глаголом, обозначающим предельный процесс, носители предпочитают имперфективную основу (с показателем *-d’A*).

У глагольной основы без видовых показателей видовая интерпретация или задана словарно, как в русском языке, или зависит от аспектуального класса глагола и/или от грамматической формы и лексико-грамматического контекста этого глагола [15, 20].

Так, имперфективный русский глагол *бежать* относится по терминологии С. Г. Татевосова к непредельным процессам (по терминологии Z. Vendler – к деятельности), а перфективный глагол *прибежать* – к предельным процессам (по терминологии Z. Vendler – к достижениям). В эвенкийском языке основа *tuksa-* ‘бежать (о человеке)’ может иметь и непредельную, и предельную интерпретацию в зависимости от контекста, ср. (7а-б). В терминах С. Г. Татевосова, глагол *tuksa-* относится к слабым предельным (а не к непредельным, как русский глагол *бежать*).

- (7) а. *niŋan* *goro-wo* *tuksa-ča*
 он далекий-ACC бежать-PTCP.ANT

- ‘Он долго бежал’ (элицитация)
 б. *tuksa-ra-wun* *tādū ...iñ-d’ə-rə-n*
 бежать-NFUT-1PL(EXCL) там жить-IPFV-NFUT-3SG
ješ’o tiha-hta-d’ə-rə-n
 еще плыть-DSPRS-IPFV-NFUT-3SG

‘Подбежали мы, там он живет еще, плавает...’ {о медведе} (корпус)

Исходя из примеров (7а-б), мы следуем за И. В. Недялковым [18], который утверждает, что основу глагола в эвенкийском следует считать нейтральной в аспектуальном отношении (common), а не перфективной. Тем не менее перфективная интерпретация основы без аспектуальных показателей очень частотна, и многие исследователи утверждают, что основе свойственна перфективная интерпретация, – например, [4, 7]. Показатель *-d’A* (6а-б) образует имперфективную основу, которая не может иметь предельной интерпретации, ср. (8).

- (8) *tuksa-d’ə-ča* (элицитация)
 бежать-IPFV-PTCP.ANT ‘(Он) бежал’, ‘*(Он) прибежал / подбежал / убежал’

Будем считать, что в (5а) основа глагола *haktira-* интерпретируется имперфективно (как процесс), как и в (7а), а в (5б) – перфективно (как достигнутый логический предел процесса), как и в (7б). Как замечает Т. А. Майсак (см. выше), перфективная интерпретация инхоативного показателя или глагола возникает у моментативных глаголов и глаголов, обозначающих короткое по длительности действие. В этом случае инхоатив не меняет значения, а функционирует как трансформатив и обозначает начало результирующего состояния, наступившего в результате достижения логического предела процесса (например, в (5б): когда стемнело, стало темно).

В (5а) и (6а-б) делается акцент не на кульминации процесса ‘темнеть’, а на самом процессе. Поэтому носители предпочитают имперфективную основу *haktirā-l-d’a-* в (6а-б) с показателем *-d’A*. У *haktirā-l-d’a-* имеется только имперфективная (процессная) интерпретация, что совместимо только с инхоативной интерпретацией. Носители отмечают, что в (6а-б) в момент речи (6а) или в момент повествования (6б) процесс *haktirā-* ‘темнеть’ еще не закончился.

Данную неоднозначность осмысления сочетания основы с показателем *-l* можно также интерпретировать в терминах М. Ramchand [19]. В этой работе считается, что в значении глагола можно выделить три компонента: *init* (каузативный компонент), *proc* (процессный компонент), *res* (результативный компонент). Предельный процесс содержит как минимум два из этих компонентов: *proc* и *res*. Таким образом, инхоативный показатель может воздействовать (по отдельности) как на *proc*, так и на *res*. В первом случае получается инхоативная интерпретация, а во втором – перфективная.

Таким образом, перфективная интерпретация возникает как результат применения трансформативного значения показателя *-l* к результирующему со-

стоянию, возникающему в результате моментального события – достижения предела процесса.

В заключение заметим, что интерпретация примера (6а) создает трудность для общепринятой точки зрения [1, 7, 16, 18] на сочетание имперфективного показателя *-d'A* и показателя небудущего времени *-rA*. Сочетание этих двух показателей *-d'A-rA* считается грамматикализированным показателем настоящего времени. В большинстве случаев сочетание *-d'A-rA* действительно переводится на русский настоящим временем глагола (9а-б), и у этого сочетания имеется не только эпизодическая (9а), но и хабитуальная (9б) интерпретация. Наличие у *-d'A-rA* неэпизодической интерпретации (9б) свидетельствует в пользу грамматикализации сочетания *-d'A-rA*.

- (9) а. *Nuŋan irū-ktə-d'ə-rə-n* *kəŋgilōn-mə*
 он волочить-DSPRS-IPFV-NFUT-3SG колокольчик-ACC
 =PRS
 {Мама видит: лисица из-за нашего чума выскочила.}
 'Она волочит за собой колокольчик!' (корпус)
- б. *d'ə-mū-d'ə-rə-Ø* *tar atirkān ət*
 съест-DES-IPFV-NFUT-3SG тот старуха старик.SLIP
 =PRS
omolgī-nən
 сын-COM.FAM
 'Голодают эта старуха с внуком' (корпус)

В контексте же показателя инхоатива *-l* в (6а) глагол *haktirā-l-d'a-ra-n* переводится в прошедшем времени как 'начало темнеть' – то есть, если *-d'A-rA* здесь показатель настоящего времени, то придется сделать вывод, что при добавлении *-l* может изменяться время события, а не только аспектальный тип (см. выше). Примеры с аналогичной (6а) временной интерпретацией найдены в корпусе (10а), хотя другие примеры из корпуса с последовательностью показателей *-l-d'A-rA* INCH-IPFV-NFUT интерпретируются как неэпизодические (10б) или в настоящем историческом (10в) (что совместимо с трактовкой *-d'A-rA* как грамматикализованного показателя настоящего времени)⁹.

- (10) а. *ə-dō-n* *wa-rə* *ə-dō-n*
 NEG-CVB.PURP-3SG убить-PTCP.NEG NEG-CVB.PURP-3SG
wa-rə *huru-l-d'ə-rə-n*
 убить-PTCP.NEG пойти-INCH-IPFV-NFUT-3SG
 'Она поехала, чтобы он не убил [ее], не убил' {в контексте далее описывается, как они плывут на лодке} (корпус)
- б. *ə= əhī t'əpər əto bu= əto ələ-tin*
 SLIP сейчас теперь это SLIP это весь-PS.3PL
bu-t'i-l-d'ə-rə-s *əto*
 умереть-DSPRS-INCH-IPFV-NFUT-2PL это
 'Теперь все вы начнете умирать' (корпус)
- в. *tar mirəgdī hələ dəgi-l-d'ə-rə-n* *tar bēga-tkī*
 тот Мирэгды вот лететь-INCH-IPFV-NFUT-3SG тот луна-ALL
ərdəlōn tar bəjə kokoldo-wo-n

⁹ Приводятся примеры из корпуса рассказов (сноска 1), но в корпусе INEL (сноска 2) аналогичная ситуация.

до.сих.пор тот человек рукавица-ACC-PS.3SG
d'oromo-roki-n *tikul-kanəm*
 украсть-CVB.COND-PS.3SG рассердиться-CVB.NSIM
 'Этот Мирэгды вот улетает совсем на луну, рассердившись, когда человек украл
 его рукавицу' (корпус)

Таким образом, сочетание показателей *-d'A* и *-rA* не всегда грамматикализуется в показатель настоящего времени *-d'A-rA*; по крайней мере в контексте показателя *-l* возможна интерпретация сочетания *-d'A* и *-rA* как двух отдельных показателей. В случае (6а) отнесенность к прошедшему времени начала процессов 'темнеть' и 'ехать' соответствует употреблению показателя *-rA* NFUT, а не *-d'A-rA* PRS. Показатель *-rA* указывает на недавнее прошедшее время [9, 18]; с этим связано то, что начавшийся недавно по сравнению с моментом речи или с временем наблюдателя процесс 'темнеть' в (6а) продолжается в момент речи (еще не стемнело). В (10б) и (10а) процесс продолжается в момент, о котором рассказывается – в рассказе в этот момент¹⁰ еще не стемнело (6б) или героиня все еще едет (10а).

Итак, в настоящей статье было показано, что у показателя инхоатива в эвенкийском языке возможна перфективная интерпретация. Такая интерпретация возникает при глаголах, обозначающих предельные процессы. Она обусловлена тем, что инхоативный показатель может интерпретироваться и как обозначающий начало предельного процесса, и как начало результирующего состояния, появляющегося при достижении процессом логического предела. Кроме того, было показано, что сочетание показателей имперфектива и будущего времени не всегда подвергается грамматикализации и интерпретируется как показатель настоящего времени; в контексте показателя инхоатива грамматикализация не обязательно происходит.

Список сокращений: 3 – 3 лицо, ACC – аккузатив, ALL – аллатив, ANT – (причастие) предшествования, COM.FAM – комитатив (о членах семьи), COND – (конверб) условия, CVB – конверб (деепричастие), DES – дезидератив, DSPRS – дисперсив, DUR – дуративный (вид), EXCL – эксклюзивное (множественное число), FOC – фокус, INCH – инхоатив, INCEP – инцептив, INST – инструменталис, IPFV – имперфектив (несовершенный вид), LOC – локатив, NEG – отрицание, NFUT – небудущее (время), NSIM – разновременной (конверб), PL – множественное число, PRGRN – перигринатив, PRS – настоящее время, PS – посессивный (аффикс), PST – прошедшее время, PTCP – причастие, PURP – (конверб) цели, SG – единственное число, SLIP – оговорка.

Библиографический список

1. Болдырев Б. В. Морфология эвенкийского языка / ред. В. А. Роббек. – Новосибирск, 2007.
2. Бродская Л. М. Сложноподчиненное предложение в эвенкийском языке. – Новосибирск, 1988.
3. Волков О. С. Глагольная фазовость в системе видовых показателей : дис. ... канд. филол. наук. – М., ИЯз РАН, 2024.

¹⁰ Е. В. Падучева [12] для обозначения этого момента использует термин «время наблюдателя».

4. Горелова Л. М. Категория вида в эвенкийском языке / ред. М. И. Черемисина. – Новосибирск : Наука, 1979.
5. Гусев В. Ю. Аспект в нганасанском языке // *Acta linguistica petropolitana*. Труды института лингвистических исследований. – Т. 8. – № 2. – С. 311–360.
6. Василевич Г. М. Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. – Л. : Госучпедгиз, 1940.
7. Константинова О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. – М. : Наука, 1964.
8. Майсак Т. А. Типология грамматикализации глаголов перемещения и глаголов позиции : дис. ... канд. филол. наук. – МГУ, 2002.
9. Морозова О. Н., Рудницкая Е. Л. Аорист в эвенкийском языке // *Малые языки в большой лингвистике*. – Вып. 4. под ред. И. А. Хомченковой. – М. : Буки-веди, 2022. – С. 222–240.
10. Недялков В. П. Начинательность и средства ее выражения в языках различных типов // *Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность* / ред. А. В. Бондарко. – Л. : Таксис, 1987. – С. 180–195.
11. Оскольская С. А., Стойнова Н. М. Способы выражения начальной фазы действия в нанайском языке // *Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Первой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых»* / ред. Е. М. Девяткина. – М., 2012. – С. 213–230.
12. Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. – М. : Языки русской культуры, 1996.
13. Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. – Изд. 2-е. – М. : УРСС, 2003.
14. Рудницкая Е. Л. Особенности семельфактива в эвенкийском языке.
15. Татевосов С. Г. Глагольные классы и типология акциональности. – М. : Языки славянской культуры, 2016.
16. Bulatova N., Grenoble L. Evenki (*Languages of the world/ Material 141*), München, Lincom Europa, 1999.
17. Cover R. T. Aspect, Modality, and Tense in Badiaranke. Ph.D. dissertation. – Berkeley: University of California, 2010.
18. Nedjalkov I. Evenki. London – New York, Routledge, 1997.
19. Ramchand M. Verb meaning and the lexicon: A first phase syntax. – Cambridge: CUP, 2008.
20. Vendler Z. Verb and times // *The Philosophical Review*, Vol. 66, No. 2. (Apr., 1957), P. 143–160.

Смирнова Ольга Геннадьевна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
E-mail: olgasmirnova15_12@mail.ru

ДОШКОЛЬНЫЙ КОНКУРС «ТУРЭНКЭН-2024»

Olga G. Smirnova
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
E-mail: olgasmirnova15_12@mail.ru

PRESCHOOL COMPETITION "TURENKEN-2024"

Аннотация. Цель статьи заключается в обзоре важного для сохранения языков коренных малочисленных народов проекта – дошкольного конкурса «Турэнкэн-2024». Данное мероприятие позволило реализовать следующие цели и задачи: развитие у детей интереса к народной культуре и языку (эвенкийского, эвенского); повышение уровня владения языком; повышение престижа знания родного языка; реализация творческого потенциала; содействие сохранению и развитию родного – эвенкийского, эвенского языков, языковой культуры и речевой грамотности; увеличение охвата мероприятием педагогических работников, детей, родителей, представителей коренных малочисленных народов. Проект «Турэнкэн» не только способствует сохранению уникального культурного наследия, но и укрепляет идентичность детей, позволяя им гордиться своими корнями, формирует социальные связи внутри сообществ, что особенно актуально в условиях современной глобализации.

Abstract. The article was written to highlight the preschool competition "Turenken" in 2024. This event made it possible to realize the following goals and objectives: to develop children's interest in folk culture and language (Evenki, Evenki); to raise the level of language proficiency; to increase the prestige of knowledge of the native language; to realize creative potential; to promote the preservation and development of the native (Evenki, Even) languages, language culture and speech literacy; to increase the coverage of the event by teaching staff, children, parents and representatives of small indigenous minorities. The "Turenken" project not only contributes to the preservation of unique cultural heritage, but also strengthens children's identity, allowing them to be proud of their roots, and forms social ties within communities, which is especially relevant in the conditions of modern globalization.

Ключевые слова: «Турэнкэн-2024», дошкольный конкурс, языки и культуры, находящиеся под угрозой исчезновения, эвенкийский язык, эвенский язык, сохранение языков, Амурский государственный университет.

Keywords: "Turenken-2024", preschool competition, endangered languages and cultures, the Evenki language, the Even language, preservation of languages, the Amur State University.

Международная Олимпиада по языкам и культурам эвенков, эвенков России и ороочонов Китая «ТУРЭН» включена в План мероприятий по проведению в 2022 – 2032 гг. в Амурской области Международного десятилетия языков коренных народов [4].

9 сентября 2024 г. в рамках Международной Олимпиады «ТУРЭН-2024» на площадке Амурского государственного университета состоялся ежегодный дошкольный конкурс «ТУРЭНКЭН», который включал выступления детей 3-7 лет в номинациях заочного и очного формата: «Турэнкэн-интервью», «Турэнкэн-декламация», «Турэнкэн-вокал», «Турэнкэн-танцы». Участники конкурса продемонстрировали хорошее владение родным языком, знание текста наизусть, высокий уровень художественного исполнения, артистизм, сценическую культуру и национальные костюмы.

На конкурс «Турэнкэн-2024» было представлено 45 видеороликов 15 детских дошкольных учреждений из разных районов проживания коренных малочисленных народов:

МБОУ Харыялахская СОШ им. Х. А. Христофорова, МБДОУ ДС «Кэрэчээнэ» с. Харыялах, Оленекский эвенкийский национальный район, Республика Саха (Якутия);

МКДОУ ДС № 11 «Нолтэнкэ» с. Себян-Кюель, Кобяйский район, Республика Саха (Якутия);

Национальный частный детский сад «Осикат» с обучением эвенскому языку г. Якутск, Республика Саха (Якутия);

МБДОУ ДС «Звездочка» с. Ивановское, Селемджинский район, Амурская область;

МКОУ «Тянская СОШ им. И. Н. Кульбертинова» с. Тяня, Олёкминский район, Республика Саха (Якутия);

МБДОУ ДС «Тугутчаан» с. Жилинда, Оленекский район, Республика Саха (Якутия);

МОАУ «Усть-Нюкжинская СОШ» ГДО с. Усть-Нюкжа, Тындинский район, Амурская область;

МКОУ СОШ № 37 с. Угоян, Алданский улус, Республика Саха (Якутия);

Филиал АН ДОО «Алмазик» ДС № 20 «Колобок» с. Сюльдюкар, Мирнинский район, Республика Саха (Якутия);

МБДОУ ДС № 1 «Олененок» с. Байкит, Эвенкийский муниципальный район, Красноярский край;

МДОУ ДС № 38 «Золотиночка» с. Иенгра, Нерюнгринский район, Республика Саха (Якутия);

МБОУ «ШИ с. Омогон» с. Омогон, Билибинский муниципальный район, Чукотский Автономный Округ;

МБДОУ ДС ОВ «Сардана» с. Хатыстыр, Алданский район, Республика Саха (Якутия);

МБОУ «КМСОШ им. Н. В. Шемякова» с. Кыстатыам, Жиганский район, Республика Саха (Якутия);

МБДОУ ДС «Родничок» с. Анавгай, Быстринский район, Камчатский край.

Наибольшую активность по подготовке участников проявили наставники детского сада «Кэрэчээнэ» с. Харыялах, Оленекского эвенкийского национального района, Республики Саха (Якутии); детского сада № 11 «Нолтэнкэ» с. Себян-Кюель, Кобяйского района, Республики Саха (Якутии); Национального частного детского сада «Осикат» с обучением эвенскому языку г. Якутска, Республики Саха (Якутии); детского сада «Звездочка» с. Ивановское, Селемджинского района, Амурской области.

В состав компетентного жюри, вошли Дарья Муханаевна Берелтуева, кандидат филологических наук, член ОП Республики Бурятия; Татьяна Семеновна Сафронова, член правления АКМНС Амурской области, куратор по вопросам образования и культуры народов Севера, педагог дополнительного образования; Клавдия Константиновна Кириллина, методист Национального частного детского сада «Осикат» с обучением эвенскому языку г. Якутск; Александр Евгеньевич Марков, эвенкийский этнопевец, студент ТИ(ф)СВФУ г. Нерюнгри.

Жюри высоко оценило уровень владения родным языком, знание традиций, культуры, творческие способности детей, их артистизм, а также особо отметило тот факт, что, несмотря на дошкольный возраст, выступающие достойно представляют и пропагандируют творчество эвенкийских и эвенских писателей.

Каждое конкурсное выступление (песня, танец, стихотворение, рассказ о себе в форме вопросов и ответов на эвенкийском или эвенском языке, отрывок из сказки или фольклорного произведения) является доказательством того, что все участники или коллективы – достойные хранители своей культуры и языка. В связи с этим было весьма трудно выбрать лучших из них.

Работы, представленные на конкурс, заслужили самых высоких оценок и были удостоены дипломов, а их руководители получили благодарственные письма за подготовку детей. Участники конкурса и члены жюри, являющиеся подлинными представителями коренных малочисленных народов, подчеркнули значимость и необходимость дошкольного проекта «Турэнкэн».

Рис. 1. Турэнкэн-вокал. Белобородова Р., Белобородова М. Филиал АН ДОО «Алмазик», ДС № 20 МБДОУ «Колобок», с. Сюльдюкар, Мирнинский район, РС(Я).

Рис. 2. Турэнкэн-декламация. Томская С. ДС «Кэрэчээнэ», с. Харыялах, Оленевский национальный район, РС(Я).

Рис. 3. Турэнкэн-вокал. Протопопова А. МБДОУ ДС «Тугутчаан», с. Жилинда, Оленекский район, РС(Я).

Рис. 4. Турэнкэн-декламация. Курамшина А. МБДОУ ДС № 1 «Олененок», с. Байкит, Эвенкийский муниципальный район, Красноярский край.

Рис. 5. Турэнкэн-декламация. Захаров П. МБОУ «КМСОШ им. Н. В. Шемякова», с. Кыстатыам, Жиганский район, РС(Я).

Рис. 6. Турэнкэн-декламация. Зорина М. МКОУ «Тянская СОШ» дошкольная группа, с. Тяня, Олёкминский район, РС(Я).

Рис. 7. Турэнкэн-декламация. Николаев А. МБДОУ ДС «Кэрэчээнэ», с. Харыялах, Оленекский национальный район, РС(Я).

Рис. 8. Турэнкэн-вокал. Семенова В. МБДОУ ДС ОВ «Сардана», п. Хатыстыр, Алданский район, РС(Я).

Рис. 9. Турэнкэн-декламация. МОАУ группа воспитанников ГДО «Усть-Нюкжинская СОШ», с. Усть-Нюкжа, Амурская область.

Рис. 10. Турэнкэн-вокал. Группа «Чоранчик» МБДОУ ДС «Звездочка», с. Ивановское, Селемджинский район, Амурская область.

Рис. 11. Турэнкэн-интервью. Кривошапкин Г. МКДУ ДС № 11 «Нолтэнкэ», с. Себян-Кюель, Кобяйский район, РС(Я).

Рис. 12. Турэнкэн-интервью. Дьячков В. МБОУ «ШИ с. Омогон», Билибинский муниципальный район, Чукотский АО.

Рис. 13. Турэнкэн-декламация. Кукса И. МБДОУ ДС «Родничок», с. Анавай, Быстринский район Камчатский край.

Актуальность данного проекта заключается в формировании интереса и мотивации к изучению родного языка с раннего возраста (самому маленькому участнику было 3 года), чувства идентичности и принадлежности к своему народу, а также приобщении детей к культуре, традициям, обычаям эвенков и эвенов Российской Федерации, что обеспечит выживание национальных языков в условиях глобализации и урбанизации.

Организуя дошкольный конкурс «Турэнкэн», мы стремимся показать, что родной язык – это не просто средство общения, но и важный элемент культурного самосознания, который необходимо беречь и развивать.

Мы полагаем, что взаимодействие между детьми, педагогами и родителями в сохранении и популяризации родного языка создает мощный ресурс для передачи знаний о культуре и языке следующему поколению.

Впереди у организаторов и участников много новых идей и планов, которые направлены на дальнейшее развитие проекта. Все участники выразили желание продолжать заниматься изучением родного языка и культуры, а также принимать участие в будущих конкурсах, чтобы делиться своими достижениями и вдохновлять друг друга на новые свершения. Таким образом, проект «Турэнкэн-2024» стал не только событием, но и движущей силой, способствующей сохранению и развитию языков и культур коренных народов для будущих поколений [1–3].

Библиографический список

1. Амурские эвенки: Большие проблемы малого этноса: Сборник научных трудов / под ред. проф. Г. В. Быковой. [Электронный ресурс] – Вып. I. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2003. – 266 с. – URL: <https://refdb.ru/look/2534206-pall.html> (дата обращения: 11.12.2024).
2. Блохинская Л. О., Смирнова О. Г. «ТУРЭНКЭН»: основа жизни этноса в руках его маленьких хранителей // Сохранение и ревитализация языков и культур эвенков, эвенов России и ороحوнов Китая: материалы Всерос. нац. конф. с междунар. участием (дек. 2021 г.) / Амур. гос. ун-т ; редкол. : О. Н. Морозова (отв. ред.), О. Г. Смирнова. – Благовещенск : АмГУ, 2021. – С. 254–260.
3. Смирнова О. Г. Дошкольный конкурс «Турэнкэн» как вклад в сохранение языков и культур эвенков, эвенов России и ороحوнов Китая // Обучение иностранному языку студентов высших и средних образовательных учреждений на современном этапе: материалы XII Всерос. нац. науч.-метод. видеоконф. с междунар. участием (янв. 2024 г.) / Амур. гос. ун-т ; редкол. : О. Н. Морозова (отв. ред.), О. Г. Смирнова. – Благовещенск : АмГУ, 2024. – С. 276–281.
4. Об утверждении «дорожной карты» по совершенствованию деятельности в области преподавания эвенкийского языка и литературы в образовательных организациях, расположенных в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера, в 2022–2024 годах // Министерство образования и науки Амурской области. Приказ № 1054 от 05.09.2022.

Тюков Владислав Степанович
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
E-mail: tem.barns28@gmail.com

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ
КИТАЙСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК НА РУССКИЙ ЯЗЫК
(НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК О ТИГРЕ)**

Vladislav S. Tyukov
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
E-mail: tem.barns28@gmail.com

**FEATURES OF TRANSLATING IDIOMS IN CHINESE FOLK TALES
INTO RUSSIAN (BASED ON CHINESE FOLK TALES ABOUT TIGER)**

Аннотация. В данной статье рассмотрена специфика перевода фразеологизмов на русский язык. Материалом для этого исследования послужили китайские народные сказки о тигре. Исследована специфика фразеологического оборота, а также рассмотрена его значимость в языковой системе. Изучена одна из важных особенностей фразеологизма как языковой единицы – наличие комплекса языковых значений. Данный комплекс включает в себя референциальное, прагматическое и внутрилингвистическое значения. Из вышеупомянутых значений, по мнению большинства исследователей, сохраняется чаще всего именно референциальное. Прагматическое значение языковой единицы в большинстве случаев теряется. В свою очередь, внутрилингвистическое значение сохранить труднее всего. Поэтому с целью проверки данных утверждений мы выполнили анализ значений фразеологизмов, обнаруженных в ходе перевода сказок. Для упрощения анализа составили таблицу с этими фразеологизмами. В процессе перевода использовались методы: лексическая замена, калькирование, описательный перевод и метод опущения. Выявлены наиболее и менее эффективные методы перевода фразеологических единиц китайской народной сказки. Определены причины использования данных методов. С целью обоснования полученных выводов для каждого из методов был приведен пример фразеологической единицы и ее анализ.

Abstract. The paper is focused upon the features of translating Chinese idiomatic expressions into Russian. The material for this study consists of Chinese folk tales about the tiger. The research explores the specificity of phraseological

expressions and examines their significance within the linguistic system. One of the important features of phraseological units as linguistic entities – the presence of a complex of linguistic meanings – has been studied. This complex includes referential, pragmatic, and intralinguistic meanings. According to most researchers, among these meanings, the referential meaning is the one most frequently preserved. The pragmatic meaning of a linguistic unit is often lost in most cases. In turn, the intralinguistic meaning is the hardest to retain. Therefore, to verify these claims, we conducted an analysis of the meanings of the phraseological units identified during the translation of the tales. To simplify the analysis, we compiled a table containing these phraseological units. During the translation process, we employed the following methods: lexical substitution, calque translation, descriptive translation, and omission. The most and least effective methods of translating the phraseological units of the Chinese folk tale have been identified. The reasons for the use of these methods have been determined. To substantiate the conclusions, an example of a phraseological unit and its analysis was provided for each method.

Ключевые слова: перевод, фразеологизм, языковое средство, лексема, языковая система, языковая единица, калькирование, лексическая замена, описательный перевод, метод опущения лексических единиц.

Keywords: translation, idiom, linguistic means, lexeme, language system, linguistic unit, calquing, lexical substitution, descriptive translation, omission method of lexical units.

Фразеологизмы, по мнению многих отечественных исследователей, являются крайне сложным явлением, которое требует тщательного исследования. Некоторые авторы (например, О. С. Мещерякова) склонны к утверждению, что фразеологизмы можно рассматривать как отдельный уровень языковой системы. Основой этого уровня можно считать особую лексему – фразеологизм. Он является устойчивым выражением, содержание которого невозможно передать значением отдельных слов [3].

С этим утверждением согласна и Л. Б. Воробьева, однако акцентирует свое внимание на том, что фразеологический оборот – это зеркало, в котором отражено самосознание, стереотипы и эталоны определенной нации [2]. При этом необходимо помнить, что фразеологизм сочетает в себе комбинацию языковых значений, обладая не только референциальным, но также прагматическим и внутрилингвистическим смысловыми компонентами [1]. Как отмечают исследователи, любое из этих значений может быть утеряно при переводе. Поэтому, чтобы выявить, какое из вышеупомянутых значений сохранить проще всего, а какое труднее, мы провели анализ фразеологизмов. Данные, полученные в процессе перевода, представлены в рис. 1. При осуществлении перевода мы применили методы: калькирование, лексическая замена, метод опущения, а также описательный перевод.

Оригинал	Дословный перевод	Словарное соответствие	Контекст
骄傲自大 (jiāo'aozìdà)	Высокомерный и заносчивый	Задирать нос	Не хвались, человек намного лучше тебя
一眼就 (yīyǎn jiù)	Только один взгляд	С первого взгляда	Но котёнок сразу заметил злые намерения своего ученика
一溜烟 (yīliùyān)	Поток дыма	Быстро, мгновенно	Но котёнок не растерялся и мигом забрался на дерево.
垂头丧气 (chuitóu sàngqi)	Повесить голову и пасть духом	Расстроиться	Однажды, тигрёнку это все надоело
起早贪黑 (qǐzǎo tānhēi)	Вставать рано и ложиться поздно	От зари до зари	Трудился от зари до зари
目不转睛 (mù bù zhuǎn jīng)	Не отрывать глаза	Пристально смотреть	Тигрёнок не сводил с них глаз
大惊失色 (dàjīng shīsè)	Утратить краски от большого удивления	Испугаться, прийти в ужас	Щенок настолько испугался
形影不离 (xíngyǐng bùlí)	Тело и тень не отходят друг от друга	Не разлей вода	Тигр заметил, что его преследует
山摇地动 (shānyáo dìdòng)	Гора пошатнулась и задрожала земля	Обладать невероятной силой	Рёв тигра был настолько силен, что сотрясал горы и землю
二话不说 (èrhua bùshuō)	Не возражать	Не сказав и двух слов	Тигр, не проронив ни слова, вбежал в дом
慌慌张张 (huānghuang zhāngzhāng)	Быть встревоженным	Слома голову	Олень, увидев тигра, испугался и помчался в лес
冷冰冰 (lěngbīngbīng)	Холодный лёд	Холодно	Холодно ответил директор
一心一意 (yīxīn yīyì)	Всем сердцем и душой	Всей душой	Посвящал всего себя обучению тигра
热锅上的蚂蚁 (rè guō shang de mǎyǐ)	Муравьи, попавшие на горячую сковороду	Волноваться	Стал сильно волноваться
亲如一家 (qīn rúyī yíjiā)	Как родная семья	Как одна семья	Были друг другу как семья
离弦的箭 (lí xián zhī jiàn)	Стрела, выпущенная из лука	Стремительно	Лев мчался, словно стрела, выпущенная из лука

Рис. 1. Перевод фразеологизмов китайской сказки.

Мы выявили, что чаще всего при переводе сохраняется референциальное значение. В то же время сохранить образность становится сложнее. Потеря прагматического значения связана в первую очередь с различием в культуре двух наций, а также с невозможностью передачи того смысла, который будет понятен читателю. Самым сложным для сохранения из представленных значений можно считать внутрилингвистическое. Это обусловлено тем, что оба язы-

ка сильно отличаются друг от друга во многих аспектах: грамматика, морфология, синтаксис и т. д. Поэтому при переводе затруднительно передать особенности одного языка при помощи другого.

Кроме этого, в результате исследования также было обнаружено, что в процессе перевода большинства фразеологических единиц мы использовали метод лексической замены (9 применений в 16 случаях). Благодаря этому методу нам удалось сохранить референциальное значение и в некоторых случаях не потерять образность, осуществляя поиск эквивалента в русском языке. Примером использования данного метода может выступить выражение «一溜烟». В связи с тем, что в русском языке отсутствует эквивалент данной фразеологической единицы, было принято решение заменить на глагол с метафорическим значением «мигом», который обозначает быстрый темп выполнения действия.

В ситуациях, когда можно было сохранить образность и при этом не потерять референциальное значение, мы обращались к методу калькирования (5 применений в 16 случаях). Так, например, выражение «山摇地动», которое в случае дословного перевода будет обладать значением «гора пошатнулась, и задрожала земля». Выражение остается понятным для российского читателя и не вызывает никаких трудностей.

Самыми неэффективными методами в процессе перевода фразеологических оборотов выступили: метод опущения и метод описательного перевода.

Метод опущения применялся только один раз. Примером может выступить фразеологический оборот «冷冰冰», который в ходе выполнения перевода утратил один из компонентов – «лёд». Подобное связано с тем, что в русском языке отсутствует ассоциация человеческого безразличия со льдом.

Метод описательного перевода, как и предыдущий метод, был использован также один раз. Примером использования может выступить выражение «慌慌张张», которое на русский язык переводится как «сломя голову». Но в контексте сказки не совсем понятно, по какой причине олень стал убегать от тигра, поэтому было принято решение добавить глагол «испугался». Несмотря на свою эффективность в данном случае, метод описательного перевода оказался непродуктивным, так как во многих случаях его применение нарушало повествование сказки.

Библиографический список

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. – М. : Изд-во Международные отношения, 1975. – 240 с.
2. Воробьева Л. Б. Фразеологические образы как знаки культуры (изучение фразеологизмов в аспекте РКИ) / Л. Б. Воробьева // Культурный ландшафт пограничья. – 2020. – № 3. – 357 с.
3. Мещерякова О. С. Фразеологизм как единица языковой системы / О. С. Мещерякова // Формирование профессиональной компетентности филолога. – 2020. – № 5. – 335 с.

Уртегешев Николай Сергеевич
Институт филологии Сибирского отделения
Российской академии наук, г. Новосибирск
Амурский государственный университет, г. Благовещенск
Российская Федерация
E-mail: urtegeshev@mail.ru
**ЛАТЕРАЛИЗОВАННЫЕ ЩЕЛЕВЫЕ СОГЛАСНЫЕ
(ПО СОМАТИЧЕСКИМ ДАННЫМ)**

Nikolay S. Urtegeshev
Institute of Philology, Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk
Amur State University, Blagoveshchensk
Russian Federation
E-mail: urtegeshev@mail.ru

LATERALIZED SLIT CONSONANTS (ACCORDING TO SOMATIC DATA)

Аннотация. Анализ лингвистического материала, полученного от носителей разных языков, позволил выявить у традиционно щелевых согласных медиальный смычный фокус в верхней части речевого тракта, который маркирует фонацию консонанта, придавая ему уникальное звучание на фоне подобных артикуляций. Данное фонетическое явление мы определили как латерализацию, а звуки как латерализованные.

Abstract. The analysis of linguistic material obtained from native speakers of different languages revealed that traditionally slit consonants have a medial bowed focus in the upper part of the speech tract, which marks the phonation of the consonant, giving it a unique sound against the background of such articulations. We defined this phonetic phenomenon as lateralization, and the sounds as lateralized.

Ключевые слова: щелевые согласные, медиальная смычка, латеральные, латерализованные, юкагирский, одульский, хантыйский, шорский, кумандинский, монгольский.

Keywords: slit consonants, medial bow, lateral, lateralized, Yukaghir, Odul, Khanty, Shor, Kumandy, Mongolian.

В 2018 г. при анализе аудиозаписи лингвистического материала, записанного от носителей сургутского диалекта хантыйского языка, было установлено, что они, кроме латеральных типа «л», обозначаемых на письме л и ъ, производят и другие боковые согласные [3]. В настоящем исследовании мы делаем уточнение относительно ранее выявленных боковых согласных: латеральные – «ɬ», «ɬ̚», «l'» и латерализованные – «θ^ɬ», «θ^{ɬ̚}», «ʃ^ɬ», «ʒ^ɬ», «ʃ^{ɬ̚}», «ʒ^{ɬ̚}», «h^{ɬ̚}».

Под латеральными мы понимаем консонанты, у которых затворы образуются, как правило, смыканиями различных частей передней или средней доли спинки языка с верхними зубами, десной или различными пунктами твердого неба. Примерами могут служить русские фонемы [Л], [Ль], английские светлый и темный варианты фонемы [l] и другие возможные односторонние и двусторонние разновидности артикуляции боковых согласных [2]. Кроме того, по нашим данным, латеральнощелевые могут образовываться в результате смыкания задней части спинки языка с мягким небом, а также увулы с корнем языка. Учитывая свои наблюдения, связанные с образованием звуков речи, за последние годы, мы определяем *латеральные* как согласные с бинарной синхронной артикуляцией: с одной стороны, в гортани образуется примаволна соответствующего звукотипа, которая, с другой стороны, видоизменяется в месте видовой модуляции (традиционно – месте образования) в результате возникновения ингерентного смычного фокуса с боковым проходом звуковой волны в надсвязочной части речевого тракта.

Латерализованные – это термин, который мы придумали и впервые ввели в научный оборот в статье «Латеральнощелевые, обозначаемые графемами л и ль в сургутском диалекте хантыйского языка» [3]. В той же работе под латерализованными мы понимали щелевые согласные, у которых основным местом образования являются истинные голосовые складки, а дополнительный фокус – смычный – в ротовой полости. С момента написания статьи прошло много времени, за которое был получен и проанализирован соматический и акустический материал по другим языкам, поэтому в прежнее определение внесли уточнения: *латерализованные* – это звуки, у которых синхронно, с одной стороны, генерируется щелевой примаволна (при унарной артикуляции) или щелевая примаволна (при бинарной артикуляции) истинными голосовыми складками, а с другой, – маркирующий смычный медиальный фокус образуется в надсвязочной части речевого тракта, совпадая с местом образования ингерентного фокуса у звуков с бинарной артикуляцией или с усилительной (либо ослабляющей) артикуляцией у фонов с унарной. При такой артикуляции звуковая волна проходит по бокам, как у латеральных согласных. Таким образом, если для латеральных согласных медиальная смычка и боковой проход звуковой волны в надсвязочной части речевого тракта – это *ингерентная артикуляция*, то для латерализованных – *маркирующая* (придает специфическое звучание на фоне однотипных звуков). Латерализованными звуками могут быть все согласные, традиционно определяемые как щелевые, а также все гласные (гипотетически).

Впервые латерализованные согласные были зафиксированы В. М. Наделяевым в 1977 г. при изучении современного монгольского (халха) языка методом дентопалатографирования. Это были консонанты типа «с» (рис. 1–6) [Ар-

хив Лаборатории экспериментально-фонетических исследований им. В. М. Наделяева (далее – АЛЭФИ), Папка II-3, Л. 6–8]. Специального определения это фонетическое явление не получило.

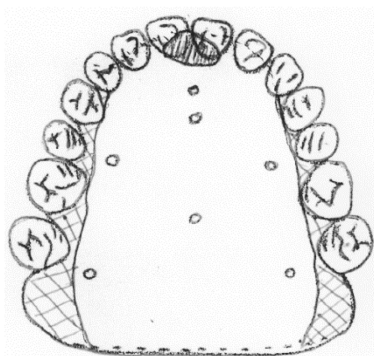

Рис. 1. Звук «с» в слове суу
‘садись’ (рис. 37, АЛЭФИ).

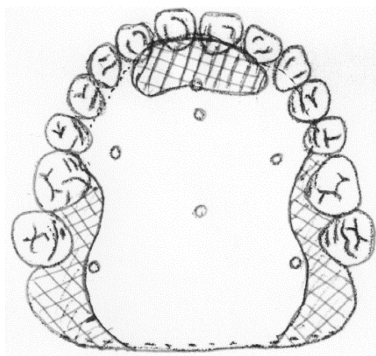

Рис. 2. Звук «с» в слове сүү
‘молоко’ (рис. 38, АЛЭФИ).

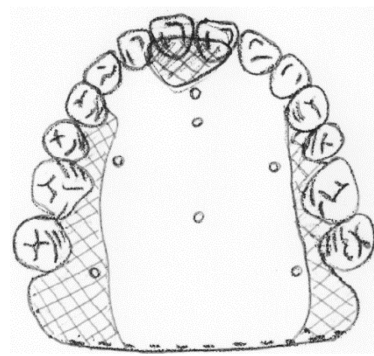

Рис. 3. Звук «с» в слове асаа
‘включай’ (рис. 39, АЛЭФИ).

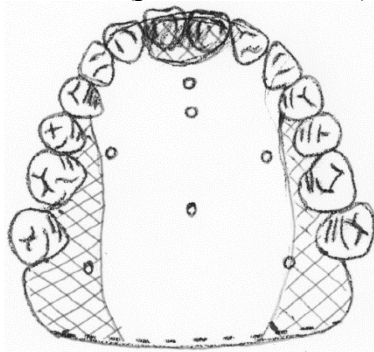

Рис. 4. Звук «с» в слове ас
‘гори’ (рис. 41, АЛЭФИ).

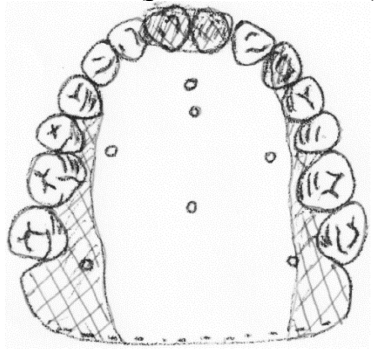

Рис. 5. Звук «с» в слове мэс
‘холодное оружие’ (рис. 42, АЛЭФИ).

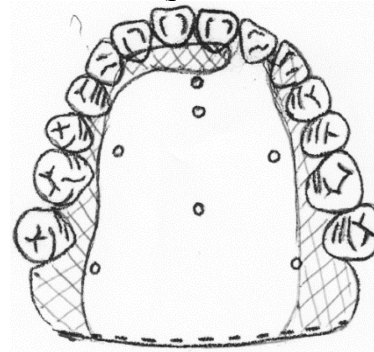

Рис. 6. Звук «с» в слове саа
‘дои’ (рис. 35, АЛЭФИ).

Чуть позже И. Я. Селютиной при изучении кумандинской звуковой системы также методом дентопалатографирования были получены настройки типа «с» с медиальной смычкой в передней части ротовой полости. В 2000 г. при изучении консонантной системы мрасского диалекта шорского языка тем же методом автором данной статьи тоже были зафиксированы латерализованные согласные типа «с». Из четырех дикторов-носителей шорского языка, принявших участие в экспериментально-фонетическом исследовании, только у одного фиксировалась смычка по медиали при артикулировании свистящих щелевых.

В марте 2024 г. методом динамического МРТ у носителей одульского и вадульского языков записывался артикуляторный уклад органов речи во время произнесения вокальных и консонантных настроек в изолированных словах. Во время съемки было замечено, что у гуттуральных щелевых типа «х» и «у» фиксируется смычная артикуляция в месте образования основного фокуса (видовой модуляции), который должен быть щелевым, но при этом на слух они звучали как щелевые. В компьютерной программе SpeechAnalyzer 3.0.1. на осцилло-

грамме видна волна, характерная для щелевых согласных (акустическому анализу будет посвящена специальная работа). Ниже представлены латерализованные согласные одульского языка в интервокальной позиции: глубокозаднеязычный глухой щелевой [x₇¹] [1] в слове *шаХалэ* ‘лиса’ (рис. 7) и глубокозаднеязычный звонкий щелевой [ɣ₇¹] в лексеме *ньоБой* ‘упал=он’ (рис. 8).

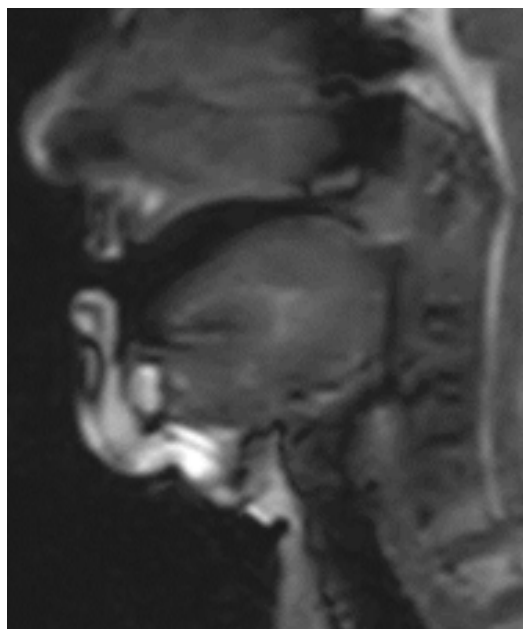

Рис. 7. Звук [x₇¹] в слове *шаХалэ* ‘лиса’.

Рис. 8. Звук [ɣ₇¹] в лексеме *ньоБой* ‘упал=он’.

Таким образом, на данный момент латерализованность была выявлена пока у трех щелевых согласных звуков типа «с», «х» и «γ».

В данной работе были представлены некоторые результаты соматических методов исследования, в которых показаны новые данные, показывающие многообразие и разные комбинации артикуляционных изменений при модуляции звуковой волны.

В. М. Надеяев считал, что согласные типа «с», определенные нами как латерализованные, в монгольском и кумандинском языках произошли из аффрикаты (из личной беседы с ученицей В. М. Надеяева И. Я. Селютиной).

Теоретически все щелевые согласные могут быть латерализованными, но на данный момент были выявлены всего три единицы. Это связано с тем, что ранее на данную артикуляцию не обращали внимания или материал отбраковывался, потому что не соответствовал традиционному описанию: у щелевых согласных должна быть щель между активным и пассивным органами речи.

У латеральных согласных медиальная смычка и боковой проход звуковой волны в надсвязочной части речевого тракта – это *ингерентная артикуляция*, у

латерализованных – *маркирующая* (придает специфическое звучание на фоне однотипных звуков).

Перспективу исследования составит акустический анализ латерализованных фондов в сравнении с латеральными и нелатерализованными и соотнесение акустических данных с выявленными артикуляциями.

Библиографический список

1. Наделяев В. М. Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ). – М.; Л., 1960.
2. Трахтеров А. Л. Английская фонетическая терминология. – М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1962. – 352 с.
3. Уртегешев Н. С. Латеральнощелевые, обозначаемые графемами л и ль в сургутском диалекте хантыйского языка // Вестник угроведения. – 2019. – Т. 10. – № 1. – С. 100–109.

Федоров Николай Николаевич
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
E-mail: nikf@mail.ru

ТРУДНОСТИ ПРИ ОСВОЕНИИ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА

Nikolay N. Fedorov
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
E-mail: nikf@mail.ru

DIFFICULTIES IN LEARNING JAPANESE

***Аннотация.** В статье представлена характеристика лингвистических и культурно-коммуникационных трудностей, возникающих при освоении японского языка. Исследование основных препятствий на пути освоения японского языка сделает процесс его изучения более эффективным и результативным.*

***Abstract.** The article describes the linguistic, cultural and communication difficulties that arise when learning the Japanese language. The study of the main obstacles to mastering the Japanese language will make the learning process more effective and efficient.*

***Ключевые слова:** японский язык, лингвистические особенности японского языка, иероглифы, онomatopoeia.*

***Keywords:** Japanese language, linguistic features of the Japanese language, hieroglyphs, onomatopoeia.*

Японский язык – один из самых сложных для изучения языков мира, что приводит к многочисленным трудностям при его освоении.

Актуальность проблемы заключается в необходимости изучения иностранных языков в современном мире, а также в повышении эффективности образования и взаимопонимания между культурами. По географическим причинам на Дальнем Востоке России востребовано изучение языков восточной Азии, включая японский. В 2025 г. сразу две круглые даты напоминают о непростой истории русско-японских отношений, переходивших иногда в открытое противостояние, – 120 лет окончания русско-японской войны (23 августа 1905 г.) и 80 лет Победы над милитаристской Японией и окончания Второй мировой войны (3 сентября 1945 г.). Память о непростых исторических уроках и осознание необходимости мирного сосуществования соседних народов являют-

ся основой для укрепления культурных, торговых и хозяйственных связей, способствует повышению интереса к изучению языка и культуры соседней страны.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении основных трудностей, с которыми сталкиваются обучающиеся при изучении японского языка. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи: анализ лингвистических особенностей японского языка, выявление типичных ошибок при его изучении.

Исследование такого вида позволит выявить главные преграды на пути освоения японского языка, что сделает обучение более продуктивным и успешным. Рассматриваемые трудности затрагивают в основном русскоговорящих обучающихся, но значительная часть проблем универсальна для большинства иностранцев (например, сложности с изучением иероглифов несущественны для носителей китайского языка, но свойственны для всего остального мира). Универсальны рассматриваемые сложности и для разных категорий обучающихся: студентов-японистов, слушателей языковых курсов и изучающие японский язык самостоятельно. Однако трудности, вызванные индивидуальными способностями учащихся или их склонностью к изучению иностранных языков, не учитываются.

Типичные трудности могут быть разделены на собственно лингвистические и культурно-коммуникационные. Лингвистические сложности связаны с различиями между языками в грамматике, фонетике, морфологии, фразеологии и других аспектах. Лингвокультурный фактор оказывает существенное влияние на освоение языка из-за автоматического переноса речевых стереотипов из одного языка в другой, искажая смысл речи.

Одной из главных особенностей японского языка является система письма, которая включает в себя китайские иероглифы – кандзи и фонетические алфавиты: хирагану и катакану. Кана (хирагана и катакана) – это слоговое письмо, а кандзи – это логографическая система, включающая несколько тысяч иероглифов, каждый из которых имеет свое значение и произношение. Более того, у подавляющего большинства японских иероглифов существует как минимум два чтения (китайское и японское), а многие кандзи имеют от трех до десяти чтений. Например, иероглиф 山, означающий «гора», употребляемый сам по себе, имеет японское чтение «уама», но в сочетании с другими иероглифами используется китайское чтение «san». Гора, известная в России как «Фудзияма», в Японии называется 富士山 (Fujisan) – «Фудзи-Сан», так как иероглиф 山 в соседстве с другими кандзи приобретает китайское чтение.

Изучение японской письменности затрудняется отсутствием пробелов между словами, что делает текст непрерывным и порой сложным для понимания.

Использование иероглифов усложняет изучение японского языка, но в основном из-за объема информации. При этом чтение предполагает наличие некоторого времени на распознавание иероглифа и перевод, а навыки аудирования и говорения предполагают мгновенное реагирование и вызывают гораздо большие трудности.

Фонетика японского языка может вызывать затруднения у обучающихся. Во-первых, в японском языке присутствуют звуки, отсутствующие, например, в русском или английском языках.

Во-вторых, в ударение в японском языке не силовое, как в русском языке, а «музыкальное» и определяется высотой слога в слове [7].

В-третьих, важную роль играют долгие и краткие гласные в различных фонетических сочетаниях, что существенно влияет на различение значений слов. Например, ここ (koko) – «здесь» и こうこう (koukou) – «старшая школа»; ゆき (yuki) – «снег» и ゆうき (yuuki) – «смелость»; おばさん (obasan) – «тётя» и おばあさん (obaasan) – «бабушка».

Значительные трудности для аудирования создает также колоссальная омонимия японского языка. В основном омонимы – это слова китайского происхождения [5].

Другой важной особенностью японского языка является его сложная грамматика. На начальной стадии обучения, при изучении простых назывных и глагольных предложений, особых затруднений не возникает. Освоение системы падежей также не является проблемой для русскоязычных студентов, в то время как для носителей китайского языка, где нет падежей, изучение десяти японских падежей представляет существенные трудности. Однако при переходе к сложным предложениям с определениями и причастными оборотами возникают затруднения из-за различий в структуре японского и русского языков. В японском языке определения идут перед определяемыми, в то время как в русском языке – после. Поэтому японский называют языком «левого ветвления», а русский – «правого ветвления». Например, фраза «дом, который построил Джек», в японском языке строится в обратном порядке: «Джеком построенный дом» – ジャックが建てた家 (Jakku ga tateta ie). Порядок слов во фразе «пшеница, которая в темном чулане хранится в доме, который построил Джек», при переводе на японский будет таким: «Джеком построенного дома (в) тёмном чулане хранящаяся пшеница». В стихотворении «Дом, который построил Джек» при переводе на японский каждое предложение с точки зрения структуры выглядит как зеркальное отражение русского предложения.

Определенную сложность представляют счетные суффиксы. В японском языке счетный суффикс меняется в зависимости от того, к какой группе относится слово, которое подлежит счету [4]. Популярный пример со счетом рыбы весь-

ма показателен, хотя демонстрирует лишь часть из нескольких десятков используемых счетных суффиксов. Живая рыба, которая плавает в воде, считается как маленькие животные, то есть после числительного добавляется суффикс 匹 (hiki). Рыба, которую поймали, обычно считается как длинный и тонкий предмет, которому соответствует суффикс 本 (hon), но если рыба плоская, используют суффикс 枚 (mai). Целая рыба, которая лежит на тарелке в качестве блюда, считается «хвостами», суффикс 尾 (bi). Большой кусок почищенной рыбы считается как порция еды, 丁 (chou). Куски рыбы считаются с суффиксом 塊 (koro). Кусочек, разрезанный на тонкую полоску – 冊 (saku). Маленький кусочек «на один укус» – 切れ (kire). Упаковки с рыбой из магазина – パック (pakku).

Лексику японского языка обычно делят на три группы: исконно японские слова, слова китайского происхождения и заимствования из других языков [2]. Иногда одно слово может иметь все три варианта (написания и произношения).

В японском языке существует множество английских заимствований, что, казалось бы, должно упрощать общение: не знаешь японского слова – используй английское. Однако английские заимствования произносятся специфическим образом, так как трансформированы с учетом японской фонетики. Например, スマホ (sumaho) – от английского smartphone (смартфон), サッカ (sakka) – soccer (футбол). Многие заимствованные слова сократились в японском языке до неузнаваемости: パソコン (pasokon) – сокращение от personal computer (персональный компьютер), изначально звучало как パーソナルコンピュータ (pasonaru konpuuta); オーエル (oeru) – так по-японски произносится аббревиатура OL, означающая office lady (женщина, работающая в офисе). Много случаев, когда смысл заимствованных слов со временем менялся либо в японском, либо в языке-источнике. Например, ワンピース (wanpiisu) означает в Японии любое платье любой разновидности и образовано от английского one-piece dress (цельнокроеное платье), а в английском языке это «dress». コンセント (konsento) произошло от английского concentric plug (концентрическая розетка) – именно такой тип электрических розеток в начале XX века пришел в Японию и довольно быстро устарел, однако сохранился в японском языке для обозначения любых электрических розеток, но в современном английском языке «электрическая розетка» – это «socket».

В японском языке большое количество онomatопей (слов, образованных из звукоподражания). Словари фиксируют более пяти тысяч таких лексических единиц. Как и в других языках, многие из онomatопей являются имитацией звуков природы (わんわん (wanwan) – лай собаки; ガタガタ (gatagata) – стучать, дребезжать). Немало онomatопей, передающих психическое, физиологическое

или эмоциональное состояние человека (ドキドキ (dokidoki) – ускоренное сердцебиение из-за волнения или страха; フラフラ (furafura) – дрожь в теле). Различные характеристики объектов также могут передаваться в японском при помощи средств звукоподражания (ぴかぴか (pikarika) – блестящий; フワフワ (fuwa-fuwa) – мягкий, воздушный). Эти слова используются для краткого и выразительного описания, для придания динамичности повествованию и создания чувства присутствия [6]. Изучение такой лексики может быть сложным, поскольку носители японского языка усваивают ее с детства, на подсознательном уровне.

Японский язык известен своими уровнями уважения и вежливости, которые влияют на выбор лексики и грамматических конструкций [1]. Даже японцы могут допускать ошибки в употреблении вежливой речи, и иностранцам сложно научиться говорить в этом стиле, не запинаясь.

Японский язык имеет отличительную черту – разделение на мужской и женский стиль общения [3]. Это находит отражение, прежде всего, в повседневной устной речи и связано с социокультурными ролями мужчин и женщин в японском обществе. То есть «женская» фраза, высказанная мужчиной, является грамматически абсолютно верной, но странной или эпатирующей с социокультурной точки зрения. Например, местоимение «я» может звучать по-разному: 私 (watashi) – в вежливой или официальной речи представителей обоих полов; あたし (atashi) – в женской речи; 僕 (boku) – у мужчин в обыденной речи, с недавних пор у некоторых женщин для придания речи мужественности и независимости; 俺 (ore) – при общении мужчин с другими мужчинами.

Итак, исследование сложностей в изучении японского языка позволяет нам лучше понять уникальные особенности этого языка и выявить возможные трудности, с которыми сталкиваются изучающие его люди. Несмотря на сложность иероглифической системы письма и множество грамматических правил, японский язык остается увлекательным объектом изучения, который открывает перед нами богатство японской культуры и традиций.

Библиографический список

1. Алпатов В. М. Категории вежливости в современном японском языке. – М. : Наука, 1973. – 108 с.
2. Алпатов В. М. Япония: язык и культура. – М., 2008. – 473 с.
3. Жукова И. В. Стилистика японского языка. – М. : Восточная литература, 2002. – 111 с.
4. Кизэда М. Грамматика японского языка / пер. с яп.; общ. ред., послесл., коммент. и указ. Н. И. Фельдман. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – Т. 1. – 671 с.
5. Корчагина Т. И. Омонимия в современном японском языке. – М. : АСТ, 2005. – 175 с.
6. Румак Н. Г., Зотова О. П. Толковый японско-русский словарь ономатопозитических слов. – М. : АСТ, 2022. – 640 с.
7. Рыбин В. В. Фонетика японского языка. – СПб. : Гиперион, 2012. – 343 с.

Якимец Наталья Васильевна
Институт филологии СО РАН
Новосибирский государственный университет
г. Новосибирск, Российская Федерация
E-mail: a_sib_diam@mail.ru

ИЗУЧЕНИЕ КОНСОНАНТИЗМА ЮРТ-ОРСКИХ ЧАТОВ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ СОХРАНЕНИЯ ЯЗЫКА

Natalya V. Yakimets
Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation
E-mail: a_sib_diam@mail.ru

STUDYING THE CONSONANT SYSTEM OF THE YURT-ORA CHAT TATARS AS ONE OF THE WAYS TO PRESERVE THE LANGUAGE

Аннотация. Цель статьи – дать краткое представление о текущем состоянии юрт-орского говора чатских татар, выделить некоторые проблемы, связанные с его сохранением и передачей, а также обозначить, как результаты фонетического исследования консонантизма юрт-орского говора могут быть использованы для его сохранения через формирование норм графики и орфографии.

Abstract. The purpose of this article is to give a brief idea of the current state of the Yurt-Ora Chat Tatar dialect, to highlight some problems related to its preservation and transmission, and to outline how the results of the phonetic study of the consonant system of the Yurt-Ora Chat Tatar dialect could be used for its preservation through the formation of graphical and orthographic norms.

Ключевые слова: тюркские языки, язык юрт-чагов, консонантизм, губно-губные согласные, шумные, малолушумные.

Keywords: Turkic languages, the language of Yurt Chats, consonantism, labial consonants, noisy, low-noise.

Потомки чатских татар, коренного тюркоязычного этноса Юго-Западной Сибири, на сегодняшний день проживают в г. Томске, в Томской области и в деревнях Юрт-Акбалык и Юрт-Ора Колыванского района Новосибирской области. Мы занимаемся исследованием юрт-орского говора чатов, который имеет отличия от эуштинско-чатского говора, распространенного среди

томских татар, и от говора жителей д. Юрт-Акбалык НСО. Комплексного фонетического, грамматического и лексического исследования юрт-орского говора не проводилось. На сегодняшний день он продолжает оставаться малоизученным и бесписьменным идиомом. Есть некоторое количество работ, посвященных юрт-орскому говору [1, 2, 6, 7, 8, 9, 10]. Однако более широкие исследования посвящены эуштинско-чатскому (или чатскому) говору, который описывавшие его ученые относили к томскому диалекту татарского языка [3, 4, 5, 7].

Юрт-орский говор находится под угрозой исчезновения. Согласно личному сообщению носителя идиома Н. Х. Шагабутдинова, на сегодняшний день насчитывается около 200 носителей. На данный момент не установлено, происходит ли передача языка в семьях. По утверждениям некоторых носителей, детей, свободно говорящих на юрт-орском говоре, нет (согласно полевым материалам автора). Ситуация усугубляется влиянием русского и, в меньшей степени, татарского литературного языка, которые доминируют в профессиональной, образовательной и медийной сферах. Существует еще один фактор – географическая близость с Новосибирском, куда молодое поколение уезжает жить. Таким образом, нарушается компактность проживания, в результате даже в бытовой сфере юрт-орский говор вытесняется русским языком.

Несмотря на сложившееся положение вещей, делаются попытки сохранить говор. Так, в 2022 г. в рамках гранта под руководством Н. Х. Шагабутдинова и под авторством М. Ш. Абакирова были выпущены первые учебные пособия по юрт-орскому говору – одно для взрослых и подростков и одно для детей. Пособия состоят из 12 разделов, содержат диалоги на бытовые темы, грамматический справочник и словарь. Пособие для детей также включает аудио-приложение.

Однако в учебных пособиях имеются недостатки, которые могут затруднить обучение. В частности, за основу принят алфавит татарского литературного языка. Хотя мы еще находимся в процессе изучения и установления фонемного состава согласных в юрт-орском говоре, уже сейчас возникает вопрос о том, например, присутствуют ли в юрт-орском говоре фонемы, которые в литературном татарском языке отображаются буквами *h* и *ж*.

Еще одной проблемой является отсутствие правил графики и орфографии, разработанных для юрт-орского говора. В результате слова в учебных пособиях записаны на основе их фонетического звучания, без учета фонемного и морфологического принципов. Например, в слове *өстәль* – *өстәл* – *өстол* ‘стол’ гласный записан четырьмя разными способами, а согласный записан двумя способами. Подобные случаи встречаются и в других словах, например: *сагать* – *сагәть* – *сәгать* ‘час’, *ёк* – *йок* ‘нет’, *сен* – *сэн* ‘ты’ и др. Встречаются

нарушения правил фонотактики: *кызтар* ‘девички’, *язкалы* ‘писать’. Нет четко выработанных правил орфографии. Например, в предложениях вопросительная частица *ба* пишется слитно: *Сэн ажаназыңба?* ‘Ты кушать будешь?’, а формы инфинитива записаны через дефис: *ал-галы* ‘взять’.

Наше исследование может помочь преодолеть выявленные проблемы. На данном этапе исследования методами слухового и акустического анализа были изучены и описаны звукотипы «р», «b», «m» и «w» в твердорядных, мягкорядных и смешаннорядных словах. С помощью программы Speech Analyzer 3.1.2.0. были проанализированы аудиозаписи 69 слов (с трехкратным повторением), полученных от 5 дикторов. Был проведен анализ дистрибуции данных звукотипов, измерены показатели длительности, частоты основного тона (ЧОТ) и интенсивности.

Для смычных взрывных звукотипов «р», «b», и малошумного «m» удалось установить зависимость артикуляционных характеристик от палатальной гармонии в слове. Для малошумных звукотипов «w» зависимости артикуляционной специфики от гармонического ряда выявлено не было. Было показано, что консонанты «р» и «w» имеют сверхкраткую длительность, а консонанты «b» и «m» являются долготнонеопределенными. Средняя интенсивность данных консонантов возрастает градуально в порядке: глухой, звонкий, малошумный. Среднее значение ЧОТ у звонких звукотипов было определено как сопоставимое. Также у фонем были описаны дополнительные артикуляции в виде фарингализации, эпиглоттализации и глоттальных вставок.

Как сказано выше, наше исследование может способствовать сохранению говора по нескольким направлениям. Во-первых, это один из способов документации идиома, находящегося в зоне риска исчезновения. Во-вторых, без установления инвентаря согласных фонем (а в будущем и гласных), определения их дистрибуции, а также правил фонотактики невозможно применение фонемного принципа для установления норм графики и орфографии, а опора только на морфемный и морфологический принципы затруднительна. В-третьих, нормы графики и орфографии важны с точки зрения лингводидактики: разное написание одних и тех же слов может вызвать у обучающихся затруднение с прочтением слов, с соотнесением формы и значения слова и его запоминанием.

В заключение отметим, что хотя юрт-орский говор находится под угрозой исчезновения предпринимаются шаги для его сохранения: создаются учебные пособия и проводятся фонетические исследования, которые способствуют документированию говора, а также могут использоваться в разработке правил графики и орфографии, что необходимо для повышения эффективности обучения и сохранения этнокультурного наследия.

Библиографический список

1. Артикуляторные базы коренных тюркских этносов Южной Сибири : по данным МРТ и цифровой рентгенографии / И. Я. Селютина, Н. С. Уртегешев, А. Ю. Летягин [и др.]. – Т. Вып. 41. – Новосибирск : Изд-во Сибирского отделения РАН, 2012. – 372 с.
2. Бадртдинова А. А. Система вокализма говоров татарских сел Колыванского района Новосибирской области (по материалам экспедиции 2017-го года) // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2019. – № 1. – Т. 10. – С. 1–8. – URL: <https://sfk-mn.ru/issue-1-2019.html> (дата обращения: 28.02.2025).
3. Булатова М. Р. Эуштинско-чатский говор татарского языка (по материалам экспедиции 2015 г., предпринятой в Томскую область) / М. Р. Булатова // Фэнни Татарстан. – 2016. – № 1. – С. 137–150.
4. Дульзон А. П. Диалекты татар – аборигенов Томи // Ученые записки. – Т. XV. – Томск : Томский государственный педагогический университет, 1956. – С. 297–379.
5. История и культура татар Западной Сибири / А. Т. Агджоян, Х. Ч. Алишина, А. Н. Багашев [и др.] ; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Центр по изучению историко-культурного наследия сибирских татар Филиала Тюменского государственного университета в г.Тобольске. – Казань : ООО "Артифакт", 2015. – 728 с.
6. Селютина И. Я., Уртегешев Н. С., Эсенбаева Г. А., Добрина А. А., Рыжикова Т. Р. Атлас консонантных артикуляций в тюркских языках народов Сибири. – Новосибирск : Ин-т филологии СО РАН. – 2013. – 352 с.
7. Тумашева Д. Г. Диалекты сибирских татар: опыт сравнительного исследования. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1977. – 296 с.
8. Уртегешев Н. С., Рыжикова Т. Р. Губно-губные согласные языка чатов и барабинских татар: сопоставление // Милли-мәдәни мирасыбыз : Новосибирск өлкәсе татарлары. 2 нче басма, 2021. – С. 224–240.
9. Халкова Ю. А., Уртегешев Н. С. Дистрибуция и инвентарь шумных губных фонем в языке чатских татар // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России, 2015. – С. 300–304.
10. Халкова Ю. А., Уртегешев Н. С. Язык чатов: малошумные 1-го артикуляционного ряда // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России, 2016. – С. 86–89.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамова Дарья Эдуардовна, бакалавр 2 курса, группа 03532, направление подготовки 45.03.01 «Филология, Родной язык и литература, переводоведение», Институт истории и филологии, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ, Республика Бурятия, e-mail: abramovad038@gmail.com

Бадрутдинова Алсу Анисовна, магистрант 1 курса, группа 494-ом, направление подготовки 45.04.03 «Фундаментальная и прикладная лингвистика», Амурский государственный университет, г. Благовещенск; младший научный сотрудник, редактор, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация, e-mail: badriko15@mail.ru

Болотбек кызы Алмаш, аспирант 1 курса, научная специальность 5.9.8. «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика», Амурский государственный университет, г. Благовещенск; преподаватель кафедры иностранных языков, Бийский филиал Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В. М. Шукшина, г. Барнаул, Алтайский край, Российская Федерация, e-mail: almashbolotbek@yandex.ru

Борисов Максим Алексеевич, магистрант 1 курса, группа 494-ом, направление подготовки 45.04.03 «Фундаментальная и прикладная лингвистика» (профиль «Иностранные языки и речевые технологии»), Амурский государственный университет, г. Благовещенск, Российская Федерация, e-mail: maks100752@mail.ru

Васильева Карина Анатольевна, бакалавр 2 курса, группа 03532, направление подготовки 45.03.01 «Филология, Родной язык и литература, переводоведение», Институт истории и филологии, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ, Республика Бурятия, e-mail: karina.vasileva.645@inbox.ru

Голубева Валерия Анатольевна, бакалавр 3 курса, группа 03925, направление подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки). Родной язык и литература и русский язык и литература», Институт истории и филологии, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ, Республика Бурятия, e-mail: golybevalera31@gmail.com

Горбунова Екатерина Семеновна, бакалавр 3 курса, группа 03925, направление подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки). Родной язык и литература и русский язык и литература», Институт истории и филологии, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ, Республика Бурятия, e-mail: ekatyarina27@gmail.com

Евсеева Диана Александровна, бакалавр 4 курса, группа 03915, направление подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)». Родной язык и литература и русский язык и литература», Институт истории и филологии, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ, Республика Бурятия, e-mail: Evseeva8924@mail.ru

Иванашко Юлия Петровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Амурский государственный университет, г. Благовещенск, Российская Федерация, e-mail: polia-80@mail.ru

Карачева Ольга Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Амурский государственный университет, г. Благовещенск, Российская Федерация, e-mail: okaracheva@rambler.ru

Кравец Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Амурский государственный университет, г. Благовещенск, Российская Федерация, e-mail: t_kravetc@mail.ru

Марченко Владимир Владимирович, аспирант 2 курса, научная специальность 5.9.8. «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика», Амурский государственный университет; старший преподаватель кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка, Благовещенский государственный педагогический университет, г. Благовещенск, Российская Федерация, e-mail: grammateus2@yandex.ru

Морозова Ольга Николаевна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков, научный сотрудник лаборатории экспериментально-фонетических исследований, Амурский государственный университет, г. Благовещенск, Российская Федерация, e-mail: morozova_olga06@mail.ru

Петров Александр Александрович, доктор филологических наук, профессор Института народов Севера, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, заслуженный деятель науки Республики Саха (Якутия), Почётный работник высшего профессионального и сферы образования РФ, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: petrovalexspb@mail.ru

Процукович Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Амурский государственный университет, г. Благовещенск, Российская Федерация, e-mail: amursea@mail.ru

Рудницкая Елена Леонидовна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: erudnitskaya@gmail.com

Смирнова Ольга Геннадьевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Амурский государственный университет, г. Благовещенск, Российская Федерация, e-mail: olgasmirnova15_12@mail.ru

Тюков Владислав Степанович, аспирант 1 курса, научная специальность 5.9.8. «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика», Амурский государственный университет, г. Благовещенск, Российская Федерация, e-mail: welcomvlad28@gmail.com

Уртегешев Николай Сергеевич, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории экспериментально-фонетических исследований, Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск; ведущий научный сотрудник Лаборатории экспериментально-фонетических исследований кафедры иностранных языков, Амурский государственный университет, г. Благовещенск, Российская Федерация, e-mail: urtegeshev@mail.ru

Федоров Николай Николаевич, магистрант 1 курса, группа 494-ом, направление подготовки 45.04.03 «Фундаментальная и прикладная лингвистика», Амурский государственный университет, г. Благовещенск, Российская Федерация, e-mail: nikf@mail.ru

Якимец Наталья Васильевна, аспирант 1 курса, научная специальность 5.9.8. «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика», Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск; старший преподаватель кафедры иностранных языков, Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, Российская Федерация, e-mail: a_sib_diam@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы сохранения языков и культур народов России и Китая (Северная конференция)

<i>Абрамова Д. Э.</i> Названия способов и орудий охоты в джелтулакском говоре эвенкийского языка.....	3
<i>Бадртдинова А. А.</i> Смягчение гласных в среднем диалекте татарского языка .	7
<i>Болотбек кызы Алмаш</i> Кумандинский язык: морфологический строй (общая характеристика).....	13
<i>Борисов М. А., Морозова О. Н.</i> Тунгусская экспедиция С. М. Широкогорова 1915-1917 гг.: к вопросу о фонетической транскрипции словарных дневников.	17
<i>Васильева К. А.</i> Алитет Николаевич Немтушкин – певец родного края	21
<i>Голубева В. А.</i> Эвенкийские гидронимы Республики Бурятия.....	25
<i>Горбунова Е. С.</i> Обрядовая лексика эвенкийского языка	29
<i>Евсеева Д. А.</i> Женские образы в творчестве Владимира Лоргоктоева.....	35
<i>Карачева О. Б.</i> Интонация сложных высказываний в интерферированной русской речи эвенков.....	39
<i>Кравец Т. В.</i> Имагологический анализ художественного образа восприятия представителя тунгусо-маньчжурских народов в этнографическом романе В. К. Арсеньева «По Уссурийскому краю»	45
<i>Марченко В. В.</i> Программа для анализа форм эвенкийских глаголов	49
<i>Морозова О. Н.</i> Документирование тунгусского песенного фольклора в первой половине XX века	55
<i>Морозова О. Н.</i> Роль Амурского государственного университета в реализации проекта «Сокровища Севера»	60
<i>Морозова О. Н.</i> «Северная конференция» – научная основа Международной олимпиады «Турэн».....	65
<i>Морозова О. Н.</i> Сюжеты ороchonского песенного фольклора Китая	73
<i>Петров А. А.</i> Известный исследователь эвенкийского языка и педагог (к 70-летию со дня рождения Е. Ф. Афанасьевой)	78
<i>Процукович Е. А., Иванашко Ю. П.</i> Методика «Языковое гнездо» как способ ревитализации исчезающих языков	84
<i>Рудницкая Е. Л.</i> Функция перфектива у инхоативного показателя в эвенкийском языке	90

Смирнова О. Г. Дошкольный конкурс «Турэнкэн-2024».....	99
Тюков В. С. Особенности передачи фразеологизмов при переводе китайских народных сказок на русский язык (на материале китайских народных сказок о тигре)	105
Уртегешев Н. С. Латерализованные щелевые согласные (по соматическим данным)	109
Федоров Н. Н. Трудности при освоении японского языка.....	114
Якимец Н. В. Изучение консонантизма юрт-орских чатов как один из способов сохранения языка	119
Сведения об авторах	123

ЭЛЕКТРОННОЕ НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
XII МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

**«ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР
НАРОДОВ РОССИИ И КИТАЯ»
(СЕВЕРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ)**

17 января 2025 г.

Редактор – *О. К. Мамонтова*

Компьютерная верстка – *Ю. М. Гофман*

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Амурский государственный университет»
675027, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21